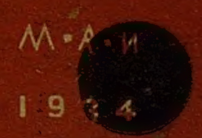
ВОЙНА

и

КРЕСТЬЯНСТВО

СБОРНИК СТАТЕЙ



М·А·И

1934

ВОЙНА
и
КРЕСТЬЯНСТВО

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВАН-МИН
ГЕРНЛЕ, Э.
ГР., А.
ЗЕЙСКИЙ, М.
КОЛАРОВ, В.
КОЛОНИУС, Д.
ЛОУФ БОХЕН
ЛУЦКИЙ, В.
ТАРАШКЕВИЧ, Б.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКВА 1934



Ответственный редактор **В. Коларов**

Технический редактор **А. Федоров**



Набрано и отпечатано в типографии Международного Аграрного Института,
Москва, ул. Коминтерна, 14,
Главлит Б-37522
Сдано в набор 3/VIII—34 г.
Подп. к печ. 20/VIII—34 г.
$8^{1}/_{4}$ п. л. по 51 т. зн. в п. л.
Тираж 5 200 экз.



А. ГР.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ—1914—1918 гг.

20 лет тому назад разыгралась самая великая и кровавая в истории человечества драма,—началась война, в которую были вовлечены все континенты мира.

Сотни миллионов долларов были переплавлены в орудия смерти и разрушения. Свыше 10 миллионов рабочих и крестьян пало на фронтах. Десятки миллионов погибли от голода и эпидемий. Двадцать миллионов трудящихсяя были изувечены на всю жизнь.

Братские могилы под Верденом, на Марне, на полях Галиции и Бельгии, в Карпатах и т. д.—служат памятником 4-летней бойни, памятником широчайшего обмана масс лозунгами «Защиты родины», «Справедливости», «Последней войны», «Защиты демократии» и т. д. и т. п.

А в результате войны — невиданное обнищание масс и в то же время столь же невиданное обогащение горстки капиталистов, рост политической реакции, балканизация Европы и еще большее угнетение колониальных и полуколониальных народов, огромное усиление империалистических противоречий, приведших к новой гонке вооружений.

Но основной результат войны — в том, что она явилась поворотной вехой не только в развитии империалистического капитализма, но и в развитии мирового рабочего и социалистического движения.

Г-да империалисты хотели переделить мир, перекроить границы, разрешить путем войны свои десятилетиями накоплявшиеся противоречия. Они хотели только войны. Но война гигантски ускорила приход революции. Капиталисты хотели новых барышей, новых рынков и колоний—и только, но рабочие и крестьяне, вовлеченные в войну, повернули исход войны на путь революции. Первый тур империалистической войны превратился в первый тур революции.

Пролетарская революция в России привела к распаду мира на две системы—на мир капитализма и мир социализма. Это обусловило поворот во всем развитии капитализма. Война и Октябрьская революция породили всеобщий кризис капиталистической системы. Но война и революция определили еще нечто большее, чем переход к всеобщему кризису капитализма. Возникновение СССР—базы мировой пролетарской революции и рождение Коминтерна на развалинах обанкротившегося II Интернационала—изменили ход мировой

пролетарской революции и лицо международного социалистического движения.

Сегодня пролетариат и все трудящиеся мира имеют свое отечество — Союз Советских Социалистических Республик, которое они своей грудью защищали и будут защищать. Предстоящие революции в других странах будут иметь в лице СССР—свою мощную опору. С другой стороны, и пролетариат капиталистических стран сейчас уже не тот, что был в 1914 году, ибо сейчас существует подлинно боевой революционный авангард во всех странах—коммунистическая партия.

Позорный крах II Интернационала в 1914 г. не мог привести и не привел к гибели международное революционное движение, международный социализм. Судьбы международного социализма взял в свои руки Коммунистический Интернационал. Рожденный в обстановке войны и измены международной социал-демократии, Коммунистический Интернационал организует теперь, накануне новой мировой войны, борьбу против войны, фашизма, наступления капитала, организует победу революции до войны и подготавливает, если война опередит революцию, превращение империалистической войны в гражданскую. Все это говорит о том, что соотношение сил коренным образом изменилось в пользу пролетариата, что «перспективы» мировой буржуазии, развязывающей войну, менее утешительны, чем накануне войны 1914—1918 гг.

* * *

20 лет назад началась первая мировая империалистическая война. Сейчас мир стоит накануне второй мировой империалистической войны. Налицо непосредственная опасность контрреволюционной войны против СССР. «Милитаризация проникает собою всю общественную жизнь»,—писал Ленин в разгар войны 1914—1918 гг.[1]. Столь же верны эти слова и сейчас, в период подготовки новой войны. Чудовищно растут вооружения, армии, подготовляются огромные людские резервы для будущей войны. Несмотря на то, что опыт первой мировой войны и начавшейся в связи с ней революции показал опасность для буржуазии массовых армий, буржуазия и в настоящее время готовит массовые многомиллионные армии.

Следующая табличка показывает рост численности армий.

	1914 г.	1934 г.
	(В тысячах)	
Англия	884	1 027,3
Япония	236	320
США	226	325,5
Италия	292,3	342,2
Франция	770,5	553

Чрезвычайно сильно возросли обученные резервы для войны. В одной фашистской Германии, где по Версальскому договору полагается иметь стотысячный рейхсвер, фактически сейчас подго-

[1] Ленин. Соч., т. XXX, стр. 317.

товлен 300-тысячный рейхсвер, а до событий 30 июня было еще свыше 2-х миллионов штурмовиков, около 1 млн. членов фашистской организации «Стального Шлема». Численность обученных людских резервов в настоящее время выше, чем в 1913/14 году и достигает в 5 государствах (Англия, Америка, Япония, Франция, Италия) 15—20 млн. человек. Численность военно-фашистских организаций пяти великих держав в четыре раза больше их регулярных войск. Расходы на военную подготовку за истекшее двадцатилетие более чем удвоились.

В 1913 г. те же пять великих держав расходовали на армии мирного времени 2 млрд. 700 млн. золотых рублей, а в 1931 г. они расходовали уже 5 млрд. 700 млн. руб.

Намного увеличилась техническая оснащенность армии.

Увеличены дальнобойность и скорострельность всех видов оружий.

Наряду с этим идет усиленная экономическая подготовка к войне, подготовка промышленности и сельского хозяйства.

Промышленность организуется так, чтобы в случае войны можно было быстро перевести ее на рельсы военного производства. За годы экономического кризиса только военная промышленность не знала кризиса, наоборот, она непрерывно растет.

Подготовка к войне находит также свое выражение в импорте сырья. Сюда относится в первую очередь усиленный импорт наиболее дефицитных для данной страны видов сырья. Например, импорт никеля и вольфрама в Германии за первую половину 1933 г. сравнялся с ввозом этих металлов за весь 1932 г. За первые месяцы 1933 г. ввезено бокситов в десять раз больше, чем за соответствующие месяцы 1932 г. Колоссально вырос также ввоз хлопкового линтера (для производства взрывчатых веществ). Директор германского рейхсбанка, Шахт, недавно косвенно признал, что нынешние острые финансовые затруднения Германии вызваны в основном именно усиленным ввозом сырья для нужд войны и военной промышленности.

То же самое мы видим в Японии, которая за последние годы усиленно ввозит хлопковый линтер, железный лом (из США), покупает в Англии на-слом старые суда, производит широкие закупки нефти.

Особое внимание капиталистические страны уделяют приспособлению сельского хозяйства к военным целям: создаются различного рода с.-х. союзы, тресты, синдикаты и государственные предприятия, увеличиваются запасы хлеба и т. д.

Сильней чем когда-либо ведется идеологическая подготовка к новой войне. Бешено растут шовинизм и национализм, особенно в тех странах, которые в настоящее время наиболее усердно готовят войну,—в Японии и Германии. Когда мы сейчас говорим об опасности новой войны, о темпах ее подготовки, мы не можем позабыть о том, что сейчас к командным высотам власти во всех капиталистических странах подбираются партии фашистов, стремящиеся к войне. XIII Пленум ИККИ правильно охарактеризовал фашизм, как

диктатуру наиболее воинствующих элементов монополистического капитала. Переход буржуазии к фашистским методам диктатуры лучше всего показывает, что буржуазия поставила в порядок дня войну: внутри страны — гражданскую войну против пролетариата и трудящихся крестьян, вне страны — войну империалистическую и контрреволюционную войну против СССР.

Путем террора, уничтожения всех рабочих и крестьянских революционных организаций, путем попыток разгрома компартий буржуазия пытается подготовить «тыл» для войны, сломить силы, поднимающиеся во всех странах против новой войны.

Фашизм—это война. Вот почему сейчас еще более, чем накануне 1914 г., атмосфера насыщена войной, в которой буржуазия надеется найти выход из тупика бесконечно выросших противоречий.

* * *

Каковы же те силы, которые тормозят взрыв новой империалистической войны и войны против Советского Союза?

Решающими тормозами являются, с одной стороны, наличие СССР и его мирная политика, и с другой стороны,—то, что буржуазия боится превращения империалистической войны в гражданскую.

Если бы не было СССР, если бы не было коммунистических партий, организующих антивоенное движение масс, если бы не страх за свой «тыл»,—мы бы не имели столь длительной «передышки» между двумя турами войн.

Вопреки всем провокациям, СССР неуклонно проводит политику мира, политику пролетарского интернационализма. Во всем мире идет бешеная гонка вооружений. Женевская конференция по разоружению полностью провалилась. И только СССР — единственная страна, которая борется за всеобщее разоружение, за сокращение вооружений, за мир и безопасность народов. Заключение Союзом ССР пактов о ненападении почти со всеми своими соседями, предложение тов. Литвинова об определении агрессора и, наконец, предложение о заключении региональных пактов, в частности «восточного» регионального пакта, имеющих целью взаимное гарантирование мира и безопасности народов, все это—отдельные крупнейшие вехи на пути борьбы Страны Советов за мир.

Противоречия между самими империалистами не могут не затруднять развязывания контрреволюционной войны против СССР. Советский Союз блестяще сумел использовать внутреннюю борьбу между империалистами. В своей борьбе за мир СССР готов использовать и Лигу наций, в той мере, в какой она «может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им» (Сталин) [1].

Советский Союз знает всю условность и ограниченность значения дипломатических пактов и гарантий, которые, как правило,

[1] «Правда» от 4/I—1934 г.

нарушаются империалистическими державами. Но несмотря на это СССР использует и эти средства дипломатии для затруднения развязывания войны. Советский Союз добился признания со стороны самой мощной империалистической державы—Америки, он добился установления дипломатических отношений с Чехо-Словакией, Болгарией, Румынией и заключения пакта о ненападении с Францией, годами бывшей организатором интервенций против СССР. Советское предложение о заключении регионального восточно-европейского пакта является образцом дипломатической борьбы СССР за мир. Это предложение с максимальной рельефностью показало, кто не заинтересован в борьбе за мир (Германия и Польша) и кто действительно стремится к безопасности народов.

Успехи Советского Союза в борьбе за мир вынуждены признать теперь даже крупнейшие буржуазные политики. Ясно, что в основе успехов мирной политики лежат огромные завоевания социалистического строительства под руководством вождя партии и рабочего класса, тов. Сталина, обеспечивающие мощь Советского Союза, вес СССР в международной политике. Наша политика мира дает столь плодотворные результаты потому, что мы являемся силой и что эта сила имеет своей основой нашу славную Красную армию, готовую оборонить страну от наскоков извне.

Враги знают, что ...«война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран»[1].

В новой контрреволюционной войне капиталистический мир потерпит катастрофическое поражение.

СССР—борется за мир. Коммунистический Интернационал развертывает борьбу против войны и фашизма. Все это оттягивает и затрудняет развязывание новой войны, но предотвратить эту войну может только победоносная революция.

Главные империалистические поджигатели изо всех сил работают над развязыванием войны. Последнее событие в Австрии еще раз и с особой силой подтвердили это.

Каковы же силы, готовящие войну, каковы основные узлы империалистических противоречий, ведущих к войне, где основные очаги войны?

Накануне войны 1914 г. основным противоречием между империалистическими соперниками было противоречие между Англией и Германией. Это противоречие определило основные группировки империалистических стран в войне,—группировки, которые начали складываться еще задолго до мировой войны. Образование тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией в 1879 г. и с Италией в 1882 г., с одной стороны, и Франко-Русского союза в 1891 г., с другой, произошло более чем за два десятилетия до начала мировой войны. Глубочайшие экономические и политиче-

[1] И. Сталин. Отчетный доклад на XVII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). Партиздат, 1934 г., стр. 15.

ские интересы Англии и Германии—двух сильнейших тогда капиталистических держав—сталкивались во всех решающих вопросах мировой политики, в вопросах рынков сбыта, источников сырья, вывоза капитала и проч. Рост противоречий между германским и английским империализмом, с одной стороны, и рост противоречий между Германией и Францией, жаждавшей реванша за поражение в войне 1871 г., с другой,— приводит к «сердечному соглашению» 1904 г., к так называемой «англо-французской Антанте».

Опубликованные теперь документы блестяще подтвердили правильность слов Ленина, что «война вызвана столкновением двух могущественнейших групп миллиардеров — англо-французской и немецкой—за передел мира» [1]

Интересы России и Германии в основном сталкивались в вопросе о Ближнем Востоке. Царская Россия стремилась захватить выход в Средиземное море, ей нужны были Константинополь и проливы; этому, с другой стороны, препятствовала Германия. Россия представляла из себя громадный рынок, на котором сталкивались интересы англо-французского и германского капитала. Но англо-франко-бельгийский капитал занимал командные позиции в тяжелой промышленности в царской России, и это не могло не сыграть решающей роли в подготовке войны и включении царской России в Антанту.

Как видим, основные причины, обусловившие войну, лежали значительно глубже, чем это изображают буржуазные историки. Причины, обусловившие войну, толкали к поиску повода для начала войны. Таким непосредственным поводом явилось убийство 28 июня 1914 г. в г. Сараеве (Босния) сербскими националистами австрийского престолонаследника герцога Франца Фердинанда, убийство, организованное сербской охранкой по указке генерального штаба царской России.

Двадцать лет прошло с начала этой войны, и мир снова стоит перед взрывом новой мировой войны. Каждую минуту может возникнуть повод для военного взрыва, возникновение которого обусловлено всем послевоенным развитием империализма и исходом войны 1914—1918 гг.

Канун новой войны отличается другой системой противоречий и иной расстановкой сил. В отличие от обстановки 1914 г. самым основным и острым является теперь противоречие между миром капитализма и миром социализма. Вот почему накануне нового тура войн основное место занимает подготовка контрреволюционной войны против СССР.

> «Поэтому каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны Советов, цитадели революции, рево-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 42.

люционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом».[1]

Основным противоречием в лагере империалистов является теперь противоречие между Англией и Америкой; между этими могущественнейшими капиталистическими странами идет борьба; они готовятся к вооруженной схватке за мировое господство. Борьба между Америкой и Англией в частности уже нашла свое выражение в войнах в Южной и Караибской Америке (война Боливии и Парагвая, Перу и Колумбии).

С приближением морской конференции 1935 г. все больше усиливается комплекс противоречий между Англией и Америкой.

Другое крупнейшее противоречие—это борьба между Японией и Америкой за господство на Тихом океане. О неизбежности войны Японии с Америкой открыто говорят генералы и публицисты.

Особенно откровенно о ней говорят представители японской военщины. Смена кабинета Саито кабинетом Окадо является лучшим доказательством подготовки морского соперничества Японии с Америкой. Чем ближе созыв морской конференции 1935 г., тем все настойчивее японские империалисты говорят о «кризисе 1935—1936 г.», тем яснее вырисовываются силуэты тихоокеанской войны.

Но главными поджигателями и организаторами новой войны и контрреволюционной войны против СССР являются сегодня—на Дальнем Востоке — японский империализм, на Западе — фашистская Германия. Этим, конечно, не исчерпывается список капиталистических стран, готовящихся к войне. Готовят войну все империалистические страны: Франция, Польша, Чехо-Словакия и Америка и в особенности Англия. Но решающая роль принадлежит сегодня Японии и Германии.

Война Японии против Китая, захват Японией Манчжурии и значительной части Северного Китая,—являются увертюрой к войне против Советского Союза и к новой мировой империалистической войне.

Япония превращена в сплошной военный арсенал. Почти вся японская промышленность работает на войну. За границей закупаются оружие и военное сырье. Крупнейшие военные заводы Европы загружены японскими заказами. Военный бюджет поглощает основную часть всего бюджета.

В своей политике военного грабежа Китая и подготовки войны против СССР, Япония получила большую поддержку со стороны Англии. Это давало возможность предполагать, что, несмотря на ряд противоречий между Японией и Англией (борьба за дальневосточные рынки, за Китай, морское соперничество и др.), складывается англо-японский антисоветский военный союз. Не безрезультатно ищет

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 499.

японский империализм военного «сотрудничества» с фашистской Германией.

Сила Красной армии и последовательная мирная политика СССР, ряд слабых сторон японского империализма (слабость «тыла» в результате роста классовых противоречий и активности компартии Японии, шаткость финансовой базы и др.) и, наконец, наличие внутриимпериалистических противоречий,—все это затрудняет немедленное развертывание войны против СССР. Однако это не смягчает угрозы войны. Наоборот, все эти «трудности» способны ускорить прыжок Японии к новым военным авантюрам.

Германский империализм из первой мировой войны вышел побежденным и разбитым. Но никогда, в том числе и в Веймарский период, при содействии соц.-демократов германский империализм не прекращал подготовки к выходу на «широкую дорогу» своей империалистической политики.

Приход фашистов к власти привел к колоссальному ускорению темпов и расширению размаха подготовки новой войны. Особенно отчетливо выступили попытки разрешить свои империалистические противоречия за счет «экспансии на Востоке», войны против СССР. О своих «планах» г-да Гитлер, Геринг, Розенберг и др. открыто заявляли еще задолго до прихода к власти и продолжают и сейчас их попрежнему декларировать. Руководящей идеей германских фашистов является идея создания «великой германской территории», которая простиралась бы от Северного моря до Черного, которая включила бы не только всю центральную и юго-восточную часть Европы, но также Советскую Украину, и даже Советское Закавказье.

И сегодня, как и раньше, основная установка германского фашизма состоит в том, чтобы подготовкой антисоветской войны найти путь к активной внешней империалистической политике.

Германский фашизм ведет политику усиленного вооружения. Также смысл событий 30 июня с. г., с точки зрения военной политики германской буржуазии, состоит в том, чтобы ценой сужения своего мелкобуржуазного базиса, удара по штурмовикам получить возможность форсирования довооружений и увеличения рейхсвера. Опаснее всего было бы предполагать, что внутренняя драка в лагере фашистов сама по себе способна уменьшить роль Германии как главного поджигатели войны в Европе. События 25 июля с. г. в Австрии говорят об обратном. Мировая печать справедливо сходится на признании того, что организатором национал-социалистского путча в Австрии была Германия, пытавшаяся этим путем присоединить Австрию к себе. Своей политикой в Австрии фашистская Германия поставила Европу на самую грань новой мировой войны. Начались передвижения итальянских войск к австрийской границе и произошла некоторая концентрация на австрийской границе югославских и чехо-словацких войск. Не случайно выстрел в Австрии совпал с провокационным выстрелом в Саарской области[1].

[1] **Попытка убийства фашистами полицейского комиссара в Саарской области, закрывшего ряд национал-социалистических газет.**

Предложение Советского Союза заключить региональные пакты и в частности инициатива Франции в отношении заключения «восточного пакта» очень ярко разоблачили военные замыслы фашистской Германии и фашистской Польши, которая после заключения пакта о ненападении с Германией начала активно с ней «сотрудничать». Великое значение «Восточного Локарно» заключается в том, что оно потребовало ясно высказаться «за» или «против» мира и безопасности народов.

Характерно, что даже одобрительные отношения к этому пакту со стороны Италии и влиятельных кругов английской буржуазии, поддержка идеи пакта со стороны Эстонии, Латвии, Литвы, не побудили до сих пор Германию и Польшу изменить свое отрицательное отношение к восточному пакту. Такая политика фашистской Германии значительно усиливает внешне-политическую изоляцию ее.

И конечно не случайно поездка в Эстонию министра иностранных дел Польши, полковника Бека, совпала с поездкой командующего рейхсвером, военного министра Германии, генерала Блюмберга.

Все это вместе взятое показывает, что фашистская Германия, идущая навстречу экономической катастрофе, теряющая влияние на мелкую буржуазию и наталкивающаяся на все большее сопротивление со стороны пролетариата (что особенно ясно показали печальные для фашистов итоги выборов «доверенных»),—Германия Гитлера, Розенберга способна каждую минуту поставить весь мир перед пропастью войны. Австрия, Саар, Мемель, Балканы—пороховые погреба Европы. И в эти пороховые погреба германские фашисты при некоторой поддержке фашистской Польши бросают искры войны.

Англия на протяжении очень длительного периода, до самого последнего времени, являлась главным организатором войны, особенно войны против Советского Союза. В самое последнее время, в связи с восточным пактом, мы наблюдаем некоторый сдвиг в английской дипломатии в сторону более холодного отношения к Германии и некоторого сближения с Францией.

Но мы не можем не отметить, что этот сдвиг еще находится в зачаточном состоянии, что внутри английской буржуазии сейчас борются две тенденции, одна из которых имеет явно выраженный антисоветский характер.

* * *

Социал-демократия всех стран с первого дня войны 1914 г. открыто перешла на сторону своей буржуазии для защиты «отечества». Измена социал-демократии привела к краху II Интернационала. Интернационал распался. Германская социал-демократическая фракция 4 августа голосовала за военные кредиты.

Мы не оставим отечества без помощи в час опасности»,—заявил Гуго Гаазе, один из вождей германской социал-демократии.

«Вперед, генералы, мы дадим вам людей, вы дайте нам победы»,—отвечали им французские социалисты.

«Голосование против кредитов было бы изменой по отношению к народу, а воздержание от голосования было бы трусостью. Голосуйте за...»—писал Плеханов.

И только голос Ленина, голос русских большевиков и небольшой горстки левых германских и др. с.-д. партий был поднят против войны, против обмана лозунгом «защиты отечества», только ими было смело поднято знамя войны империалистической войне, провозглашен лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, лозунг поражения своего империалистического правительства.

В то время, когда г-да Жюль Гед и Самба,—представители французской соц. партии, входили в буржуазное правительство Франции (август 1914 г.), когда г-н Гендерсон, тогдашний вождь независимой рабочей партии входил в правительство Великобритании (май 1915 г.), когда вожди германской с.-д. Шейдеман и Эберт становились министрами его императорского величества Вильгельма II (1918 г.) — большевистских депутатов IV государственной думы отправили на каторгу, а большевистская партия в глубоком подполье, в окопах и траншеях вела борьбу с «своей» буржуазией, против шовинизма, за пролетарский интернационализм, мобилизовала силы для грядущей революции.

И только учение Ленина выдержало боевые испытания в огне чудовищной войны,—большевики спасли идею социализма и заложили фундамент нового международного товарищества рабочих—Коммунистического Интернационала.

В связи с войной был нанесен первый политический удар II Интернационалу. Двадцать лет спустя, в связи с открытой капитуляцией германской с.-д. перед фашизмом, в связи с предательством социал-демократии Австрии и других стран, II Интернационалу был нанесен второй сильнейший удар.

Подготовка новой мировой войны происходит при участии международной социал-демократии, представляющей главную социальную опору буржуазии.

Второй и Амстердамский Интернационалы «приспосабливают свою политику к предвоенной обстановке, стремясь обеспечить интересы своей буржуазии и направление главного удара против СССР»,—так формулировал XIII Пленум ИККИ нынешнюю предвоенную позицию международной социал-демократии. Основным софизмом социал-демократии сейчас является лозунг защиты «демократического отечества» от стран фашистской диктатуры. На сей раз в качестве «островков» «демократии» выдвигаются Англия, Франция, Голландия, Швейцария и др. и даже... фашизирующаяся Чехо-Словакия. Наибольшего внимания заслуживает совсем недавно принятое решение английской лейбористской партии—отказаться от объявления всеобщей стачки в случае войны; лозунг всеобщей стачки еще недавно выставлялся и «защищался» английскими социалистами.

Г-н Де-Ман, виднейший представитель не только бельгийской социалистической партии, но и всего II Интернационала, обосновывает лозунг защиты буржуазного «отечества» интересами... строительства... социализма (!?).

«Социализм,—пишет Де-Ман,—утверждает право народов располагать собою и хочет сделать национальное государство ареной и орудием той перестройки, которой он добивается. Следовательно, ему нужна политика национальной обороны».

Японская социал-демократия, т. е. социал-демократия страны, уже ведущей войну, служит примером практического поведения социал-фашистов во время войны. Японские социал-фашисты целиком и полностью встали на защиту грабительской войны Японии против Китая, на защиту захвата Манчжурии, обосновывая его интересами... создания «рая для пролетарских масс» в Манчжурии, создания базы... «строительства социализма» .Такова подлая роль этих лакеев империалистической буржуазии. **Борьба против социал - демократии есть составная часть борьбы против войны.**

Успешное ведение борьбы против войны и фашизма требуют организации на основе революционной платформы широкого единого фронта с социал-демократическими рабочими и крестьянами. Отказ германской социал-демократии 20 июля 1932 г., 30 января и 1 марта 1933 г. от призыва Коминтерна к единому фронту против фашизма помог фашизму притти к власти.

Под нажимом рабочих масс социалистическая партия Франции вынуждена была пойти на заключение единого фронта с компартией Франции для борьбы против фашизма, против подготовки войны, за освобождение т. Тельмана и т. д. Воззвание центральных комитетов коммунистических партий Франции, Англии, Германии и Польши к 1-му августа призвало к общим демонстрациям социал-демократические партии. Коммунистический Интернационал призвал к единому фронту. Откликнутся ли социал-демократические партии на призыв Коминтерна,— будет зависеть от них. От коммунистов же будет зависеть успех мобилизации с.-д. рабочих, крестьян, желающих вести борьбу против войны и фашизма вопреки предательскому социал-демократическому руководству.

* * *

Секции Коммунистического Интернационала развертывают борьбу против войны. Чтобы победить в связи с войной, надо развернуть борьбу и мобилизовать широчайшие массы рабочих и крестьян против войны теперь же, еще до начала войны.

Ряд секций Коммунистического Интернационала уже на практике выдержал суровую проверку в огне войны (компартия Франции во время марокканской войны 1925 г., компартия Японии в войне японского империализма против Китая, компартия Китая во время захвата КВЖД, во время войны Японии против Китая, в борьбе

против шести походов гоминдановских палачей на советский Китай и т. д.). Все секции Коминтерна вели и ведут упорную борьбу в защиту СССР.

Мы особенно должны отметить опыт антивоенной работы героической компартии Японии, смело боровшейся за осуществление большевистского лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую.

В борьбе против войны центр тяжести компартии должны перенести на массовое движение и массовую работу. Работа на заводе, в профсоюзах, в деревне среди сельских рабочих и крестьян, в армии—вот что должен делать коммунист до войны и во время ее, чтобы превратить ее в гражданскую войну. Не «бойкот войне», не «отказ от ношения оружия», не разрозненные индивидуальные выступления, а массовая пропаганда и агитация приведет к превращению империалистической контрреволюционной войны в войну гражданскую. Если мы под этим углом зрения подойдем к нашей антивоенной работе, то увидим, что секции Коминтерна и революционные организации рабочих и крестьян наряду с некоторыми успехами имеют еще много невыполненных задач. Так, например, до сих пор еще далеко не все секции выполнили величайшее указание XIII Пленума ИККИ о том, что надо «сосредоточить свои силы в каждой стране на узловых объектах военной машины империализма», т. е. организовать работу прежде всего на предприятиях военной промышленности и на транспорте. Подчас антивоенная работа носит все еще пропагандистский характер, в то время как наряду с усилением агитации надо обратить внимание на практическую организацию массовых действий, для задержки отправки вооружений, войск и т. д.

Еще слаба работа в армии.

Важнейшей обязанностью революционных пролетарских и крестьянских организаций является борьба против шовинизма и национализма, умение итти против течения в борьбе за пролетарский интернационал. Актуальным, как никогда, является сейчас требование Владимира Ильича, что

> «...надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается» ...«надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе». [1]

Торжественное объявление войны уходит в прошлое. Мир теперь «вползает» в войну. Все больше стирается грань между мирным положением и состоянием войны. Японский империализм, начавший свою разбойничью войну против Китая без всякого формального объявления, показал классический образец того, как будут поступать все империалистические разбойники при начале будущей мировой

---

[1] «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге» В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 372.

империалистической войны и контрреволюционной войны против СССР.

В свете опыта прошлой войны и подготовки новой империалистической войны особое значение приобретает антивоенная работа в деревне, среди крестьянства. Все капиталистические страны, и особенно страны фашистской диктатуры, проводят подготовку сельского хозяйства к нуждам будущей войны. Наряду с экономической подготовкой сельского хозяйства к войне фашистам в Германии удалось во время прихода к власти путем безграничной социальной демагогии изолировать пролетариат от крестьянства и использовать националистический и шовинистический обман крестьянских масс для подготовки войны. Все это заставляет нас усилить работу компартий в деревне, в особенности работу антивоенную.

Исходным в этой работе должно быть следующее постановление VI конгресса Коминтерна:

> «Принимая во внимание, что в большинстве стран крестьянство образует основную массу армий, антимилитаристской работе среди крестьян надо уделять особое внимание... Они (коммунисты,—А. Г.) должны вести в крестьянских массах агитацию против войны на основе опыта всемирной войны, связывая ее с борьбой за экономические требования мелкого крестьянства, разъяснять отношение пролетариата к войне, вести фракционную работу в реакционных крестьянских союзах, устраивать направленные против войны конференции малоземельного крестьянства, учитывая при проведении работы в армии специфические интересы последнего» [1].

Война 1914—1918 гг. всей своей тяжестью пала на плечи трудящегося крестьянства и особенно на бедное и беднейшее крестьянство. Еще свежи раны, нанесенные войной. Антивоенной работе в деревне способствуют антивоенные настроения крестьян. Но наша антивоенная работа в деревне еще слаба. Об этом говорит в частности слабое привлечение и участие крестьянских масс в выступлениях 1-го августа. Недостаточно ведется антивоенная работа среди трудящихся крестьян. Ативоенная агитация слабо увязывается с борьбой крестьян против налогов, долгов, с борьбой за землю, за снижение арендной платы и т. д. Антивоенная работа не может вестись путем одних лишь случайных кампаний, демонстраций и т. д. Нужна планомерная и систематическая работа, увязанная с непосредственными требованиями трудящихся крестьян. Особое место должна занять работа с крестьянской молодежью. Еще VI конгресс КИ настоятельно требовал посвятить особое внимание созданию связи между деревней и крестьянами-солдатами в армии посредством корреспонденций, использования отпускников и т. д.

Решения VI Конгресса в области антивоенной работы еще очень мало выполнены. Они остаются актуальными и на пороге VII Конгрес-

---

[1] «Коммунистический Интернационал в документах» 1919—1923 г. Партиздат 1933 г., стр. 802.

са Коминтерна. Между тем обстановка сейчас чрезвычайно благоприятна для развертывания этой работы. Экономический кризис в переплетении с аграрным в огромной степени ускорил пауперизацию миллионов крестьян, деградацию мелких и средних крестьянских хозяйств, разоряемых падением цен на с.-х. товары, задавленных высокими налогами, повинностями, арендными платежами и капиталистическими мероприятиями по сокращению посевных площадей и т. д. Результаты засухи в капиталистических странах—всей тяжестью обрушиваются на неимущие слои деревни. Все это создает благоприятную обстановку, и не может не создавать ее для мобилизации масс в деревне, на основе широкого единого фронта против войны, фашизма, наступления капитала. Надо показать широким массам, как за счет ограбления рабочих и крестьян капиталисты и помещики тратят миллиарды на бешеное вооружение. Все ухудшающемуся положению крестьян в странах капитализма надо противопоставлять коренное улучшение положения крестьян в СССР, в своей основной массе уже ставших на путь коллективизации и уверенно идущих через большевистские колхозы к зажиточной жизни

* * *

Мир идет навстречу второму туру войн. Но в связи с войной неизбежна революция. Коммунисты используют кризис, вызванный войной, и превратят империалистическую войну в гражданскую, в решающую схватку за диктатуру пролетариата, за власть Советов.

В. КОЛАРОВ

БОРЬБА ЗА КРЕСТЬЯНСКИЕ РЕЗЕРВЫ

Капиталистический мир вплотную подошел к новому туру войн и революций, который неизбежно приведет к победе мировой революции над капитализмом. Для нас ясно, что главной и основной силой в революции является пролетариат с его авангардом—коммунистической партией. Пролетариат—это основной отряд мировой революции. Однако, когда пролетариат готовится к решающим боям,—для него исключительную важность приобретает вопрос о союзниках.

Пролетариат в капиталистическом мире не является большинством населения. Больше одного миллиарда населения земного шара составляют колониальные и полуколониальные народы. Эти народы порабощены кучкой империалистов, закабалены международным империализмом и всей буржуазией. Естественно, что трудящиеся массы колониальных стран являются союзниками международного пролетариата. Национально-освободительная борьба является частью мировой революции, дополнением борьбы мирового пролетариата за пролетарскую диктатуру. Но и в капиталистических странах пролетариат отнюдь не является большинством населения. Рядом с пролетариатом мы видим огромные массы крестьянского населения. Трудящиеся крестьяне находятся в кабале у капиталистов-помещиков и являются ближайшими союзниками пролетариата.

Борьба за превращение широких трудящихся крестьянских масс в резерв пролетариата, в союзников пролетарской революции является одним из самых животрепещущих вопросов пролетарской революции. Пролетарская партия, которая серьезно готовит пролетариат к захвату власти и победе революции,—не может не интересоваться вопросом о союзниках.

Коммунистический Интернационал основан на принципах ленинизма. Он воспринял опыт большевиков, выявивший революционную роль крестьянства, показавший, как на деле можно и нужно использовать революционную энергию крестьянства для победы буржуазно-демократической и пролетарской революции.

---

1 Сокращенная стенограмма доклада т. Коларова на сессии научно-исследовательских институтов: комакадемии, МАИ и мирового хозяйства, посвященного двадцатилетию империалистической войны (от 25 июля).



Большевистская партия, следуя учению Маркса—Энгельса—Ленина, поставила вопрос о мобилизации союзников пролетариата и на всех этапах революции под руководством Ленина и Сталина умела правильно определять отношение пролетариата к крестьянству. Опыт ВКП(б) в крестьянском вопросе имеет колоссальное международное значение. Он показал возможность и необходимость привлечения крестьянства как союзника пролетариата в революции. Это не есть только теория, это уже проверено и подтверждено историей.

Это большевистское учение проверено и на опыте колониальной революции в Китае. Китайский пролетариат, руководимый компартией, в союзе с крестьянством завоевал советскую рабоче-крестьянскую власть на огромной территории китайской земли в борьбе против милитаристов, помещиков и империалистов.

Опыт ВКП(б) говорит о том, что в каждой стране пролетариат при решении революционных задач, стоящих перед ним, должен использовать революционную энергию трудового крестьянства, поднять его против капиталистов и помещиков и превратить трудящиеся массы в резерв пролетарской революции. Только таким путем победа пролетарской революции будет обеспечена.

* * *

Теперешний период характеризуется следующими моментами.

Исключительно обострились противоречия между двумя принципиально противоположными социальными системами—капиталистической и социалистической; до крайности обострились противоречия в империалистическом лагере между государствами, борющимися за передел мира. Идет лихорадочная подготовка к новой империалистической войне и прежде всего к нападению на СССР.

Теперешний период характеризуется также обострением противоречий между империалистическими государствами, с одной стороны, и их колониями и полуколониями, с другой, усилением национально-революционных движений и войн.

Наконец, характерным для нынешнего периода является исключительная напряженность, небывалая острота классовых противоречий внутри капиталистических стран. Эти противоречия привели уже к огромному росту революционной волны, к небывалому революционному подъему, хотя и неравномерному в отдельных странах капитала.

Революционным подъемом охвачен не только пролетариат, но и огромные крестьянские массы.

В условиях продвижения мира гигантскими шагами к войне, к контрреволюционному нападению на Советский Союз, в условиях быстрого созревания революционных кризисов,—в капиталистических странах развивается фашизм. Финансовый капитал выковывает себе в виде фашизма новый исключительно острый инструмент для подготовки новой войны, для усиления наступления капитала и помещиков на жизненный уровень рабочих и крестьян,

новое оружие беспощадного удушения революционного движения рабочих и крестьян.

Центральным фактом в современной истории буржуазных государств является развитие фашизма, его победа в ряде стран и вместе с тем начало его упадка и разложения. При этом фашизм отнюдь не является особенностью развития только некоторых государств. Фашизм находит почву для развития и в классических странах буржуазной демократии, как, например, Англия, Франция, Швейцария и т. д.

Разбить фашизм в данный момент означает нанести колоссальное поражение самой могущественной и самой реакционной части крупного капитала, самому опасному врагу пролетариата и пролетарской революции. Разбить фашизм—означает ослабить влияние и позиции, ослабить возможности влияния крупного финансового капитала на массы.

Борьба с фашизмом стоит в центре борьбы пролетариата и его партии. Антифашистская борьба, антифашистский фронт в данный момент является важнейшим фронтом борьбы.

Фашизм вызывает исключительную ненависть в рабочих и крестьянских массах. Во многих капиталистических странах создается единый антифашистский фронт борьбы, острие которого направлено против крупного финансового капитала, против самой реакционной части буржуазии. Как известно, за последнее время во Франции создан могущественный антифашистский фронт, охватывающий коммунистов и социалистов, революционеров и реформистов.

Этот факт имеет колоссальное международное значение. Он говорит о том, что на почве борьбы с фашизмом возможно объединить расколотый социал-демократией пролетариат и поднять рабочих сплоченными рядами против капитализма, империализма и войны. Опыт создания единого антифашистского фронта во Франции возможно и необходимо распространить также и на деревню, на крестьянство, и не только во Франции, но и во всех странах капитала. Условием, способствующим созданию единого антифашистского фронта в деревне, является создание единого антифашистского фронта рабочих в городе. Это однако отнюдь не означает, что в антифашистской работе в деревне нужно ждать, пока будет установлен единый антифашистский фронт рабочих.

Когда поднималась фашистская стихия в Германии, в Австрии и др. странах, некоторые утверждали, что это есть «крестьянская стихия», фашизм есть выражение крестьянского недовольства и крестьянских устремлений. Это—ложная, по сути дела контрреволюционная теория. Фашизм не имеет ничего общего с подлинными интересами и стремлениями трудящихся деревни, являясь на деле орудием финансового капитала. Фашизм по отношению к трудовому крестьянству есть орудие самого свирепого угнетения и ограбления.

Крестьянство не является носителем фашизма, его вдохновителем; крестьянство не является субъектом фашистской власти; наобо-

рот, крестьянство является для фашистской диктатуры объектом угнетения. Теория о «крестьянском» характере фашизма есть контрреволюционная теория. Она раскалывает единый рабоче-крестьянский фронт, противопоставляет рабочих крестьянам и наоборот, и таким образом осуждает пролетарскую революцию на поражение. Если бы фашизм действительно являлся выражением крестьянских устремлений, то тогда пролетарская революция находилась бы в исключительно тяжелых условиях, и шансы на ее победу были бы значительно снижены. Фашизму в некоторых странах только временно удается изолировать пролетариат от крестьянства, привлечь часть крестьянства на свою сторону, временно задушить революционное движение. Однако своими действиями фашизм подготовляет почву для новых, более могущественных взрывов революционного движения, для более крепкой спайки союза рабочих и крестьян.

В периоды революционных кризисов буржуазия всегда апеллировала к крестьянству. Достаточно вспомнить события 1848—1850 гг. во Франции, Парижскую коммуну и др. Всем известна роль обманутого крестьянства при подавлении революций в прошлом на Западе. Когда в городе становилось опасно, буржуазия обращалась к крестьянству, мобилизовывала его против пролетариата. Буржуазии часто удавалось окружить революционный город деревенской контрреволюцией, задушить революцию, сломить пролетариат. Готовясь к войне, буржуазия также в первую голову апеллировала к крестьянству. Теми или иными методами она добивалась мобилизации крестьянства и временно парализовывала антивоенные настроения пролетариата.

Сейчас, при обострении общего кризиса капитализма, когда господствующие классы в поисках выхода из кризиса все больше обращают свои взоры к войне, когда назревают крупнейшие революционные бои,—буржуазия снова обращается к крестьянству и в лице фашизма апеллирует к нему. Фашизм обращается также к пролетариату; он имеет частичные успехи среди отсталых слоев рабочего класса, среди безработных. Но здесь успехи фашизма незначительны и эфемерны. Гораздо более значительные успехи он имеет среди городской мелкой буржуазии.

Фашизм стремится создать себе массовый базис в деревне, не жалея демагогии и разного рода посулов. Прочитайте основные документы германского фашизма и вы найдете в них прославление, возвеличивание германского крестьянства, как важнейшего народного слоя, «источника вечной молодости немецкого народа» как «станового хребта» обороноспособности Германии. Вся фразеология гитлеровского фашизма есть сплошное демагогическое возвеличивание крестьянства.

Если вы рассмотрите документы японского фашизма по крестьянскому вопросу, то и там увидите то же самое. Японские фашисты проливают крокодиловы слезы о крестьянине, о его горькой судьбе; они подчеркивают разорение, нищету японского крестьянина, на

словах требуют «улучшения» его положения, а на деле только усиливают его эксплоатацию.

Однако, неоспоримым фактом является то, что трудовое крестьянство гораздо легче поддается фашистскому воздействию, чем пролетариат, его легче обмануть, легче запугать и привязать к колеснице фашизма.

Почему это так? Чем объяснить успех фашизма среди крестьянства при наличии того факта, что фашистский режим на деле означает усиление эксплоатации и гнета крестьянских масс, усиление разорения и обнищания их?

Ключ к ответу на этот вопрос дал нам Маркс. Анализируя успехи реакционной буржуазии среди крестьян в революционные кризисы в прошлом, Маркс говорит, что частная собственность крестьянина, т. е. то, что он есть мелкий собственник, мелкий хозяин, является тем талисманом, который губит его, который позволяет эксплоататорским классам привлекать крестьянство на свою сторону, втягивать его в свои путы, использовать его в контрреволюционных целях.

В своей книге «Классовая борьба во Франции 1848—1850», стр. 106, Маркс пишет следующее:

> «Право крестьянской собственности является талисманом, который отдавал до сих пор крестьянина во власть капитала; во имя этой собственности капитал натравливал крестьян против промышленного пролетариата. Только падение капитала может поднять крестьян, только антикапиталистическое рабочее правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации».

То, что писал Маркс про мелких парцелльных крестьян Франции середины прошлого века, целиком и полностью применимо к современному трудящемуся крестьянину.

Частная собственность крестьянина является той зацепкой, за которую хватается фашизм. Крестьянин, как об этом писали Маркс и Ленин, имеет две души. Он является мелким собственником, мелким хозяином; мелкая собственность привязывает его к классу собственников, мелкое хозяйство привязывает его к буржуазии. Это одна его душа. Другая его душа—это то, что он является тружеником, рабочим, который сам себя нанимает и сам себе зарплату платит. Это обстоятельство привязывает его к пролетариату. И в то время, когда пролетариат тянет крестьянина к себе в качестве труженика, буржуазия тянет его в качестве собственника, в качестве хозяина.

Фашизм обещает крестьянину землю, обещает освободить его собственность от задолженности, фашизм обещает крестьянину помочь его хозяйству, увеличить доходность его хозяйства, облегчить его положение как собственника и торговца. Часть крестьян, в большинстве своем середняки, у которых глубоко укоренилась привязанность к частной собственности, находясь в отчаянном положении, не имея ясного представления о том, каким образом можно выйти

из него, прислушиваются к фашистам и во многих случаях верят их демагогии. Они говорят: «Давайте попробуем, может быть, что-нибудь сделают и для нас».

Совершенно ясно, что если фашизм может привлечь на свою сторону трудящегося крестьянина, спекулируя на его мелкособственнических интересах, то это происходит постольку, поскольку рабочему классу, коммунистической партии не удалось предварительно разъяснить мелкому крестьянину его действительное положение и втянуть его в борьбу против буржуазии и помещиков.

Во всех странах, где коммунисты ведут широкую работу среди крестьянства, там фашизм не может глубоко проникнуть в деревню. Наоборот, в тех странах, где крестьянство слабо затронуто коммунистической пропагандой, действительно большевистской работой, там оно легко становится жертвой фашизма, — тем более, что по отношению к мелкому распыленному крестьянству фашистский террор применяет особое принуждение, запугивая крестьянина тем, что его дом, его урожай будут сожжены, что его корову уничтожат. Такие случаи запугивания имели место и в Германии, и в Италии, — всюду, где фашизм проводил наступление на деревню.

Вот чем обусловливаются сравнительные успехи фашизма среди крестьянства.

Мировой экономический кризис, в особенности аграрный, привел крестьянство капиталистических стран к состоянию полного разорения, нищеты и голода. Буржуазия и помещики в поисках выхода из кризиса снижают и без того нищенскую зарплату сельских рабочих, лишают их социального страхования и пособия по безработице, воскрешают крепостнические формы эксплоатации, вводят принудительный труд, принудительное взыскание налогов, арендной платы, процентов по займам, которых крестьяне не могут платить вследствие катастрофического падения цен на сельскохозяйственные продукты. Идет массовая распродажа крестьянского имущества с торгов за бесценок. Помещики буквально снимают с крестьян последнюю рубашку, выгоняют их с земли, расхищают коммунальную собственность. Тресты и картели при помощи сельскохозяйственной кооперации эксплоатируют крестьянство путем всевозможных спекулятивных махинаций, — скупают за безценок сельскохозяйственные продукты, продавая их затем крестьянам по повышенной цене, как и промышленные товары, которые продаются по монопольным ценам. Происходит массовое разорение крестьянства даже в самых передовых капиталистических государствах, не говоря уже об отсталых и колониальных странах, где накопилась огромная армия безработных.

В таких условиях явился перед крестьянством фашизм со своей неслыханной демагогией.

До прихода к власти Гитлер обещал разрешить земельный вопрос. Ничем в своей демагогии не стесняясь, он обещал даже конфисковать помещичьи имения и разделить их между безземельными крестьянами. Это обещание встревожило помещиков, и Гитлер

вынужден был опубликовать «разъяснение» в том смысле, что требуемая им конфискация имений касается только евреев, которые приобрели имения спекулятивным путем, а не честным трудом.

Но когда Гитлер пришел к власти, он, разумеется, никакой земли крестьянам не дал. Он создал лишь на Восточных границах Пруссии в целях якобы обороны границ своего рода военные поселки, населенные исключительно «патриотическими элементами» и кулаками, бывшими военными. А что касается наделения землей вообще немецкого безземельного крестьянства, то фашисты неустанно указывают на обширную и богатую советскую землю. Согласно фашистской теории, земля не является монополией тех, кто сейчас живет на ней. Земля принадлежит тому, кто силен. Меч—вот что разрешит вопрос о земле. У кого меч,—у того будет и плуг. Аграрная программа фашизма—программа подготовки военного нападения на Советский Союз.

Приблизительно такова же аграрная программа японского фашизма. Земельный голод мелких японских арендаторов, согласно фашистской программе, будет устранен не конфискацией помещичьих имений, а путем колонизации Манчжурии и захвата земель колхозников на Советском Дальнем Востоке.

Итак, аграрная программа фашизма сводится к подготовке империалистических войн, к вовлечению трудящегося крестьянства в войну против Советского Союза.

Но следует указать, что Гитлеру эта демагогия в аграрном вопросе не удалась. Крестьянство, которое поверило аграрной демагогии фашистов, с первых же дней прихода Гитлера к власти потребовало выполнения аграрной программы фашистов; в ряде городов Германии, особенно в Восточной Пруссии, имели место бурные крестьянские демонстрации, на которых безземельное крестьянство требовало конфискации и раздела помещичьих имений.

Вторая часть крестьянской программы Гитлера заключалась в обещании поднять рентабельность, доходность сельского хозяйства. Гитлер обещал «спасти» разоренное, обнищавшее немецкое крестьянство, укрепить его хозяйство путем уничтожения «процентного рабства», путем снижения налогов, предоставления дешевых кредитов и всяких других видов государственной помощи.

Все эти обещания остались на бумаге. Трудящиеся крестьяне, разумеется, никакого спасения не получили от фашизма. На деле фашизм улучшил положение только помещичьих и кулацких хозяйств за счет государственной казны и увеличения обложения рабочих и крестьян. Частичное снижение процентов на деле помогло лишь помещикам и кулакам. Крестьянские же массы остались со своими долгами и процентами. Налоги были снижены, но таким образом, что помещики оказались полностью освобожденными от огромных налоговых недоимок, а трудящееся крестьянство не только не почувствовало никакого облегчения, а наоборот, стало испытывать новые тяготы. Фашистская диктатура путем террора и репрессий принуждает немецкое трудящееся крестьянство платить все налоги

до последней копейки. Кроме того Гитлер предоставил помещикам и кулакам возможность пользоваться бесплатным трудом безработных, посылая их в принудительном порядке, в порядке трудовой повинности на полевые работы в деревне.

* * *

Сельскохозяйственные мероприятия гитлеровского правительства привели к обострению противоречий в деревне, к усилению эксплоатации крестьянства со стороны банков, монопольных объединений, к полному закабалению крестьянских масс помещиками и крупным капиталом. Процесс обнищания крестьянских масс режимом фашизма не только не был приостановлен, а наоборот ускорился. Нищета в фашистской деревне достигла ужасающих размеров, и недовольство крестьянских масс гитлеровскими мероприятиями чрезвычайно усилилось. Оно начало уже проявляться в различного рода выступлениях крестьян против диктатуры фашизма.

Несколько времени тому назад, еще до прихода фашистов к власти, германский экономист Файлер характеризовал следующим образом положение германской деревни:[1]

> «В течение последних лет в Германии происходит нечто вроде новой крестьянской войны. Это еще не является непосредственным вооруженным восстанием, еще не является действительной крестьянской войной. Пассивное сопротивление при продаже земли с молотка, пассивное сопротивление при уплате налогов и резкий экономический и общественный бойкот против всех тех, кто не хочет беспрекословно подчиняться этим лозунгам,—таковы пока что преобладающие методы». «Но, — продолжает Файлер», — опасность заключается в том, что крестьяне не ограничиваются борьбой за отдельные конкретные требования, а выступают против всей системы капиталистической эксплоатации».

О том, каково положение германской деревни после прихода Гитлера к власти, можно судить по следующим фактам.

На крестьянском съезде в Кенигсберге, созванном фашистами в июне 1933 г., ряд ораторов говорил о кричащем противоречии между обещаниями фашистской партии и делами гитлеровского правительства. «Теперь крестьянам живется хуже,—говорили ораторы,— чем раньше, и помещики крепче сидят на земле, чем даже до войны». Несмотря на возражения председателя, съезд, созванный под опекой фашистов, решил послать Гитлеру телеграмму с требованием немедленной экспроприации крупных помещичьих имений Восточной Пруссии и раздела их между крестьянами.

Другой факт, В Кенигсберге в прошлом году произошла многотысячная демонстрация крестьян, поддержанная рабочими. Демонстранты требовали более решительных революционных выступлений и, в особенности, — экспроприации крупных имений и крупной промышленности.

[1] „Frankfurter Zeitung", февраль 1932 г.

Ограничимся только этими фактами. Ясно, что фашистскому террору в Германии лишь временно удалось подавить крестьянское недовольство и возмущение. Недовольство и возмущение крестьян фашистской диктатурой относится не только к Германии, но и ко всем странам, где фашизм пришел к власти. Об этом свидетельствуют массовые крестьянские волнения и вооруженные восстания в Польше, Италии, Румынии и на Балканах.

Рост революционной борьбы крестьян есть лучшее доказательство глубочайшего кризиса, переживаемого современной капиталистической системой. Мелкая собственность, с которой связано существование многомиллионных крестьянских масс, не может больше накормить их.

Фермеры считались опорой капитализма в Соединенных Штатах. В Соединенных Штатах больше 30 млн. фермерского населения. Однако большинство их не имеет больше никакой уверенности в завтрашнем дне, они не чувствуют почвы под ногами, их выгоняют с земли, и они поднимаются против трестов, банков и правительства. Напомним прошлогодние массовые волнения фермеров в США. Например, в штате Айова, миллионное фермерское население вышло на дорогу, в поле на борьбу против трестов, монопольных объединений, скупающих за бесценок крестьянские продукты и продающие их по повышенным ценам рабочим.

Не лучше положение во французской деревне. Во Франции больше 5 млн. крестьянских хозяйств, но огромное большинство их находится под угрозой разорения. Трудящееся население французской деревни чрезвычайно недовольно своим положением и выступает против эксплоататоров. Достаточно вспомнить массовые крестьянские волнения, имевшие место в прошлом году в ряде районов.

Испанская деревня после провала аграрной реформы находится на пути к аграрной революции, со всеми сопровождающими ее явлениями жесточайшей классовой борьбы. В Испании крестьяне и сельские рабочие захватывают помещичьи земли, поджигают помещичьи имения. Против крестьян посылаются карательные экспедиции и проводятся жесточайшие репрессии. Массовые забастовки с.-х. рабочих потрясают все сельское хозяйство буржуазно-помещичьей Испании.

Польская деревня доведена фашистской диктатурой до полного истощения и голода, она восстает с оружием в руках. Достаточно вспомнить вооруженное восстание в Западной Украине и Западной Белоруссии в 1930 г., в Галиции прошлой осенью.

Такую же картину мы видим в Чехо-Словакии, а также в классических странах крестьянского «благополучия и довольства», какими считали себя Дания и Швейцария. Баррикадные бои в Амстердаме, происходившие не так давно, отражают колоссальнейшее возмущение населения не только города, но и деревни.

В фашистской Италии участились стихийные вспышки, массовые крестьянские демонстрации против налогов и фашистского террора. С.-х. рабочие требуют работы и хлеба.

Под давлением глубочайшего кризиса, разорения и нищеты, усугубленных военной авантюрой японских милитаристов, бунтует и японская деревня. Участились разгромы рисовых складов голодающими, в том числе и бедствующими арендаторами.

В колониях национально-освободительное движение против империалистов всколыхнуло огромный крестьянский резерв мировой революции. Развернулась китайская советская революция, установившая революционную диктатуру рабочих и крестьян и осуществившая аграрную революцию на $^1/_6$ части Китая. Под руководством компартии Китая, многомиллионное крестьянство поднялось грозной силой в тылу крупнейшего империалистического фронта. В Манчжурии десятки тысяч крестьян участвуют в партизанских отрядах против японских оккупантов.

Крупные крестьянские восстания против империализма и помещиков имели место также в ряде колоний — в Индо-Китае, Палестине и др., при усиливающемся влиянии коммунистов. Далеко не закончена вооруженная борьба крестьян за землю в Мексике. Она снова вспыхнула в связи с попыткой правительства ликвидировать аграрную реформу. Крестьяне в союзе с рабочим классом и под его руководством восстали на острове Куба. Революционные выступления крестьян имели место и в ряде других стран Латинской Америки.

Усилилась также стачечная борьба с.-х. пролетариата. В Испании массовые забастовки с.-х. рабочих занимают крупнейшее место в революционной борьбе испанского пролетариата и крестьянства. Забастовки на плантациях в странах центральной Америки перерастают в революционную борьбу против иностранного империализма. Забастовки с.-х. и лесных рабочих в США, Польше, Италии, Франции и т. д. свидетельствуют о росте революционного подъема самой отсталой и забитой части пролетариата.

Если мировой экономический кризис, усиливающаяся эксплоатация, фашистский террор — обусловили революционный подъем деревенских масс, то крупную роль в этом подъеме сыграл несомненный рост коммунистического влияния в деревне. Исполком Коминтерна, руководствуясь решениями VI Конгресса Коминтерна о необходимости всестороннего усиления работы компартий в деревне, неустанно, и на своих пленумах и в своей повседневной работе, добивался осуществления директив VI Конгресса Коминтерна. Коминтерн не удовлетворялся только критикой недочетов и ошибок компартий, а требовал от них усиленной работы в деревне.

Основная линия, проводимая в директивах Коминтерна,—это организация и руководство со стороны компартий борьбой крестьянских масс за повседневные нужды и требования, увязка этой борьбы с основными лозунгами,—конфискацией помещичьих земель без выкупа, свержения диктатуры буржуазии и помещиков и завоевания советской власти.

В условиях обострения экономического, в частности аграрного кризиса, Исполком Коминтерна обратил внимание секций на необ-

ходимость возглавить борьбу крестьянских масс против взыскания принудительных налогов, против продажи с молотка крестьянского имущества за неуплату налогов, аренды и задолженности.

ИККИ указал секциям на возрастающее возмущение трудящегося крестьянства катастрофическим падением цен на с.-х. продукты, требовал от компартии организации и возглавления борьбы крестьянства совместно с рабочими против крупного монополистического капитала, скупающего за бесценок деревенские продукты и сбывающего их по повышенным монопольным ценам рабочей потребительской массе.

Коминтерн указывал на исключительную важность стачечной борьбы с.-х. рабочих.

Коминтерн обязал все секции выработать аграрные программы, действия для деревни, содержащие наиболее важные требования и лозунги, выдвигаемые компартиями в пользу крестьян и с.-х. рабочих. Утвержденные ИККИ программы действия явились важным шагом вперед в постановке коммунистической работы в деревне.

По мере роста опасности войны и нападения на СССР Коминтерн неоднократно подчеркивал громадную важность антивоенной работы среди крестьян, поставляющих основную массу солдат для армий почти всех капиталистических стран.

В связи с развертывающейся борьбой против налогов, принудительных выселений и распродажи крестьянского имущества с торгов, против фашистского террора, за землю в ряде стран, как в Польше, Чехо-Словакии, Австрии, Болгарии, Голландии и др. была создана более или менее широкая сеть Крестьянских комитетов, объединяющих трудящиеся массы.

Работа ИККИ в области выполнения директив VI Конгресса «об оживлении работы среди крестьянства» дала ряд положительных результатов. Деревенская работа секций КИ оживилась. Китайская секция возглавила победоносную аграрную революцию в советских районах Китая и ведет с большим успехом массовую работу среди крестьян на территории Гоминдана и Манчжурии. Некоторые секции, как польская, германская, испанская, болгарская, чехо-словацкая, греческая,— значительно улучшили методы деревенской работы и добились некоторых успехов.

В связи с массовыми крестьянскими волнениями во Франции и США определенные сдвиги в деревенской работе сделали также компартии этих стран. Компартия Японии с успехом распространяет свое влияние и в деревне.

Однако секции КИ все еще недостаточно ведут борьбу против фашистского наступления на деревню, против аграрной политики и демагогии фашизма, против социал-демократии и аграрно-кулацких партий.

С.-х. рабочие еще до сего времени слабо охвачены революционными профсоюзными организациями и коммунистическим руководством. Компартии не проявляют достаточной инициативы в деле мобилизации трудящихся крестьян на борьбу за повседневные тре-

бования. Коммунисты не научились еще быстро отзываться на наболевшие нужды крестьян и поднимать их на борьбу за землю и советскую власть. Слабо еще проводится антивоенная работа в деревне, слабо она увязывается с жизненными вопросами крестьян; недостаточно разоблачается подготовка контрреволюционной войны против Советского Союза. Массовые движения крестьян в большинстве случаев носят стихийный характер, и вследствие слабости коммунистического влияния ими часто овладевают враждебные пролетариату организации.

Борьба крестьян не получает еще достаточно крепкой и своевременной поддержки со стороны городского пролетариата. И наоборот, — еще нет достаточной увязки борьбы пролетариата с борьбой крестьянства против общего врага—буржуазно-помещичьей диктатуры и фашизма.

* *

В заключение необходимо указать, что переход мирового промышленного кризиса к состоянию депрессии особого рода не может не отразиться и на аграрном кризисе. Повышается спрос на с.-х. сырье со стороны промышленности, имеет место некоторое повышение цен на с.-х. продукты в ряде стран. Однако аграрный кризис более затяжной, чем промышленный, изжить его гораздо труднее. В ряде стран сельское хозяйство деградировало, сократилось применение удобрений, сократилось применение с.-х. машин и т. д. Налицо «ножницы» между монопольными ценами на промышленные товары и низкими ценами на с.-х. продукты; и с другой стороны, налицо распыленное мелкое хозяйство крестьян, неспособных бороться со скупщиками, спекулянтами и монополистами. «Ножницы» затрудняют изжитие аграрного кризиса. Тов. Сталин говорил, что некоторое облегчение кризиса в промышленности получилось за счет усиления эксплоатации широкой массы фермеров, мелких деревенских пролетариев, рабочих и крестьян.

В этом году во многих капиталистических странах имела место исключительная засуха и в связи с этим уменьшение урожая. Однако имеющиеся огромные хлебные запасы лишь в незначительной степени будут сокращены вследствие низкой покупательной способности масс, вследствие голода и бедствий рабочих и крестьян в капиталистических странах. Повышение цен на внутренних рынках в связи с засухой идет исключительно в пользу спекулянтов. Крупные спекулянты выиграют, выиграют и крупные банкиры. Обнищание деревенских масс будет итти дальше ускоренными темпами.

Фашистская диктатура обостряет все противоречия в деревне, все формы эксплоатации крестьянства, в результате чего недовольство и возмущение крестьянских масс будет расти еще быстрее, чем до сих пор. Барометр капиталистической и колониальной деревни показывает приближение бури. Борьба за крестьянство между буржуазией и пролетариатом становится все более ожесточенной.

Приход Гитлера к власти дал сильный толчок фашистскому наступлению во всех странах. События 30 июня в Германии обнаружили глубокий кризис германского фашизма. Фашизм не может справиться с задачами, которые он взял на себя, с задачами оздоровления хозяйства, осуществления «единства нации», улучшение международного положения и т. д.

Горький опыт немецкого крестьянина, а также ужасающее положение итальянского, польского и японского трудящегося крестьянства, находящегося под пятой фашистской диктатуры,— необходимо разъяснить крестьянству всех стран. Это есть первая и важнейшая задача антифашистского фронта в деревне.

Необходимо немедленно со всей серьезностью взяться за создание единого антифашистского и антивоенного фронта трудящихся в деревне на основе борьбы за насущные требования крестьян. Коммунисты должны поддерживать повседневные требования трудящихся крестьян, но в то же время, однако, бороться против кулацких требований, противоречащих интересам с.-х. рабочих и деревенской бедноты.

> «Крестьяне должны знать, что красное знамя, которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев»[1].

В единый антифашистский фронт нужно втягивать с.-х. рабочих и трудящихся крестьян.

Задача революционных крестьянских организаций — обращаться ко всем массовым организациям трудящихся крестьян, находящимся еще под влиянием и руководством реформистов, мелкобуржуазных руководителей с предложением создать в деревне единый фронт борьбы против фашизма. В случае отказа руководителей от совместной борьбы необходимо обращаться к крестьянам через голову их вождей и разоблачать предательство этих вождей.

Но при всей огромной важности работы в деревне мы должны неуклонно придерживаться следующего указания Ленина:

> «Красное знамя означает не только поддержку пролетариатом крестьянских требований. Оно означает еще самостоятельные требования пролетариата. Оно означает борьбу не только за землю и за волю, но и борьбу против всякой эксплоатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитала»[2].

Красное знамя означает борьбу за свержение диктатуры капитала, борьбу за советское рабоче-крестьянское правительство во всех странах.

---

[1] Ленин. Соч., т. VIII, изд. II, стр. 383.
[2] Ibid.

В. ЛУЦКИЙ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ[1]

Борьба между империалистическими державами за рынки сбыта и колонии, за новый передел мира была одной из важнейших причин первой мировой империалистической войны. В этой борьбе Ближний Восток занимал далеко не последнее место.

Достаточно вспомнить борьбу между германским, английским, французским и русским империализмом за господство на турецком рынке, за превращение Турции из полуколонии в полную колонию, за раздел «больного человека» (как называлась Турция на языке империалистической дипломатии).

Достаточно вспомнить отчаянную борьбу за египетский рынок, которую социал-демократические теоретики пытались изобразить как образец мирного развития капитализма, как отказ капитализма от колониальной политики. Эта каутскианская концепция была подвергнута уничтожающей критике в работе Ленина об империализме.

В то же время значение Ближнего Востока не исчерпывалось его экономическими возможностями — его рынками сбыта и потенциальными сферами приложения капитала (хлопковые плантации, нефтяные промысла, порты и железные дороги). Решающим противоречием была англо-германская борьба за Индию. Стремясь в перспективе захватить этот богатейший рынок, этот «обетованный» для всех империалистов объект колониальной эксплоатации и грабежа, австро-германский империализм готовился именно здесь дать решающий удар по империализму английскому. Но, следуя бонапартовской стратегии дальнего прицела, Германия прежде всего стремилась укрепиться на подступах к Индии—на Ближнем Востоке. Отсюда — создание германских с.-х. колоний близ Суэцкого канала в Палестине. Отсюда — поддержка сионистского движения, которое до войны ориентировалось на империалистическую Германию. Отсюда — планы германской колонизации в Месопотамии. Отсюда,

---

[1] Под Ближним Востоком в данной статье подразумеваются Турция и группа Арабских стран: Сирия, Палестина, Трансиордания, Ирак, страны Аравийского полуострова, а также Египет и прилегающие к нему страны Нильского бассейна—Судан и Абиссиния.

наконец, строительство грандиозной Багдадской железной дороги, связывающей Берлин с Персидским заливом. Это строительство наталкивалось на бешеное сопротивление других «держав», стремившихся задержать его путем экономического и дипломатического нажима на Германию. Война вспыхнула, когда дорога почти подходила к своему концу. Она дошла до Ниссибина на Тигре с севера, от Багдада до Самарры с юга. Оставался недостроенным участок в каких-нибудь 500 километров.

Но не только германский империализм укреплял свои стратегические позиции на Ближнем Востоке. Английский империализм превратил Персидский залив в свое внутреннее море. Он захватил Египет и подчинил своему военному и политическому контролю Суэцкий канал. Он укрепился на обоих берегах Красного моря, захватив в свои руки Суданское побережье, Аден и часть Сомалийского побережья. Он укрепился на Аравийском полуострове, подчинив себе ряд арабских феодальных княжеств. Так, например, султан внутренней Аравии (Неджда) Ибн-Сауд получал от англичан ежегодную субсидию в 60 тыс. ф. ст. Княжества Персидского залива — Оман, Ковейт, Бахрейн находились под официальным английским протекторатом.

В свою очередь, французский империализм захватил важнейшие экономические позиции на Ближнем Востоке. В его руках находились железные дороги Анатолии и Сирии, большая часть облигаций оттоманского и египетского государственного долга, табачная монополия, таможни, контрольный пакет акций Суэцкого канала, Оттоманский банк, Египетский земельный банк, располагавший огромными ипотеками, земельные компании и т. д.

В 1904 г. Англия и Франция заключили между собой знаменитое «сердечное соглашение» (Entente cordiale)—временный блок против германского империализма. Этот блок был куплен ценой порабощения колониальных народов. Франция отказывалась от политических притязаний на Египет и целиком санкционировала колониальный гнет Англии в этой стране. Англия давала те же гарантии в отношении французского гнета в Марокко.

Но Франция сохранила за собой значительные экономические позиции в Египте. Тем более значительны были ее позиции непосредственно в Турции, — особенно в Сирии, где французский империализм, добившись автономии «христианского» Ливана, поставил у власти своих агентов; где республиканская Франция, твердо усвоившая ту истину, что «атеизм не является экспортным товаром», развернула в союзе с Ватиканом широкую миссионерскую пропаганду. На Красном море Франция захватила даже территориальные позиции. В противовес британскому Адену, на африканском берегу Аденского залива возникла новая колония — французское Сомали с портами Обоком и Джибути. Последний порт был соединен французской железной дорогой со столицей независимой Абиссинии — Адис Абеба. В результате вся центральная Абиссиния была превращена во французскую сферу влияния.

Вступивший поздно на арену колониальной борьбы «обделенный» итальянский империализм также развил свою захватническую деятельность в Красноморском бассейне. После ряда позорных поражений, ему все же удалось захватить большую часть абиссинского побережья как на Красном море (Эритрея), так и в Индийском океане (итальянское Сомали).

При разделе Абиссинии на сферы влияния итальянский империализм захватил северную часть страны. Франция, как указывалось выше, захватила центральную часть Абиссинии; Англия — северо-западную часть, где лежат истоки Голубого Нила. Таким образом, вслед за колониальным разделом абиссинского побережья, отрезанная от моря «независимая» Абиссиния также была разбита в 1906 г. на империалистические сферы влияния.

Наконец, русский империализм, пытаясь укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, лицемерно «защищал» «братушек — славян» на Балканах, «опекал» армян в восточных вилайетах Турции, интриговал среди турецких курдов, создавал поповские миссии в Палестине и даже посылал делегации от синода в Абиссинию, мечтая превратить эту страну в свою колонию — «Черноруссию». За спиной этой разбойничье-поповской дипломатии царизма стоял хищнический «отечественный» капитал, задыхавшийся от узости внутреннего рынка и жадно стремившийся к захвату новых колониальных рынков.

И все эти страны, вместе взятые,— Англия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Италия, царская Россия — вели между собой борьбу за важнейшую позицию — за проливы (Дарданеллы и Босфор), представлявшие ключ к турецкому рынку.

Не удивительно, что когда вспыхнула первая мировая империалистическая война, Ближний Восток стал одним из ее наиболее ожесточенных театров. Достаточно вспомнить галлипольскую операцию на Дарданеллах с ее десятками тысяч жертв. Достаточно вспомнить авантюристическое наступление русского царизма в Восточной Анатолии, в Армении, в Персии, в Иракском Курдистане. Достаточно вспомнить, наконец, английское наступление на палестинском и мессопотамском фронтах.

Результатом этой ожесточенной борьбы явился новый раздел и передел Ближнего Востока между победителями. Побежденный австро-германский империализм был целиком устранен с поля борьбы. Русский империализм был разгромлен Великой Октябрьской революцией. Наследство «больного человека» — побежденной Турции было разделено между Англией, Францией и Италией.

Но Октябрьская революция, разгромив русский империализм, показала путь всем угнетенным народам мира. Первый тур войн привел к первому туру революций, не только пролетарских революций, охвативших капиталистическую Европу, но и национально-освободительных революций, охвативших весь колониальный мир.

На другой день после империалистической войны Ближний Восток был объят пламенем национально-освободительных войн. Народы Ближнего Востока поднялись против нового империалистического передела мира. В Турции началась кемалистская революция. В Ираке и Палестине вспыхнуло всеобщее антианглийское восстание. В Сирии французский империализм с трудом отвоевывал свою новую колонию у восставшего народа, заливая страну кровью. В Сев. Персии, в Гиляне был сброшен гнет английских оккупантов, возникла Советская Республика. В Египте росла и ширилась мощная общенародная революция.

Однако, если не считать Гиляна, все эти революции проходили под гегемонией национальной буржуазии — класса, который уже в период империалистической войны показал всю свою гнилость; класса, который в чаянии будущих наград вербовал во время войны пушечное мясо для империалистов (английских, французских, германских), проводил для них тыловую диверсионную и шпионскую работу; класса, который даже в период величайшего национально-революционного подъема тормозил и предавал движение своей половинчатой капитулянтской политикой.

В первом туре национально-освободительных революций за советским рубежом победила только турецкая революция. Правда, это была буржуазная революция. Она не ликвидировала феодализма, не разрешила основной своей буржуазно-демократической задачи. Но империалисты все же были изгнаны из Анатолийской Турции, и начавшийся раздел страны был прекращен.

Напротив, революции в арабских странах потерпели в первом туре поражение, главным образом благодаря предательству национальной буржуазии. Эти страны были целиком разделены между английским и французским империализмом. Франция получила Северную Сирию, Англия — Южную Сирию (Палестину, Трансиорданию) и Ирак. Итальянский же империализм, потерявший во время кемалистской революции свои территориальные приобретения в Малой Азии, оказался опять «обделенным», не получив ничего из «турецкого наследства» (если не считать о-ва Родос, захваченного фактически еще в 1912 г.).

* * *

Прошло двадцать лет от начала войны, пятнадцать лет от ее конца. Центр империалистических антагонизмов перешел на Дальний Восток. К этому очагу войны приковано теперь всеобщее внимание. Но значит ли это, что ослабели империалистические противоречия на Ближнем Востоке, что Бл. Восток перестал быть очагом новых войн? — Конечно, нет. Империалистические противоречия на Бл. Востоке не только не сгладились, но приобрели после войны невиданный размах и глубину.

Общий кризис капиталистической системы резко обострил империалистическую борьбу за страны Бл. Востока. О новых масштабах этой борьбы можно судить

хотя бы по тому, что вместо «выбывших из игры» австро-германского и русского империализма на ближневосточной арене появились в качестве новых участников борьбы такие мощные империалистические гиганты, как Япония и Америка. В этом заключается одна из существенных особенностей современной ближневосточной обстановки.

Американский империализм ведет борьбу за нефть в Ираке, на Аравийском полуострове, на островах Персидского залива. Он добивается господства над истоками Нила в Восточной Африке. Он пытается поставить под свой контроль абиссинское правительство.

Японский империализм развертывает бешеный натиск на ближневосточные рынки. Он наводняет их своим демпингом. Он выходит на второе место по импорту (после Англии) в английских колониях; на третье место (после Франции и Англии) во французской Сирии. Он посылает на Бл. Восток свои торговые делегации. Он создает большие хлопковые плантации в Абиссинии и перестраивает абиссинскую армию по японскому образцу.

В последние годы вновь активизирует свою деятельность на Бл. Востоке фашиствующий германский империализм. Об этом свидетельствует поездка гитлеровского клеврета, министра внутренних дел, Фрика, в Палестину; возникновение тепличных туземных отрядов «наци», объявляющих своим вождем Гитлера; торжества в память фон-дер Гольца[1] в Багдаде и т. п.

В то же время резко активизируется деятельность итальянского империализма. «Обделенная» итальянская буржуазия настаивает на новом переделе ближневосточных стран. В частности он стремится получить мандат на Сирию. В бассейне Красного моря итальянский империализм пытается укрепиться не только в Абиссинии, но также и в Йемене. В то же время он широко развертывает пропагандистскую работу. Фашистское министерство колоний издает специальный журнал «Ориенто Модерно», дающий наиболее полную информацию по Ближнему Востоку. Римская радио-станция, начиная с 1934 г., проводит два раза в неделю специальные передачи на арабском языке, освещающие ближневосточную политику, исходя из интересов итальянского империализма. Заигрывая с арабской национальной буржуазией, фашистское правительство приглашает в Италию специальную «арабскую делегацию», демонстрируя сомнительные «достижения» фашистского режима. Наконец, в Риме созывается конгресс азиатского студенчества и начинает выходить журнал «Молодая Азия».

Но важнейшими соперниками в междуимпериалистической борьбе на Ближнем Востоке являются Англия и Франция. Если накануне первого тура войн и революций решающим междуимпериалистическим противоречием на

---

[1] Фон-дер Гольц — германский кайзеровский фельдмаршал, командовавший турецкой армией в Мессопотамии во время империалистической войны.

Ближнем Востоке был англо-германский антгонизм, то теперь его место занимает англо-французский антагонизм. В этом заключается вторая особенность современной ближневосточной обстановки.

Как важнейшие англо-французские противоречия на Ближнем Востоке следует отметить: борьбу за иракскую нефть и территорию Курдистана; борьбу за господство над т. наз. «имперскими» путями, пересекающими Ближний Восток, в частности над Суэцким каналом и Сирийской пустыней; борьбу за дележ сверхприбылей от колониальной эксплоатации Египта, идущую по всем важнейшим вопросам египетской экономики (золотой стандарт, государственный долг, режим капитуляций и т. д.).

Третья особенность современной ближневосточной обстановки, вытекающая из общего кризиса капитализма, заключается в резком обострении всех старых противоречий и в возникновении новых объектов междуимпериалистической борьбы. Накануне первого тура войн и революций борьба между империалистическими державами на Ближнем Востоке шла за рынки сбыта, за железнодорожные и морские пути, за хлопок. Теперь — накануне второго тура войн и революций — борьба за эти объекты обостряется в невиданных масштабах. И в то же время идет борьба за новые объекты — за нефть, за воздушные пути, за истоки Нила и т. д.

Четвертая особенность современной обстановки заключается в новых условиях революционного движения. Если накануне первого тура войн и революций национально-освободительное движение в арабских странах (а к ним относятся все страны Ближнего Востока, кроме собственно Турции) носило зачаточный характер и находилось под руководством предательской национальной буржуазии; если массовое крестьянское движение имело форму разрозненных, эпизодических стихийных выступлений, как правило, не связанных с общим процессом национально-освободительной борьбы, не выдвигавших перед собой непосредственно антиимпериалистических задач, — то теперь, накануне второго тура, условия изменились коренным образом.

Национально-освободительное движение приняло подлинно массовый, крестьянский в своей основе характер, приняло форму длительной и систематической партизанской борьбы против империалистических захватчиков.

Влияние предательской национал-реформистской буржуазии пошатнулось. Выступил на историческую арену молодой арабский пролетариат, начинающий с успехом вести борьбу за свою революционную гегемонию в национально-освободительном движении. Таким образом, новые условия по-новому ставят вопрос о революционных перспективах на Бл. Востоке, о перерастании назревающих империалистических войн в войны национально-освободительные, о революционном свержении империализма и его феодально-компрадорских союзников.

Наконец, **пятая**, наиболее значительная особенность послевоенной обстановки заключается в **возникновении на границах Бл. Востока важнейшего революционного фактора — Советского Союза, советских республик Закавказья**, которые одним фактом своего существования и развития указывают путь для всех народов Бл. Востока. Но чем успешнее идет строительство социализма в Советском Союзе и особенно на его национальных окраинах, тем сильнее становится ненависть империалистов к Советскому Союзу, тем интенсивнее идет на Бл. Востоке подготовка военных плацдармов для нападения на Советский Союз.

Важнейший исторический процесс нашей эпохи — борьба двух систем: загнивающего капитализма и растущего, побеждающего социализма. Эта борьба принимает многообразные формы вплоть до непосредственного военного нападения на Советский Союз, которое так усердно в данное время подготавливается антисоветским блоком. И хотя непосредственной угрозе империалистического нападения прежде всего подвергаются наши дальневосточные и западные границы, тем не менее, присматриваясь к деятельности империализма на Ближнем и Среднем Востоке, мы можем ожидать нападения также и с этой стороны. В этом заключается важнейшая особенность ближневосточной обстановки сейчас, в период общего кризиса капитализма, в период кануна новых войн и революций. Но нет сомнения, что **попытки империалистической буржуазии напасть на Советский Союз получат здесь такой же сокрушительный отпор, какой их ожидает на всех рубежах непобедимой Страны Социализма.**

* *

Охарактеризуем вкратце важнейшие империалистические противоречия на Ближнем Востоке.

Рынки сбыта. О емкости ближневосточных рынков сбыта можно судить по следующей таблице.

Импорт в страны Ближнего Востока[1] Табл. 1

Страны	В тыс. долларах		
	1913—14 г.	1929 г.	1932 г.
Египет	137 740	267 000	95 000
Турция	} 175 455	124 000	41 000
Сирия		50 000	29 000
Палестина		35 000	27 000
Ирак		36 000	ок. 13 000
Англо-Егип. Судан	—	33 000	14 000
Аден	—	26 000	ок. 11 000
Всего	**313 195**	**571 000**	**230 000**

[1] Таблица составлена по след. источникам: Annuaire Statistique de la Société de Nations» 1932/33, p. 168; U. S. Commerce Yearbook, vol. II. 1926, p. 234, 607.

В результате подчинения ближневосточной деревни монополистическому капиталу и товаризации сельского хозяйства (при сохранении господства феодальных пережитков) — импортные рынки Бл. Востока в известной мере выросли после войны до начала кризиса. В том же направлении влиял на них экспорт капитала. В общем емкость ближневосточных импортных рынков, перечисленных в таблице, выросла с 313 млн. долл. в 1913 г. до 571 млн. долларов в 1929 г., — цифры очень значительной (для сравнения достаточно указать, что импорт на такой важнейший колониальный рынок, как Китай, составлял в 1929 г. 810 млн. долларов, а в Индию — 906 млн. долларов). Тем большее значение приобрели эти рынки в общей системе империалистического мирового хозяйства, тем в большей мере обострилась борьба за господство над ними.

В годы экономического кризиса наблюдается обратный процесс. Рынки сбыта съужаются. Импорт в страны Бл. Востока падает в общем в 2,5 раза (с 571 млн. долл. до 230 млн.долл.). По таким важнейшим рынкам сбыта, как Египет и Турция, он падает даже втрое. Но сокращение ближневосточных рынков сбыта, происходящее одновременно с сокращением импорта во все капиталистические и колониальные страны мира, лишь обостряет в небывалой мере борьбу за эти рынки.

Важнейшим орудием в борьбе за рынки сбыта является *колониальная монополия*, позволяющая империалистическим странам закреплять за собой рынки *своих* колоний путем повышения таможенных барьеров, валютных мероприятий, принудительных займов и т. п. Используя свою колониальную монополию, английский империализм занял господствующее положение на рынках Египта, Палестины, Трансиордании и Ирака; французский империализм (хотя и в меньшей мере) — на рынке Сирии. Но колониальным монополистам приходится выдерживать бурный натиск других монополистических групп, которые выдвигают против них *свои* методы борьбы и прежде всего *демпинг*.

Возьмем крупнейший рынок сбыта на Бл. Востоке — *Египет*. Господствующее положение на этом рынке занимает Англия. До войны пять больших империалистических государств, вместе взятых, — Франция, Италия, Германия, США и Япония — ввозили 22% всех товаров, импортируемых в Египет, в то время как одна только Англия ввозила 30,5%. После войны соотношение несколько изменилось. В 1925 г. Англия ввезла 25% всех импортных товаров, в то время как те же пять стран ввезли 31%. В дальнейшем импорт из Англии имел тенденцию к снижению, импорт из пяти указанных стран — к повышению. В частности значительно вырос удельный вес Японии и Германии, а до наступления экономического кризиса — и США. (См. табл. 2, стр. 38).

Однако эта тенденция, характеризуя всю остроту империалистической борьбы за египетский рынок, ни в какой мере не уменьшает значения решающего фактора — *колониальной монополии британского империализма в Египте*. На египет-

Ввоз в Египет из важнейших капиталистических государств[1]

Табл. 2

Годы / Страны	1913	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
	(В процентах ко всему импорту)									
Англия	30,5	25,2	21,8	25,6	21,8	21,2	20,4	22,6	24,0	23,3
Франция	9,2	9,3	10,9	11,0	10,2	9,9	9,4	9,8	7,2	7,1
Италия	5,3	10,5	8,7	8,7	9,5	9,8	9,1	9,2	8,9	7,8
Германия	5,8	5,8	7,2	6.3	6,8	7,3	7,9	8,0	7,0	7,6
США	1,9	3,6	4,7	4,7	5,2	5,0	4,7	4,3	3,2	3,2
Япония	—	1,9	1,6	2,4	3,1	3,2	3,6	4,9	7,9	10,7
Пять стран (без Англии)	22,2	31,1	33,1	33,1	34,8	35,2	34,7	36,2	34,2	36,4

ском рынке продолжает все время господствовать именно тот империализм, который, оккупировав страну своими вооруженными силами, утвердил в ней свое политическое господство. Если учесть ввоз в Египет также из английских колоний и доминионов, то английский капитал продолжает держать в своих руках по меньшей мере треть египетского импорта.

Отсюда ясно, что экономическое соперничество монополистических групп может привести к частичным передвижкам, но основной вопрос о господстве над рынком не может быть решен без империалистической войны.

В годы экономического кризиса английский империализм использует свое монопольное положение в Египте, Ираке, Палестине, чтобы поставить валюту этих колоний на базу падающего фунта стерлингов и путем отмены золотого стандарта укрепить в еще большей мере свое положение на колониальных рынках. После отмены золотого стандарта в 1932 г. удельный вес Англии в египетском импорте вырос с 22,6% до 24%, в то время как удельный вес Франции упал с 9,8% до 7,2%, а Германии—с 8% до 7% и т. д.

В Ираке на долю Англии приходится свыше 30% всего импорта, а если считать вместе с Британской Индией, то свыше 50%. При этом ввоз промышленных товаров до последнего времени был почти целиком монополизирован английским капиталом. Лишь в последние годы японскому капиталу удалось завоевать значительные позиции на иракском рынке.

Французская, германская и итальянская буржуазия также ведут борьбу за иракский рынок, что особенно четко выявилось при обсуждении иракского вопроса в Лиге наций (1931/32 г.), когда Италия и Германия выдвинули прямое требование «экономического

---

[1] Таблица составлена по следующим источникам: U. S. Commerce Yearbook» 1932, vol. II, p. 56; 1928, vol. II, p. 234; «L'Egypte Contemporaine», 1933, № 145, p. 678.

равенства» держав и «открытых дверей» в Ираке. Однако это требование также не может быть реализовано мирным путем.

Интересна борьба за сирийский рынок. До войны на этом рынке господствовал английский капитал. После того как Сирия была завоевана французским империализмом, борьба за сирийский рынок обострилась. Французский капитал постепенно вышел на первое место, оттеснив английский капитал. Однако французскому империализму не удалось закрепить за собой такое же преобладающее положение на сирийском рынке сбыта, каким пользуется Англия на своих колониальных рынках.

Ввоз в Сирию из отдельных капиталистических государств[1]

Табл. 3

Страны \ Годы	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
	(В процентах ко всему импорту)												
Фрация	19,2	17,7	14,5	14,3	13,7	20,0	15,0	14,8	13,0	15,3	13,8	16,8	20,7
Англия	26,6	23,8	21,5	17,5	15,4	13,6	13.9	10.0	10,2	11,3	12,2	12,1	11,6
Италия	—	—	10,2	9,8	11,5	11,0	9,4	8,7	7,8	8,4	8,4	5,7	5,9
США	—	—	7,2	8,8	8,7	7,3	6,8	9,8	11,9	7,2	6,7	5,8	5,1
Япония	—	—	1,4	1,8	1,8	1,3	1,4	1,1	2,1	4,1	5,9	7,0	7,9
Германия	—	—	—	—	—	—	4,2	4,2	4,4	4,9	5,9	5,5	6,3

До 1925 г. включительно Англия продолжала занимать первое место на сирийском рынке сбыта. Лишь разгромив сирийскую революцию, французский империализм «твердой ногой» стал в стране. Удельный вес французского импорта поднялся в 1926 г. до 20%. Удельный вес Англии и Италии продолжал падать. Удельный вес США рос до наступления экономического кризиса и упал в период кризиса. Зато удельный вес Японии растет неуклонно, начиная с 1929 г. В 1932 г. японский импорт обгоняет США и Италию, выходя на третье место. За годы экономического кризиса удельный вес Японии в сирийском импорте вырос с 2,1% в 1929 г. до 7,9% в 1933 г.

«Японский демпинг разрушает национальное хозяйство Сирии. Японские товары продаются по таким низким ценам, что сирийским фабрикам остается только закрыться. Значительное увеличение безработицы вызвано главным образом японским импортом, который наводняет сирийский рынок сбыта».

[1] Таблица составлена по официальным данным внешней торговли. Источники: сборник «La Syrie et le Liban sous l'occupation et le mandat français 1919—1927»; официальные отчеты в Лигу наций; экономические бюллетени верховного комиссариата; отчеты английского консула.

Так характеризуется японская экономическая агрессия в меморандуме сирийских промышленников[1].

О результатах японского демпинга на Ближнем Востоке можно судить также по следующим данным. В то время как ввоз хлопчатобумажных тканей из Англии в Египет снизился с 1 915 000 египетских фунтов в 1930 г. до 1 300 000 египет. фунт. в 1932 г., ввоз таких же тканей из Японии за те же годы повысился с 588 000 ег. ф. до 1 014 000 ег. ф.[2]. В 1933 г. Япония заняла второе место на египетском рынке; ее удельный вес повысился с 3,2% в 1929 г. до 10,7% в 1933 г. В Ираке удельный вес Японии в импорте хлопчатобумажных тканей повысился с 1% в 1929/30 г. до 16% в 1931/32 г. За то же время удельный вес Англии снизился с 54% до 37,5%. На шелковом рынке Ирака Япония вытеснила Италию, повысив свой удельный вес с 14% до 48%[3]. В 1933 г. импорт тканей из Ланкашира в Ирак упал на 6%; импорт японских тканей повысился на 23%[4].

К сожалению, в рамках статьи нельзя детально остановиться на товарной структуре ближневосточных рынков. Однако следует хотя бы в общей форме отметить, что преобладающей группой импортных товаров являются текстильные изделия, что по ряду стран в годы экономического кризиса удельный вес этой группы в импорте снижается (благодаря резкому падению жизненного уровня масс); напротив, повышается удельный вес импорта металлических изделий, машин, строительных материалов и т. п. Это парадоксальное с первого взгляда явление объясняется не ростом производительных сил, но строительством военных баз, портов, железных и шоссейных дорог, аэродромов, нефтепроводов и т. д., которое развертывается бурными темпами именно сейчас, в период экономического кризиса и подготовки новых войн. При этом военные базы в колониях строятся на средства от специальных займов или, точнее, за счет колониальных народов, вынужденных оплачивать по этим кабальным займам огромные проценты.

В заключение надо остановиться на борьбе за турецкий рынок. (См. табл. 4, стр. 41).

Из этой таблицы видно, что четыре крупнейших государства монополизировали 60% импорта в Турцию; что ни одно из них не добилось исключительного монопольного положения на турецком рынке; что тем острее развернулась борьба между ними за первенство, при чем перевес в этой борьбе оказался на стороне германского и отчасти итальянского капитала против французского капитала, сохранившего в основном стабильное положение, и англий-

---

[1] См. «La Syrie» от 22 II—1934 г.

[2] См La Revue d'Egypte 23/VII—33 г. цит. по ст. Ватолиной в «Революционном Востоке» № 2—за 1934 г.

[3] «Iraq Times» 16/XI—1933 г.

[4] «Egyptian gazette» за март 1934 г.

Ввоз в Турцию из важнейших капиталистических государств[1]

Табл. 4

Годы / Страны	1913/14	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931
	(В процентах ко всему импорту)								
Германия	11,5	9,9	11,3	13,8	14,2	14,2	15.3	18,6	21,4
Италия	6,6	21,2	17,9	15,8	12,3	11,8	12,5	13,8	14,6
Франция	8,8	9,4	10,8	13,6	13,8	13,0	10,4	10,5	10,1
Англия	19,9	17,7	15,6	14,1	13,6	12,3	12,2	11,2	11,3
США	2,6	5,9	8,1	3,5	3,9	4,6	6,7	4,1	3,3
Всего	**49,4**	**64,1**	**63,7**	**60,8**	**57,8**	**55,9**	**57,1**	**58,2**	**60,7**
Япония	0,2	1,6	1,9	2,6	1,9	1,9	2,1	2,6	5,5

ского капитала, из года в год теряющего свою долю в общем турецком импорте.

Нефть. Нефтяные залежи Бл. Востока, сконцентрированные в Мосульском округе (Иракский Курдистан), являются объектом упорной борьбы между различными монополистическими группами.

Еще до империалистической войны для эксплоатации этих залежей был образован трест «Тэркиш Петролеум Компани» (Турецкая Нефтяная Компания) с участием Англии (75% акций) и Германии (25% акций). В результате первой империалистической войны Германия была отстранена от участия в этом тресте.

Однако Англии пришлось (и приходится до сих пор) вести упорную борьбу с другими претендентами на мосульскую нефть — с США и Францией. В своей борьбе против США английский империализм добился отмены американской концессии Честера. В своей борьбе с Францией он сумел отвергнуть французские притязания на политическое господство в Сев. Ираке. Но он не сумел монополизировать целиком иракскую нефть: к участию в «Тэркиш Петролеум Компани» (впоследствии переименованной в «Ирак Петролеум Компани») пришлось допустить и Францию, и Соединенные Штаты. Правда, господствующее положение в тресте было обеспечено за английским капиталом, получившим 52,5% всех акций, в то время как США и Франция получили только по 23¾%. Но этот компромисс лишь означал, что межимпериалистические противоречия, сохраняя всю свою остроту, развертываются теперь внутри международного треста.

[1] Составлено по данным U. S. Commerce Yearbook, vol. II, 1928, p. 607; 1930 p. 535; 1931, p. 265; 1932, p. 258.

Особенно острую форму приняли англо-французские нефтяные противоречия. В то время как Франция, целиком лишенная своих нефтяных источников и находящаяся в случае войны под угрозой нефтяной блокады, настаивала на форсировании предварительных работ и на немедленном вводе иракских источников в эксплоатацию, англо-американские нефтяные монополисты, заинтересованные в ограничении мирового производства нефти, всемерно тормозили начало эксплоатационных работ. В то время как Франция настаивала на сирийском варианте нефтепровода, при котором вся добываемая нефть идет к Средиземному морю по сирийской территории и концентрируется в одном из сирийских портов, Англия настаивала на палестинском варианте. В конце концов победа оказалась на стороне Англии. В частности, вопрос о нефтепроводе был решен компромиссом. Нефтепровод раздваивается на две части: одна идет к сирийскому порту Триполи, другая,—к палестинской Хайфе. Но точка раздвоения находится на территории Ирака под английским контролем. Таким образом в любой момент сирийская ветка может быть закрыта, и вся нефть может быть направлена в английскую Палестину.

Эта перспектива особенно опасна для французского империализма в случае конфликта с Англией, так как мосульская нефть имеет (как для Франции, так и для Англии) прежде всего стратегическое значение. Она предназначена для питания горючим морских и воздушных флотов, а также бронечастей, расположенных в бассейне Средиземного и Красного морей, в Персидском заливе и на Ближнем Востоке. Английский контроль над иракской нефтью дает в руки Англии решительное преимущество на этом театре войны и почти парализует сопротивление Франции. Таким образом, проблема мосульской нефти перерастает чисто экономические рамки и становится крупнейшей стратегической проблемой.

Наряду с противоречиями внутри треста «Ирак Петролеум Компани», борьба за нефть вызывает к жизни противоречия между различными трестами, стремящимися монополизировать ее добычу. Так, в 1932 г. иракское правительство выдает крупную концессию на ряд нефтеносных участков тресту «Бритиш Ойль Девелопмент Компани», образовавшему специальное общество «Мосул Ойльфильдс». Новый нефтяной трест так же тесно связан с английским правительством, как и старый. Однако если в тресте «Ирак петролеум» английский капитал «сотрудничает» с французским и американским, то в тресте «Мосул Ойльфильдс» участвуют наряду с господствующей английской группой, владеющей контрольным пакетом акций, также итальянский капитал, представленный фашистской полугосударственной «Генеральной нефтяной компанией» (Ациенда Женерале дель Петроле) и германский капитал, представленный концерном Маннесмана. Эта нефтяная концессия не только свидетельствует о внутренней борьбе между различными группами английского финансового капитала, но также представляет собой английский маневр, рассчитанный на дальнейшее снижение

удельного веса Франции и США в контроле над иракской нефтью.

Франция и США великолепно понимают, что Англия не уступит своего господства над иракской нефтью **без войны**. Таким образом, проблема иракской нефти становится потенциальным источником будущих вооруженных конфликтов.

«Имперские» пути. Ближний Восток лежит на пересечении путей, соединяющих страны капиталистической Европы с их колониями и полуколониями, расположенными в бассейне Индийского и Тихого океанов.

Важнейшее значение имеет **морской путь** из Англии в Индию и Китай, проходящий через Средиземное и Красное моря. Английский империализм захватил все «узкие места», лежащие на этом пути (Гибралтар, Мальта, Суэцкий канал, Аден). Однако наиболее узкое место — **Суэцкий канал** — продолжает находиться под **экономическим** контролем французского капитала. Достаточно указать, что под нажимом французской группы акционеров компания Суэцкого канала продолжала—после отмены золотого стандарта в Англии—взимать за проход через канал пошлины **в золотых франках**, что тяжело ударило по английским пароходным компаниям и повернуло английскую торговлю с колониями на старый «испытанный» путь вокруг Африки, назад к временам Васко-де-Гамы. Эта политика компании Суэцкого канала вызвала протест как со стороны английских судоходных трестов, так и со стороны связанной с ними англо-персидской нефтяной компании (группа Кадмана), добивающейся передачи Суэцкого канала исключительно в английские руки.

Нельзя забывать, что **военный** контроль над каналом принадлежит целиком Англии, что не может не тревожить французскую буржуазию, которая нуждается в канале для связи со своими тихоокеанскими владениями (Индо-Китай).

Из сказанного ясно, что проблема Суэцкого канала не может быть полностью разрешена **без войны**, хотя здесь возможны частичные уступки и компромиссы, особенно со стороны французского капитала (учитывая военное преобладание Англии в зоне канала).

Прилегающая к Суэцу **восточная часть Средиземного моря** также может служить источником крупных территориальных конфликтов. Эта зона перекроена между империалистическими государствами. Французский империализм захватил сирийское побережье с портами Бейрутом, Александреттой и Триполи в качестве подступа к Суэцу. Итальянский империализм захватил острова Додеканеза (прежде всего Родос) и Триполитанское побережье в Африке. Но преобладающее положение занимает и здесь английский империализм, укрепившийся не только на берегах Палестины и Египта, но также на крупнейшем острове этой зоны — Кипре.

Не менее чревата империалистическими конфликтами **зона Красного моря**. Как указывалось выше, египетское и суданское побережье Красного моря принадлежит Англии; абиссинское—

разбито между Англией, Францией и Италией. В настоящее время Абиссиния ставит своей задачей отвоевать побережье, при чем за ее спиной стоит японский империализм, стремящийся создать свои опорные пункты на Индийском океане. Аравийское побережье Красного моря,—так называемая Тихама,—находится целиком под английским контролем. Крайний его северный пункт—порт Акаба (который может быть превращен во второй Суэц) захвачен английскими войсками в 1925 г. и включен в состав английской колонии—Трансиордании. Северная часть Тихамы принадлежит Хиджазу или точнее т. наз. «Саудийской Аравии»—еще недавно полузависимому государству, поставленному теперь в полную зависимость от английского империализма. Центральная часть Тихамы—Асир—была присоединена в 1930 г. к Хиджазу. В 1932 г. здесь вспыхнуло восстание, поддержанное полузависимым государством Иеменом, за спиной которого стояла Италия. В результате последней саудийско-йеменской войны (апрель—май 1934 г.) Асир отошел к Саудии. Больше того, южная часть Тихамы, принадлежавшая Иемену, в мае 1934 г. также была оккупирована саудийскими войсками. Под влиянием экономического и внутриполитического кризиса, под напором превосходной военной техники (саудийская армия была снабжена британскими самолетами и броневиками) Иемен вынужден был капитулировать в последней войне, признав саудийский (а фактически английский) протекторат. По сути дела эта война была англо-итальянским столкновением за Красное море, репетицией будущих больших конфликтов. В этой репетиции победил английский империализм. Наконец, южный пункт побережья—Аден—был оккупирован Англией еще в 1839 году. Теперь, после капитуляции Иемена, этот пункт получил сравнительно укрепленный хинтерланд.

Важнейшей стратегической зоной на англо-индийском морском пути является также Персидский залив, превращенный в настоящее время во внутреннее море Британской империи. Однако и здесь назревает конфликт в связи с отказом Персии признать английский протекторат над Бахрейном.

Империалистические противоречия в Суэцком канале и на Красном море, а также перспектива египетской революции, ставящая под угрозу империалистическое господство над каналом, заставляют империалистов,—как английских, так и французских,—создавать резервные комуникационные линии, связывающие Европу с Индийским океаном. Эти резервные линии—воздушные, железнодорожные, морские—проходят через группу арабских стран, лежащих между Средиземным морем и Персидским заливом (Сирия, Палестина, Трансиордания, Ирак)—территорию, получившую ходячее прозвище «земляного моста». Через этот «земляной мост» английские и французские империалисты перебрасывают свои железные и шоссейные дороги. Но в то время как английские пути могут пересечь весь «земляной мост», не сходя с английской территории,—все французские дороги, начинаясь в Сирии, упираются, как в глухую стену, в границу Ирака. Вопрос об обладании терри-

торией Ирака становится, таким образом, потенциальным источником больших империалистических конфликтов. Пока же империалисты зондируют почву, и «малые» пограничные войны, конфликты, племенные восстания, набеги и т. п. вспыхивают на ирако-сирийской границе чуть ли не ежегодно.

Впрочем, такие же «малые» войны разыгрываются на всех границах Ближнего Востока: между Ираком и его соседями (Турцией, Персией, Аравией), между Сирией и Турцией, между Трансиорданией и Аравией, между Иеменом и Хиджазом и т. д. Раздробив Ближний Восток, создав множество искусственных границ, империализм тем самым создал почву для бесчисленного множества пограничных антагонизмов, за которыми скрываются более существенные империалистические противоречия (нефть, пути, общий передел рынков и колоний).

Наконец, огромное значение имеют воздушные пути. Через «земляной мост» проходит английский воздушный путь, связывающий Лондон с Индией, Сингапуром, Гонконгом и Австралией; французский путь, связывающий Марсель с Индо-Китаем; голландский путь, соединяющий Амстердам с Индонезией. Все эти пути пересекаются в Багдаде и Басре. Вот почему иракские аэродромы, контроль над которыми находится в настоящее время в английских руках, играют огромную роль в политике империализма.

* * *

Подготовка войны на Ближнем Востоке ведется по многим линиям: как в области военного строительства, так и в области экономики, в области политики и идеологии.

Казалось бы, в период экономического кризиса ни о каком сколько-нибудь широком строительстве вообще не может быть речи. Между тем, строительство портов, дорог, аэродромов и даже ирригационных сооружений никогда не принимало на Ближнем Востоке такого размаха, как сейчас.

Возьмем строительство портов. Внешняя торговля ближневосточных стран упала до катастрофических размеров. Существующие небольшие порты испытывают острый недогруз. Между тем империалисты, стремясь обогнать друг друга, строят новые и новые порты. Несмотря на экономический кризис, английский империализм сооружает в Хайфе порт, почти не уступающий по своим размерам и оборудованию такому мировому порту, как Марсель. Этот гигант получает заслуженное название «ближневосточного Сингапура» — первоклассной военно-морской стратегической базы. Но Франция спешит построить свой «ближневосточный Сингапур». И вот едва открыт порт в Хайфе (31/X—33 г.), как на расстоянии буквально ста километров в Бейруте начинаются работы по расширению этого порта. Существующий мол удлиняется на 500 м, строится новый мол в 800 м; строятся новые подъездные пути, приспособления и т. д. Площадь порта расширяется до 170 га (размер

марсельского порта). Но едва Франция приступила к строительству бейрутского порта, как Англия начинает форсировать строительство третьего «ближневосточного Сингапура» — Александрии. Английский империализм намерен приступить к немедленному расширению александрийской гавани до размеров Хайфы и нового Бейрута. В то же время расширяются порты в Яффе (Палестина), в Триполи (Сирия), в Суакине (Судан), строится порт в Акабе (Трансиордания).

Бурными темпами развертывается *дорожное строительство*. Английский империализм покрывает Ирак сетью шоссейных дорог. В июне 1934 г. открылся большой стальной мост через реку Тигр у Мосула. Такой же мост будет выстроен в течение ближайших полутора лет на реке Большой Заб (приток Тигра). За тот же период будет проведена реконструкция ряда мостов на реке Малый Заб. В результате этих работ английский империализм завершит так наз. «великую северную дорогу», соединяющую Центральный Ирак с Курдистаном и турецкой границей.

Строятся лихорадочно дороги через Сирийскую пустыню. Французский империализм прокладывает шоссейный путь от Дамаска до иракской границы; проектирует железную дорогу от Алепо к Мосулу и дальше—в Персию. Английский империализм проектирует железную дорогу от Хайфы до Багдада; соединяет металлизированной шоссейной дорогой Иерусалим и Аман (столица Трансиордании); начинает строить новую железную дорогу вдоль палестинского побережья от Хайфы до Яффы; строит в Палестине новую сеть автомобильных дорог. В Египте проводятся через пустыню автомобильные сверхмагистрали, соединяющие Каир с Александрией и Суэцом; строится железная дорога на Синайском полуострове.

Наряду с этим строительством идет усиленная *гонка воздушных вооружений*.

Империалисты рассматривают воздушный флот как важнейшее орудие не только внешней, но и внутренней политики на Ближнем Востоке. Они имеют здесь большой опыт непосредственных воздушных операций против туземных племен и крестьянства (бомбардировки деревень в Йемене, Курдистане, на Кипре и в Судане).

Авиация широко применяется на Ближнем Востоке для *воздушных десантов*. Во время восстания на острове Кипр (октябрь 1931 г.) карательные отряды были переброшены сюда на самолетах из Египта и Палестины. Такая же операция была проделана при разоружении восставших айсорских солдат (Северный Ирак, 1932 г.) и при подавлении палестинского восстания (октябрь 1933 г.).

О *воздушных вооружениях* на Ближнем Востоке дают приблизительное представление следующие цифры. Английский империализм, по официальным данным, имеет в Ираке 4 эскадрильи бомбардировщиков и 1 эскадрилью легких самолетов; в Палестине, Трансиордании и Египте — 5 эскадрилий бомбардировщиков и 1 эскадрилью армейской авиации; на островах Средиземного моря —

1 эскадрилью самолетов и авиоматку «Глориус» с рядом летных единиц, наконец, еще одну эскадрилью самолетов — в Адене[1].

Но это не все. Под английским контролем находится «национальная» военная авиация. Национальный военно-воздушный флот Ирака состоит из двух эскадрилий — по 12 самолетов каждая[2]. Военно-воздушный флот Египта состоит из 3 эскадрилий, насчитывающих 20 самолетов[3]. Наконец в рядах саудийской армии находятся 10 английских самолетов[4].

Больше того, эти «национальные» воздушные силы, созданные буквально в последние 1—2 года, непрерывно расширяются. Только в течение последнего квартала Ирак закупил в Англии дополнительно 12 самолетов[5], Египет—13 самолетов[6]. Можно без преувеличения сказать, что Виккерс развивает серийное производство самолетов «made for Orient».

Этот военно-воздушный кулак дополняется «гражданским» воздушным флотом, который, само собой разумеется, может быть в любую минуту военизирован. Через Ближний Восток проходят две магистральные «гражданские» линии общества «Империал Эйрвейс: Лондон—Сингапур и Лондон—Каир-Кэптаун (в Южной Африке). Египетское «национальное» общество гражданской авиации «Мыср-Эйрворк» соединяет регулярными линиями Каир с Александрией, Суэцом и Порт-Саидом, с Палестиной, Сирией и с Европой.

«Египет — великий перекресток воздушных путей Европы, Азии и Африки»,—заявил английский верховный комиссар в Египте — Майльс Лемпсон.—«В будущем он соберет большой урожай из семян, которые сеются сейчас в виде аэродромов, радио и аэро навигационной помощи»[7]

Эти империалистические «посевы» идут во всех странах Ближнего Востока. В Египте английский империализм соорудил большие аэродромы в Гелиополисе, Дахале, Мерса Матру, Эль-Арише и в др. пунктах. В Ираке авиобазы сооружены в Моссуле, Хинайди (под Багдадом), Басре, Шайбе. Строится грандиозная авиобаза в Дибане на реке Шатт-эль-Араб (общее русло Тигра и Ефрата при их впадении в Персидский залив). Эта авиобаза будет представлять собой целый город. Здесь будут работать 5 000 человек, в том числе 2 000 английских офицеров и летчиков. Ее стоимость составит 1½ млн. ф. стерлингов[8]. Надо отметить также новые аэродромы в Газе и Рамле (Палестина); в Амане (Трансиордания); в Триполи, в Зерке под Дамаском, в Нейрабе под Алепо (Сирия)[9].

---

[1] League of Nations. Armaments Year Book. 1933 г. p. 764
[2] По данным официозной газеты «Iraq Times»
[3] По данным официозной газеты «Egyptian gazette»
[4] League of Nations. Armaments Year Book, 1933 г. p. 15
[5] «Palestine post», 1/VI-1934 г.
[6] «Egyptian gazette», 30/IV-1934 г.
[7] «Egyptian gazette» от 12/VI-1934 г.
[8] «Iraq Times» от 23/XII-1933 г.
[9] По данным Armaments Year Book за 1933 г. (p. 268, 270) в Сирии находится французский авиационный полк в составе 4 групп, насчитывающих 1473 чел.

Необходимо отметить также наличие крупных бронесил, имеющих первостепенное значение для боевых операций в пустыне.

Наряду с военными и транспортными мероприятиями идет усиленная экономическая подготовка войны.

Прежде всего империализм форсирует строительство нефтяной базы. Если еще недавно английский нефтяной капитал задерживал начало эксплоатационных работ в Ираке, то теперь при непосредственном приближении войны он меняет тактику. В кратчайший срок закончены обе ветки нефтепровода. Уже началась опытная перекачка нефти, а с сентября-октября тек. года начнется регулярная добыча.

Большое значение придается хлопковой базе. С целью ее расширения империалисты развертывают ирригационное строительство. Помимо англо-египетского Судана, где сейчас сооружается огромный резервуар Гебель Аулия, который оросит богатейшие плантации в Джезире, помимо Египта, где в последние годы был расширен знаменитый ассуанский резервуар и сооружена большая плотина у Наг-Гамади,—начинаются крупные ирригационные работы в Ираке (строительство резервуара Хабания на Ефрате и системы Кут-Гарафья на Тигре). Эти две системы должны стоить свыше 2 млн. фунтов стерлингов. Французский империализм приступает к сооружению большого резервуара у Хомса на Оронте и проектирует другие ирригационные работы в Сирии [1]. В Абиссинии, как отмечалось выше,—хлопковые плантации создаются японским капиталом. Английский и американский империализм ведут между собой борьбу за сооружение резервуара на озере Чад у истоков Голубого Нила. Начинается обследование истоков Белого Нила (озеро Виктория Ньянца).

Это бурное ирригационное строительство в условиях острого аграрного кризиса и массового затоваривания хлопка целиком рассчитано на военную конъюнктуру.

Новые железные дороги и шоссе, аэродромы и порты, плотины и резервуары строятся преимущественно на средства, полученные от колониальных займов, представляющих излюбленную форму экспорта капиталов в страны Ближнего Востока. Так Палестина получила в мае 1934 г. заем в 2 млн. фунтов стерл. Заем в 4 млн. фунтов стерл. был получен ею в 1927 г., он был затрачен на строительство Хайфского порта и железных дорог (а также на «выкуп» военных дорог, построенных англичанами в 1917—1918 гг.). В Лондоне сейчас идут переговоры о трансиорданском займе. Готовится большой иракский заем, при чем в начале 1934 г. был отстранен иракский кабинет, находившийся в оппозиции к этому займу. Кроме того,— по сообщению «Палестайн Пост» (от 7 мая 1934 г.) Ирак получает заем в 900 000 динаров (динар=фунту стерлингов) специально для довооружения иракской армии—и это сверх 900 тыс. динаров, затрачиваемых ежегодно на армию по нормальному бюджету. К сожалению, газета не указывает, из каких источников исходит

[1] «La Syrie», 30/V-1934 г.

этот заем. В Сирии строительство ведется на средства от французского займа. Мы не имеем точных данных об этом займе, но он включен в официальную «экономическую программу» господина де-Мартеля (французский верховный комиссар в Сирии), представляющую по существу программу военного строительства.

Таким образом, строительство военных плацдармов на Ближнем Востоке ведется за счет туземных народов. Испытывая тяжелый колониальный гнет, испытывая на себе бремя экономического кризиса, они в то же время несут ярмо кабальных займов, предназначенных для расширения военной базы империализма.

Что касается идеологической и политической подготовки войны на Ближнем Востоке, то, к сожалению, эта тема слишком широка и требует разработки в специальной статье.

Мы не можем остановиться здесь подробно на различных империалистических мероприятиях и планах (как, например, отмена мандатов и заключение новых кабальных договоров, установление протектората над Иеменом, проект пан-арабской федерации, проекты монархии в Сирии и Палестине, проект сионистской автономии в Палестине, курдо-армянской автономии в Ефратской Сирии, курдской и айсорской автономии в северном Ираке и т. д.).

Мы не можем остановиться здесь и на таком важном факторе подготовки войны, как сионистская иммиграция в Палестину, принявшая в последние годы небывалые размеры. А ведь сионистская буржуазия является основной опорой английского империализма в Палестине и деятельно участвует в подготовке войны. «Главная задача нашей партии — подготовить еврейскую молодежь к наступающей мировой войне»,— откровенно гласит устав «Бирьоним» — еврейской фашистской организации в Палестине.

Мы не можем остановиться здесь и на деятельности арабской национал-реформистской буржуазии. Достаточно указать, что национал-реформистская буржуазия капитулирует перед английским империализмом и заключает с ним блок именно на платформе совместной подготовки войны. Национал-реформистские вожди помогают английскому империализму добиться капитуляции Иемена и участвуют в мирной конференции как посредники. Египетский Вафд требует расширения александрийского порта и усиления «национальной» авиации. Иракский «Истиклал» настаивает на проведении всеобщей воинской повинности и на форсированном строительстве военных укреплений в Ираке.

Против кого же направлены все эти военные приготовления? Какая война вспыхнет раньше на Ближнем Востоке — междуимпериалистическая или антисоветская? В настоящее время конкретный прогноз еще невозможен. Но нет сомнений, что острие всех военных приготовлений направлено именно против Советского Союза и отчасти против Турции. Если сами твердолобые империалисты предпочитают замалчивать этот факт, то их лакеи — арабские национал-реформисты — выбалтывают его с вели-

чайшей откровенностью. Панисламский конгресс (декабрь 1931 г.), созванный под руководством арабских национал-реформистских лидеров, прямо призывает всех мусульман к «священной войне» против Советского Союза, пуская в ход клевету о «преследованиях мусульман в Советском Союзе», о «красном империализме», о «принудительном труде» и т. д. Такую же клеветническую кампанию против Советского Союза—из номера в номер регулярно ведет «Ля насьон араб»—главный орган арабского национал-реформизма. Такую же кампанию развертывает сионистская буржуазия, протестуя против преследований сионистских контрреволюционеров в СССР.

Империализм готовит на Ближнем Востоке войну прежде всего против СССР. Но в своем озлоблении империалисты не понимают, что обстановка теперь резко изменилась; что влияние их национал-реформистской агентуры в массах пошатнулось; что, подготавливая империалистическую войну, они сами себе роют могилу.

Империалисты, — по их собственному выражению, — «сеют аэродромы, воздушные эскадрильи, радиостанции». Они потирают руки в ожидании «больших урожаев». Пусть же не пеняют они на себя, если, посеяв на Востоке войну империалистическую, они пожнут великую национально-освободительную войну, которая раз навсегда положит конец их господству над колониальными народами мира.

ВАН-МИН

БОРЬБА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Положение на Дальнем Востоке сейчас такое напряженное, что в любой момент может вспыхнуть мировая империалистическая война[1].

Каковы основные элементы, определяющие напряженность обстановки на Дальнем Востоке? В основном они таковы: во-первых, борьба основных империалистических хищников, прежде всего японского, американского и английского империализма, за господство на Тихо-океанском побережьи и на мировом рынке; во-вторых,— подготовка контрреволюционной войны против Советского Союза; в-третьих,— напряженная обстановка в самой Японии, т. е. общая мобилизация революционных и контрреволюционных сил в Японии. Наконец, четвертое,—это борьба империалистов за окончательный раздел Китая и героическая борьба китайских советов за национальное и социалистическое освобождение китайского народа.

Таковы четыре основных момента, определяющих напряженную обстановку на всем Дальнем Востоке. Дальний Восток—ось империалистических противоречий и арена империалистических войн. С момента японской интервенции в Манчжурию, в сентябре 1931 г., наступления Японии на Шанхай в 1932 г., Жэхе, Чахар, Сыюнь, Сев. Центральный и Южный Китай в последние годы положение на Дальнем Востоке настолько обострилось, империалистические противоречия достигли такой степени, что в любой момент может вспыхнуть тихо-океанская империалистическая война.

Наступление Японии на Китай не только нарушает интересы китайского народа, но сталкивается с колониальной политикой Соединенных Штатов Америки. Поэтому в последние годы отношения Японии и Америки сделались столь напряженными, что создалась непосредственная угроза войны между ними.

Англия поддерживает Японию в борьбе против США, но в то же время она опасается растущих захватов японского империализма в Северном, Центральном, Южном Китае, а на тихо-океанском побережьи эти захваты угрожают также интересам британского империализма на Дальнем Востоке. Поэтому Англия, с одной

---

[1] Стенограмма доклада тов. Ван-Мина на сессии МАИ 9 июня на заводе им. Горбунова (в сокращенной обработке).

стороны, поддерживает Японию в борьбе против США, а с другой стороны, усиливает свою военную подготовку, чтобы оставить за собой решающее слово в тихо-океанской империалистической войне.

Империалистические противоречия все обостряются, и в дальнейшем будут еще больше обостряться. В 1935 г. предстоит новая морская конференция, которая должна решить вопрос о соотношении морских и военных сил основных империалистических морских держав. Опыт международной конференции по разоружению явственно показывает, что морская конференция в 1935 г. не имеет шанса на успех; она может только ускорить начало тихо-океанской империалистической войны.

Война японских империалистов против китайского народа продолжается уже больше $2^1/_2$ лет. Уничтожение авиационной бомбардировкой и артиллерийским обстрелом целых городов и деревень в Манчжурии, Жэхе и Северном Китае, невиданная жестокость японских интервентов дают ясное представление об ужасах предстоящей мировой империалистической войны. Нынешние военные действия Японии в Китае представляют собой только репетицию предстоящей империалистической войны. И совершенно правильно XIII Пленум ИККИ констатировал, что на побережьи Тихого Океана пожар войны уже разгорается.

Война японских и других империалистов против СССР—основная опасность

Тов Сталин на XVI съезде ВКП(б) говорил:

> «Каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом».

Это указание тов. Сталина имеет сейчас особое значение.

Империалисты пытаются до начала междоусобной войны развязать войну против Советского Союза. Об этом со всей очевидностью говорит политика японского империализма. Превращение Манчжурии, Жэхе в военный плацдарм, усиленная военная подготовка в Монголии, дальнейшее наступление на Северный, Центральный и Южный Китай — все это меры, которые проводят японские империалисты для подготовки контрреволюционной войны против Советского Союза. Однако неправильно было бы думать, что только японские империалисты усиленно подготовляют войну против Советского Союза. Прежде всего, одни японские империалисты вести

такую большую войну не могут. Об этом ясно говорил Ленин на II Конгрессе Коминтерна:

> «Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы, финансовой и военной, без поддержки другой страны иметь не может».

Это указание Ленина сохраняет всю свою силу. Если Японии не помогут другие империалисты, она не сможет вести войну против Советского Союза. Япония рассчитывает на своих союзников — Германию и др. Сейчас Гитлер и его сподвижники открыто заявляют о союзе с японским империализмом для войны против Советского Союза.

Но если война эта до сих пор еще не вспыхнула, то потому, что, во-первых, Советский Союз решительно проводит политику мира, во-вторых, потому, что сами японские империалисты в военном отношении недостаточно готовы: они еще не «договорились» окончательно со своими возможными союзниками, и в то же время развертывание антисоветской войны сильно затрудняется внутренними противоречиями в Японии. В-третьих, революционная борьба трудящихся во всех странах, особенно же борьба против военной опасности и в защиту Советского Союза, помешала этому военному взрыву. Наконец, китайская революция в огромной степени мешает японскому империализму начать контрреволюционную войну против СССР. Именно поэтому японские и другие империалисты пытаются еще до начала войны против Советского Союза покончить с китайской революцией.

Китайская революция — крупнейший фактор в мировой политике. Китайская революция выражается в новом советском государстве. Китайская советская республика с ее рабоче-крестьянской Красной армией является центром, вокруг которого сплачиваются все силы, борющиеся за национальное и социальное освобождение 400-миллионного китайского народа. Китайские советы на практике показывают трудящимся Японии, Индии, Индо-Китая, Кореи, Формозы и всего Востока тот путь, которым они действительно могут добиться освобождения из-под гнета империализма, помещиков и капиталистов.

Китайская революция мешает империализму наладить тихоокеанскую империалистическую войну и контрреволюционную войну против СССР. Китайская революция является для трудящихся империалистических стран могучим союзником в борьбе за свержение фашизма и буржуазии, она не только призывает их к революционной борьбе, но убеждает их в неизбежности и близости побед революции.

Именно поэтому империалисты помогают Чан-Кай-ши в борьбе против китайской революции. Для всякого ясно, что без материальной и военной помощи империалистов Чан-Кай-ши и Гоминдан давно были бы свергнуты могучей народной революцией в Китае. Военные походы Чан-Кай-ши и др. милитаристов против Ки-

тайской советской республики являются по существу прежде всего империалистической интервенцией в замаскированной форме. Последний 6-й антисоветский поход Чан-Кай-ши был лучшим доказательством в этом отношении. В этом походе империалисты не только оказывают помощь Чан-Кай-ши деньгами, оружием и т. д., но сами принимают непосредственное участие в военных операциях чан-кай-шистских войск. Германские фашистские генералы во главе с фон Сектом не только выработали военный план 6-го похода Чан-Кай-ши, а сами руководят операциями войск Чан-Кай-ши на фронтах и в тылу.

Японские империалисты, стараясь захватить руководство военным походом, неоднократно настаивали на отзыве германских генералов из штаба Чан-Кай-ши, чтобы взамен их посадить японских воевод. 120 военных самолетов направлены на борьбу с китайской Красной армией. Управляют этими самолетами в большинстве случаев не китайские, а итальянские, американские и немецкие летчики. Эти иностранные летчики ежедневно обстреливают территорию Советского Китая.

Германский «социал-демократ» Гержинский и его помощник Вейс работают сейчас в тылу войск Чан-Кай-ши, получая по 50 000 американских долларов в год.

Однако, несмотря на все это, Китайская Красная армия снова добилась больших побед. Шестой поход Чан-Кай-ши можно разделить на два этапа: первый с сентября 1933 г. до февраля 1934 г. и второй этап — с февраля этого года по нынешний день. На первом этапе Красная армия добилась крупных побед.

Вот некоторые цифры, характеризующие гигантские победы, одержанные Красной армией на первом этапе 6-го похода Чан-Кай-ши. Например, в провинции Сычуана (новый советский район) Красная армия китайских советов разбила 40 полков противника. Она захватила 20 тысяч винтовок. Там было восстание 8 бригад гоминдановской армии, которые перешли на сторону Красной армии.

На основе этих побед Красная армия в районе Сычуана выросла в гигантскую силу. В конце прошлого года она насчитывала в этом районе—15-20 тысяч штыков, а в настоящее время там имеется регулярная Красная армия в 110 тысяч штыков.

Красная армия в центральном советском районе на первом этапе 6-го похода также одержала значительные победы. В конце прошлого года в провинции Фудзянь было организовано так называемое самостоятельное народное правительство, которое выступало против Чан-Кай-ши и Нанкинского правительства. Это правительство опиралось на известную 19-ую армию, которая вела в начале 1932 г. вместе с рабочими массами героическую национально-оборонительную войну в Шанхае против японских империалистов. 19-я армия в свое время заключила военный союз с Красной армией китайских советов для совместной борьбы против японского империализма и Чан-Кай-ши.

Поэтому в Фудзянском районе на первом этапе 6-го похода было очень благоприятное положение для Красной армии. Но в результате предательства со стороны руководства 19-й армии фудзянское правительство не устояло против наступления Чан-Кай-ши и потерпело поражение. Чан-Кай-ши удалось захватить провинцию Фудзян. Это создало дополнительные затруднения для Красной армии в этом районе, ибо если раньше ей в этом районе приходилось выступать против Чан-Кай-ши преимущественно на севере, то после этого ей пришлось бороться с Чан-Кай-ши и на востоке. Поэтому на 2-м этапе 6-го похода война между Красной армией и Чан-Кай-ши в центральном советском районе приобрела гораздо более упорный и ожесточенный характер, чем раньше. Хотя на этом фронте Красная армия еще и не добилась решающих побед, но она уже имеет многочисленные успехи, и если на-сегодня в центральном районе еще не окончательно отбит 6-ой поход Чан-Кай-ши, то несомненно в конечном счете победа будет принадлежать Советам.

Необходимо учитывать, что Красная армия Китая борется в тяжелейших условиях, она еще плохо вооружена и в военно-техническом отношении она значительно слабее, чем армия Чан-Кай-ши. Например, у китайской Красной армии до сих пор недостаточно авиационных частей, она владеет всего лишь двумя десятками самолетов, при чем большинство из них не бомбовозы, не истребители, а разведчики.

А в войсках Чан-Кай-ши военные самолеты, полученные им от империалистических держав, насчитываются сотнями. У Красной армии Китая недостаточно артиллерийских частей, а у Чан-Кай-ши артиллерии очень много. Красная армия в связи с экономической блокадой и разрушительными действиями армии Чан-Кай-ши всегда переживает тяжелые материальные затруднения. Но несмотря на это Красная армия Советского Китая, находясь в экономически сравнительно отстающих районах, подвергаясь в течение последних 3-х лет постоянным нападениям со стороны Гоминдана, все же победоносно отражает и шестой поход Чан-Кай-ши.

В чем заключается «секрет» побед Китайских Советов? Прежде всего в том, что советская власть в Китае является властью рабоче-крестьянской, властью подлинно народной. Это — власть, возникшая и укрепляющаяся на почве аграрной и анти-империалистической революции, опирающаяся на широчайшие трудящиеся массы и на союз пролетариата и крестьянства под руководством рабочего класса.

Второй предпосылкой победы является героическая борьба китайской рабоче-крестьянской Красной армии.

Третья предпосылка победы заключается в том, что китайскую Красную армию поддерживают пролетариат и угнетенные народы всего мира. И наконец, — самое главное это то, что Красной армией руководит компартия Китая. Эта партия сейчас является одной из лучших секций Коминтерна, она имеет уже 400 тысяч

членов. Компартия Китая борется за проведение генеральной линии Коминтерна, возглавляемого тов. Сталиным.

Несмотря на все попытки империалистов уничтожить китайскую революцию и развязать контрреволюционную борьбу против Советского Союза — все же в конечном итоге победа будет за нами.

Если подумать о том, что китайская Красная армия, которая сейчас в военно-техническом отношении еще очень слаба, в течение стольких лет сумела удержать свои боевые позиции, не сдаваясь перед натиском мирового империализма и китайской контрреволюции; если подумать о том, что антияпонские партизанские отряды в Манчжурии, которые очень плохо вооружены и очень плохо организованы, в течение 3-х лет уже борются с японскими империалистами, вооруженными до зубов; если вспомнить о гражданской войне в Советском Союзе, когда Советы сумели победить 14 империалистических государств-интервентов, — то исход предстоящей крупной борьбы на Дальнем Востоке будет совершенно ясен. Победа будет за нами.

Тов. Ленин в своей статье «Лучше меньше, да лучше», писал о борьбе между советским миром и капитализмом:

> «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

Это указание Ленина о роли Востока имеет сейчас еще большую силу, чем когда-либо.

Советский Союз вырос в громадную политическую, экономическую, военную силу. Союзником великого социалистического государства является вооруженный советский Китай; в защиту отечества пролетариата всего мира выступают японские героические революционные рабочие и трудящиеся всего Дальнего Востока и пролетариат Запада. Если сейчас японские и другие империалисты начнут преступную войну против СССР, — то победа всегда будет за нами. Победа будет за Советским Союзом, за китайской советской революцией, победа будет за трудящимися Японии и Востока, а не за японским империализмом.

Э. ГЕРНЛЕ

ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Первого августа этого года исполнилось ровно двадцать лет с начала мировой империалистической войны.

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг. была первой большой битвой империалистических хищников за передел обреченного на капиталистическую эксплоатацию мира.

Десять миллионов рабочих и крестьян пало на поле битвы. Миллионы умерших от голода в тылу, погибших в оккупированных районах, унесенных эпидемией—шли не в счет. По последним сведениям фашистской печати, в одной только Германии умерло в то время от голода около четверти миллиона людей.

Сейчас, двадцать лет спустя после начала первой империалистической войны, человечество поставлено перед бездной готовящейся второй, еще более крупной и кровавой мировой бойни. Империалистическая буржуазия в условиях обостряющегося всеобщего кризиса капитализма делает свою главную ставку на войну. Международное положение носит характер кануна новой мировой войны. Одновременно ряд империалистических стран—Германия и Япония — готовят контрреволюционную войну против Советского Союза.

Задача настоящей статьи ознакомить читателя с военными приготовлениями германского фашизма в области сельского хозяйства.

Национал-социализм и империалистическая политика войны

Фашизм является «открытой террористической диктатурой наиболее реакционной части финансового капитала» и вместе с тем олицетворяет организованное стремление к расширению этого господства за пределы национальных рамок; он по существу своему означает также ускоренную подготовку империалистической войны. Под ударами хронического мирового экономического кризиса, империалисты ставят, как это формулировал в своих решениях XIII Пленум ИККИ еще осенью 1933 г., «свою главную ставку на карту войны».

В Германии капиталистическая система чрезвычайно расшатана. Одним из показателей кризиса капитализма в Германии являются миллионные безработные массы и разоряющееся крестьянство. Число безработных в Германии составляет 6—7 млн. человек (из 20 млн. трудоспособных рабочих и служащих).

Концентрация капитала, образование всемогущих трестов, синдикатов и картелей, слияние этого трестовского капитала с крупными банками и с крупной поземельной собственностью достигли в Германии таких размеров и такой ступени развития, до каких они едва ли поднялись в какой-либо другой стране. С другой стороны, германский империализм со времени последней войны является империализмом с хромающим экспортом капитала, без колоний, с менее сильным, чем у других великих держав, воздушным и морским флотом,—империализмом, тщетно пытающимся освободиться от оков версальского мира и репарационных платежей. Словом, это загнивающий империализм, носящий в своем чреве не зародыш, а уже готовый плод пролетарской революции.

Вот почему германский фашизм, менее чем какой-либо другой фашизм, способен разрешить противоречия капиталистического хозяйства и капиталистической политики одним лишь усилением эксплоатации трудящихся масс в самой стране. Он, как и всякий фашизм, ведет политику экспансии, он выдвигает перспективу войны, выдвигает еще более непосредственно, чем его соседи, в надежде добиться этим известного будущего для себя, пусть даже в роли жандарма какого-либо другого, более могучего хищника.

Германский фашизм ведет военные приготовления на два фронта—против Франции и ее вассалов и против Советского Союза, к которому он относится более враждебно, чем к французскому империализму. Под маской «носителя западной цивилизации» фашизм готовит контрреволюционную войну против СССР.

Еще в своем фашистском талмуде «Моя борьба» Гитлер выдвинул обе эти военные перспективы, подчеркивая их неизбежность.

Играя на противоречиях между британским и французским империализмом, а также на противоречиях между Италией и Францией, германский фашизм ведет борьбу против гегемонии Франции на европейском континенте, пытается изолировать Францию от ее союзников, требует равноправия в вооружении и усиленно вооружается.

Но главная ставка германского фашизма, и чем дальше, тем все больше, это контрреволюционная война против Советского Союза.

Меморандум Гугенберга на Лондонской мировой экономической конференции, летом 1933 г., ярко раскрыл германские планы войны против СССР. Осенью 1933 г., одновременно с выходом Германии из Лиги наций, Гитлер рекомендовал странам, участвующим в Лиге наций, германский фашизм в качестве оплота против СССР. Из ненависти к СССР фашистская Германия ныне поддерживает также грабительскую политику Японии на Дальнем Востоке.

За последние месяцы восточные планы германского фашизма приняли еще более конкретные формы. Фашистская провинциальная пресса, более откровенно высказывающаяся по этому вопросу, нежели официальные центральные органы печати, совершенно открыто призывает к крестовому походу против СССР. Так, газета

«Нидердейтше Беобахтер» 19 мая 1934 г., в статье, озаглавленной «Вильна и Мемель», заявила, что все побережье Балтийского моря «до Пейпусского озера» является германской землей. Она призывала Польшу подняться против создавшейся на литовской границе обстановки и указывала, что Ковно «кокетничает с Москвой».

Статья заканчивается следующим призывом к капиталистическому миру.

> «Как долго еще заинтересованные государства будут терпеть, чтобы это развитие вело к литовскому советскому государству, благодаря чему вся северо-восточная территория Европы станет добычей III Интернационала?».

Воинственность «Фелькише Беобахтер», центрального органа Гитлера, несколько менее откровенна. Все же и этот орган требует «обновления Европы с помощью германской крестьянской идеи». В предстоящей якобы неминуемой борьбе станет неизбежным, «чтобы Германия, как самая большая и центрально расположенная страна, переняла при этом руководство и инициативу»[1].

На собрании «Северного общества» в Любеке (2 июня 1934 г.) Альфред Розенберг и его сотрудник Вернер Дайц подробно развивали планы фашистского империализма в отношении «территории вокруг Балтийского моря». В этой связи они вновь подчеркивали роль фашистской Германии как «спасителя» Средней Европы от коммунистической волны»[2].

Германский фашизм не мыслит своего будущего без подчинения себе по крайней мере европейской части СССР. Вернер Дайц заявил в Любеке (см. «Берлинер Берзенцейтунг» от 5/IV—1934 г.:

> «Большая задача, стало быть, состоит в том, чтобы возобновить европейскую экономическую циркуляцию, чтобы прежде всего установить связь территории юго-востока с территорией северо-востока и с побережьем Балтийского моря и чтобы однажды,—когда окажется возможным,—объединить обе через Россию».

Таким образом, в настоящее время фашистская буржуазия стремится к тому, чтобы путем военного похода против СССР снискать благосклонность стран-победительниц в мировой войне, добиться ослабления цепей Версаля, добиться известных поправок границы с Литвой и Польшей и сверх этого захватить солидную часть советской территории. Но она надеется также с помощью империалистической войны разрядить то огромное напряжение, которое создалось внутри страны на почве растущего экономического и валютного кризиса и неудержимо возрастающего разочарования и озлобления трудящихся масс. Она надеется завоевать путем войны экономическую и политическую гегемонию в Средней и Восточной Европе, о чем открыто говорил Вернер Дайц, заявляя, что Германия «является призванным посредником обмена товаров между восточной и западной, северной и южной Европой».

---

[1] „Фелькише Беобахтер“ от 10/11 мая 1934 г.
[2] Ibid, от 3-4/IV— 1934 г.

Марксиста не может удивлять, что эти империалистические захватнические планы германского фашизма, как всякая империалистическая подготовка к войне, прикрываются лживыми фразами о мире. Так, Вернер Дайц 5 июня пишет в «Фелькише Беобахтер», в статье, озаглавленной «Идея хозяйства больших территорий»:

«Будущее хозяйство больших территорий континентальной Европы является не империалистическим образованием, а дружеским сотрудничеством свободных народных хозяйств для общего блага».

Это те же фразы о мире и культуре, которыми империалисты при подготовке первой империалистической войны и после нее прикрывали свои грабительские намерения и эксплоатацию колоний; это те самые фразы, скрываясь за которыми, японский империализм с востока готовит войну против Советского Союза и выступает против Советского Китая.

В своей подготовке к войне германский империализм наталкивается однако на препятствия внешнеполитического, внутриполитического и экономического порядка. Внешнеполитическим тормозом является, прежде всего, соперничество французского империализма, его господствующее положение в Центральной Европе. Ярость германских фашистов по поводу сближения французской дипломатии с Советским Союзом нашла особо ясное отображение в политическом обзоре влиятельной «Берлинер Берзенцейтунг» от 1-го июня. Газета жалуется на «Неравный брак» с Москвой и пишет:

«Сильное сближение французов с Советской Россией, все более тесная связь между парижской столицей западной цивилизации и большевистской Москвой — вот чего прежде всего нельзя простить Франции».

На эти внешнеполитические тормозы германский фашизм реагирует дальнейшим усилением травли против СССР.

Внутри страны германский фашизм наталкивается на решительное сопротивление непобежденных фашизмом индустриальных рабочих, составляющих большинство населения в промышленных и административных центрах.

Поэтому фашизм стремится в первую очередь поработить рабочий класс политически, экономически и духовно, и физически уничтожить его революционный авангард — КПГ.

Но это фашистам не удастся, несмотря на зверский террор, насилия, издевательства и идеологический обман, которые они широко применяют.

В экономическом отношении подготовка германского фашизма к империалистической войне наталкивается прежде всего на два препятствия: на слишком незначительную сырьевую базу для промышленности и на недостаточную продовольственную базу для фронта и тыла. На опыте минувшей мировой войны германская буржуазия убедилась в том, что эти недостатки могут сыграть роковую роль в случае затяжного характера войны. Поэтому германский фашизм

в настоящее время вооружается не только в военном и дипломатическом, но и в экономическом отношении.

Вернер Дайц открыто пишет в вышеназванной статье:

> «Во времена либерализма считалось достаточным для защиты и свободы и для усиления нации содержать возможно более многочисленные армию и флот. Хозяйство однако предоставлялось коммерсантам».

Сегодня фашизм делает большие усилия, чтобы подчинить экономику своим военным планам раньше, чем началась война. Наталкиваясь при этом на капиталистическую анархию и конкуренцию, он тем не менее пытается создать с помощью государственного монопольного хозяйства, регулирования рынка и производства, с помощью принудительных синдикатов и картелей хотя бы временную организацию, которая обеспечила бы, когда это потребуется, армию всем необходимым на долгое время.

Фашизм «рекомендует» трудящимся массам города и деревни эти меры экономической подготовки войны под демагогическими лозунгами «преодоления капитализма», «национального планового хозяйства», «социалистической экономики», «удовлетворения потребностей», или, короче, «германского социализма». Фашисты здесь следуют примеру лидеров социал-демократии, которые также восхваляли военные мероприятия империалистической буржуазии в мировой войне 1914—1918 гг., как «социалистические мероприятия». Лидеры социал-демократии, стало быть и в этом отношении оказываются предшественниками и пособниками национал-фашистов.

Война и аграрная политика фашизма

Империализм приспособляет сельское хозяйство точно так же, как текстильную, кожевенную, лесную и тракторную промышленность, к целям подготовки войны. Если германский фашизм сегодня говорит о «свободе пропитания», об «обращении лицом к земле», об «обновлении крестьянства» о крестьянстве, как «национальном резерве» или «гарантии будущего» (см. речь Гитлера на празднике урожая 1-го октября 1933 г.), то под этими лицемерными агитационными фразами он скрывает не только намерение вербовать в крестьянстве массовую опору для фашизма внутри страны, но и военно-политические соображения. Фашистская газета «Штальгельм» 28 мая 1933 г. писала: «Крестьянское сословие является первой боевой силой нации». А государственный советник Майнберг заявил 5 декабря 1933 г.: «Крестьянские поселения лучше бетонированных укреплений».

Не ради самих крестьян германский фашизм так с ними заигрывает. Фашизму нужно пушечное мясо. Он надеется с помощью крестьянских армий одержать победу в подготавливаемой им войне. С этой целью фашизм стремится прежде всего идеологически «подготовить» крестьянские массы к войне, привить им «воинственный дух», «добродетель солдата», «верность вождю» и в первую очередь—

сословное высокомерие, шовинистическую ограниченность и расовые предрассудки. Империалистическая завоевательная политика восхваляется как дело спасения крестьянства, так как Германия, мол, нация без простора, а немецкий крестьянин имеет право на «простор на востоке».

Еще в своей книге «Моя борьба» Гитлер заявил.

«Но если мы говорим о новых землях, то мы должны думать в первую очередь о России и о подчиненных ей лимитрофных государствах» (там же, стр. 742).

Но при всех попытках «влить воинский дух» в крестьянские массы, фашизм наталкивается на сильное классовое расслоение деревни.

Чем дальше, тем труднее становится поддержать в деревенском пролетарии и полупролетарии иллюзию «о всенародной общности и общей судьбе» пролетария с его поработителями. Экономические мероприятия по приспособлению сельского хозяйства к войне усиливают разорение трудящихся масс деревни и поэтому еще сильней обостряют классовые противоречия и ослабляют политическую подготовку крестьян к войне.

Специальная военная целеустремленность фашистской аграрной политики обнаруживается особенно там, где ее мероприятия совершенно явственно выходят за рамки чисто хозяйственных мероприятий по борьбе с аграрным кризисом и по стабилизации господства финансового капитала в деревне. Подобными мероприятиями являются например, все те начинания, которые имеют своей целью обеспечить любой ценой так называемую «свободу пропитания» Германии и расширить внутригерманскую сырьевую базу даже в том случае, когда производство данного продукта внутри страны может быть достигнуто лишь путем постоянных премий за посевы, гарантий цены и высоких государственных дотаций. Это в особенности относится к масличным культурам, разным сортам леса, льна и шерсти.

Производство с.-х. машин также приспособляется к военным целям.

Фашистская пресса гордо возвещает, будто Гитлеру удалось в первый же год поднять сбыт с.-х. машин до 117 млн. марок, после того как в промежутке между 1929 и 1932 гг. он пал с 400 млн. марок до 97 млн. марок.

В этих сообщениях нет указаний на то, в какой мере здесь речь идет о рабочих машинах и в какой мере о тяговых. Более ясно говорят данные автомобильной промышленности, согласно которым в Германии имеется около 26 000 тракторов. Еще при канцлере Брюнинге существовала теснейшая связь между тракторо-строительной промышленностью и военным министерством. Опытно-тракторная станция в Лезепе под Берлином находилась под особым наблюдением не министерства земледелия, а военного министерства. Также не случайно, что за последний год «моторизация Германии» Гитлером, как это доказала автомобильная выставка в Берлине, охватила преимущественно аграрные провинции на Востоке.

В то время как увеличение моторизации в среднем по всей Германии в 1933 г. достигало 77% по сравнению с 1932 г., в таких ярко выраженных крупно-помещичьих провинциях, как Мекленбург-Штрелице, оно достигло—229%, в Мекленбург-Шверине—120%, в Западной Пруссии — 111%, в Восточной Пруссии — 109%, в Поморье — 99%. Особые дотации и налоговые льготы, предоставленные фашистским государством помещикам, повысили количество тракторов и грузовых машин, ибо каждый трактор, каждый грузовик в поместьи означают в случае мобилизации значительное облегчение снабжения армии.

К прикрытым формам подготовки войны относится также широко последнее время пропагандируемая и уже частично начатая «индустриализация Восточной Пруссии». Наряду с созданием алюминиевой промышленности здесь прежде всего расширяется консервная промышленность.

Восточная Пруссия является операционной базой для будущей войны на Востоке! Для овощной консервной промышленности создана база в низовьях Вислы около Мариенбурга и Мариенвердера. Созданная еще Брюнингом и временно закрытая фабрика мясных изделий в Кенингсберге вновь пущена в ход Гитлером. Льноводческое предприятие в Инстербурге должно стать центром для производства льна, усиленно форсируемого при помощи крупных государственных дотаций и гарантий цен. (В настоящее время Германия производит лишь 17% потребного ей льна на площади в 4 500 га; площадь посева должна быть, по предположению фашистов, доведена до 30 000 га). Льноводством занимаются в Германии по преимуществу хозяйства с площадью свыше 200 га. Стало быть, и здесь встречаем юнкера в роли крупно зарабатывающего поставщика для армии.

Форсирование производства и обработки шерсти гитлеровским правительством также является специально военным мероприятием и, одновременно, субвенцией крупному землевладению. Германия производит лишь около 7% собственной потребности шерсти, этого важнейшего для всякой армии сырья.

Фашистское правительство поставило своей задачей поднять производство шерсти до 30% нормальной потребности. Стимулом служит гарантированная цена (она на 30% выше мировой рыночной цены), а также принудительное потребление отечественной шерсти всеми перерабатывающими шерсть отраслями промышленности, при исполнении ими заказов официальных, полуофициальных или армейских органов.

Германская буржуазия и до перехода власти к Гитлеру проводила принцип субвенций крупному помещичьему землевладению. Еще в 1931 г. депутат центра в рейхстаге, тесно связанный с «И. Г. Фарбен», профессор Дессауэр, оценивал субвенцию, ежегодно уплывавшую с полного согласия социал-демократов в кассы восточных помещиков и кулаков,—в 4 млрд. марок. Эти 4 млрд., сегодня уже около 6 млрд.,—не что иное, как косвенный военный налог на трудящиеся массы Германии.

Понятие и практика „автаркии"

Автаркия, по-немецки—«свобода пропитания», «прокормление с собственной земли»». В этом лозунге Гитлер сформулировал для массовой агитации свою военно-продовольственную политику. Старый реакционер, берлинский профессор К. Фон-Дитце, в докладе «Германскому обществу мирового хозяйства»[1] сказал по этому поводу следующее:

«До мировой войны Германия вынуждена была ввозить примерно 20% своей потребности в продовольствии и кормах, в особенности белков и жиров. Это положение повсеместно считалось угрожающим».

Военно-политическая установка выявлена здесь довольно четко. Импорт хотя бы 20% потребного продовольствия и кормов расценивается уже как «угрожающее» явление. Профессор Дитце в том же докладе дополнительно заявляет:

«В послевоенное время цель «свободы пропитания» чрезвычайно занимала умы. Национал-социалистическая партия включила ее в свою политическую программу. Особенно действенную помощь оказали здесь мероприятия юнкерской политики, начиная с 1929 г.».

В 1929 г. рейхсканцлером был социал-демократ Герман Мюлер. Мы здесь от компетентного лица слышим подтверждение того факта, что вожди социал-демократии были здесь, как и всюду, проводниками фашизма. Они заслужили похвалу господина Дитце, ибо никто иной как социал-демократ Герман Мюллер ввел, наряду с законом о покровительственных пошлинах, принудительное потребление внутригерманской пшеницы и монополию на кукурузу, между тем как Брюнинг продолжил при поддержке социал-демократов эти явно военные мероприятия вплоть до открытой таможенной диктатуры (с 31/III—1931 г.):

То, что национал-социализм под «автаркией» или «свободой пропитания» понимает приспособление сельского хозяйства к военным целям, ясно подчеркнул господин фон Дайтц, начальник отдела внешней торговли в управлении внешней политики национал-социалистической партии. Дайтц в «Берлинер Тагеблат» от 24-го июня 1933 г. писал следующее.

«...Национал-социалистическая партия понимает под автаркией жизненное право каждого народа и каждой нации организовать свое хозяйство таким образом, чтобы оно стало их крепостью, в которой они не смогут быть взяты измором в случае торгово-политических, валютных или даже военных осложнений. Из этого само собой явствует размер автаркии. Ясно, что в таких случаях в подобной крепости не может быть изобилия и что придется потуже затягивать ремень. Но независимость основы для существования должна быть обеспечена во что бы то ни стало.

---

[1] „Дейтше Бергверкцейтунг" от 24/III-34 г.

Затем непосредственно вытекает из этого и второй принцип национал-социалистической внешней политики, а именно, что весь дальнейший спрос будет по возможности покрываться с таких территорий, которые обеспечены длительными политическими союзами и дружбой и которые можно считать доступными в случае осложнений.

Таким образом автаркия не означает закрытия границ в экономически-политическом отношении; она означает группировку потребностей из военно-политических соображений.

Национал-социализм, стало быть, руководствуется в своей аграрно-производственной и торговой политике по преимуществу «военно-политическими» соображениями. Автаркия означала обеспечение продовольствием и сырьем на случай войны, при чем речь идет конечно не о достаточном снабжении масс, а о совершенно необходимом прожиточном минимуме для армии, военной промышленности и для поддержания военного настроения в тылу.

После полного крушения германского экспорта в первом квартале 1934 г. и обострившегося в связи с этим до крайности кризиса денежной системы, германский фашизм повернул свою внешнеторговую политику. Этот поворот одновременно означает чрезвычайное усиление его военных тенденций. Лозунг «автаркии», которому перед лицом народных масс все же мог еще придаваться известный оборонительный характер, уступил место гораздо более агрессивному требованию «хозяйства больших территорий». Еще в конце прошлого года министр народного хозяйства Шмидт, непосредственный уполномоченный финансового капитала в кабинете Гитлера, требовал в своей книге «Народное хозяйство в новом государстве» (изд. Георг Кальвей, Мюнхен):

> «...Отнюдь не автаркию, а наоборот, углубление хозяйственных обязательств, но лишь по отношению к таким странам, которые готовы за обязательство отплатить контр-обязательством».

Д-р Винтер, представитель управления штаба «вождя германского крестьянства» еще яснее высказывается по этому поводу[1].

> «Поэтому остается только тот путь, чтобы германское крестьянство встало во главе крестьянских народов и объединило их мирным путем для повышение их уровня жизни».

Если отбросить в сторону фразу о германском крестьянстве, пущенную в ход для демагогического обмана мелких крестьян, то это требование целиком вскрывает возврат к общеизвестной со времен довоенного германского империализма пресловутой теории Пауля Рорбаха о более значительной хозяйственной территории, которую Германия должна для себя отвоевать. Речь идет, как и до мировой войны, прежде всего о юго-восточной Европе. Отто Христиан

[1] См. „Берлинер Тагеблат“ от 30/III-1934 г.

Фишер, член дирекции «Рейхскредитгезельшафт» и член «генерального совета хозяйства» подчеркивает в большой статье в «Берлинер Берзенцейтунг» (от 23/III—1934), что «подъем всего хозяйственного уровня этих стран» может произойти «только при помощи инвестиции капиталов».

Германский фашизм, стало быть, уже совершенно конкретно думает о возможностях экспорта капитала после заключения торговых договоров с Венгрией, Югославией и Болгарией.

Во всех новейших торговых договорах Германии уже содержатся заметные элементы этих новых методов экспансии германского империализма. В «Фелькише Беобахтер» от 5 июня Вернер Дайтц рисует следующий план.

> «Засеять на территориях юго-востока маслины, сою, лен, касторовое масло и т. п.. В странах Прибалтики взяться прежде всего за разработку имеющихся там металлов в интересах удовлетворения европейского спроса».

Соответственно этому с Венгрией уже заключено твердое соглашение, по которому она берет на себя обязательства засеять 30 тыс. га льна, покупаемого Германией по твердым ценам. В связи с югославским торговым договором, заключены подобные сделки между югославскими экспортными синдикатами и германскими организациями. Речь идет не только об импорте фруктов, овощей, кормов, табака и леса в Германию, но,—согласно сообщению «Дейтше Бергверксцейтунг» от 3/V—1934 г.—имеется в виду также инвестирование германских капиталов в железные рудники, сланцевые залежи и во вновь открытые на македонской границе золотые прииски.

Германское правительство дает экспортерам капитала особые гарантии. С созданным специально для этой цели болгарским обществом «Витаминоза» германский консорциум во главе с И. Г. Фарбен, заключил договор, гарантированный обоими правительствами, по которому Германия поставляет в Болгарию для засева 100 тыс. тонн соевых бобов с обязательством купить у общества весь урожай сои по твердым ценам. Болгария, со своей стороны, предоставляет И. Г. Фарбен добавочные импортные контингенты на сумму 10 млн. лева, при чем за каждые дополнительные поставленные 10 тыс. тонн соевых бобов эти контингенты увеличиваются на 1 млн. лева.

Но здесь, как и всюду, германский фашизм ограничен узкими рамками своего бессилия. Все широковещательные планы Розенбергов и Дайтцов, все прекрасные советы, которые они дают прибалтийским и придунайским народам, не могут изменить того факта, что база германского империализма для экспорта капитала очень узка и что на все эти территории уже издавна претендуют и другие более сильные государственные группировки: на придунайские территории претендует Италия, на Прибалтику Англия. Однако это означает вовсе не ослабление опасности империалистической войны в Центральной Европе и войны против СССР, а значительное ее усиление.

Фашистский государственный социализм

В опубликованной в 1918 г. брошюре «Главные задачи наших дней» Ленин пишет об империалистическом госкапитализме воевавшего германского правительства:

«Здесь,—(в Германии,—Э. Г.), говорит Ленин,—мы имеем «последнее слово» современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, которая подчинена юнкерско-буржуазному империализму».

В чем состоит этот «госкапитализм»?—В «планомерной государственной организации, которая подчиняет миллионы людей строгому соблюдению директив в производстве и распределении продовольствия и предметов широкого потребления».

Германский гитлеровский фашизм, как наследник кровавого кайзеровского империализма 1914—1918 гг., возобновляет то военно-монополистическое хозяйство, которое было организовано статс-секретарем Гельферихом и крупным промышленником Ратенау по указанию главного командования. Военно-хозяйственные мероприятия гитлеровского фашизма только тем отличаются от мероприятий 1917 г., что они вводятся еще до начала военных действий, что они более обширны и основательны, чем могли быть тогдашние вынужденные меры, что они базируются на более высокой крупнокапиталистической технике и организации и что они распространяются не только на произведенный продукт, но также вводят изменения и в самом производстве.

Что касается сельского хозяйства, то «Вестдейтше Бауэрнцейтунг» от 18/III—1934 откровенно писала:

«В настоящее время от крестьянина требуется, чтобы он приспособил свое хозяйство к планам правительства».

Ярко выраженным мероприятием империалистического военно-монопольного хозяйства является закон от 22 марта 1934 г., регулирующий движение промышленного сырья и полуфабрикатов, на основании которого в первую голову были учреждены контролирующие центры для хлопка, шерсти и льняного волокна. За границей сейчас же увидели в этом законе военное мероприятие и дали ему соответствующую оценку. В области германского сельского хозяйства подобный военно-хозяйственный характер имеют созданные в 1933 г. государственные зерновые и кормовые управления, «государственное управление молочных продуктов, масла и жиров», «государственное яичное управление», «государственное шерстяное управление» и созданное 23 марта 1934 г. «государственное управление животноводства и животноводческих продуктов». Если прибавить к этому, что законом о контингентировании сахарного производства еще с 1931 г. установлен учет и контроль и в этой области, то можно констатировать, что все жизненно-значимые отрасли сельскохозяйственного производства (продовольствие, корма, технические культуры) охвачены «хозяйственным руководством», государственным монопольным

капитализмом. Сюда же следует отнести принудительное синдицирование производства удобрений (калия и азота), принудительные синдикаты для мельниц с обязательством накопления «национальных резервов» (закон от 15 сентября 1933 г.), объединение производства молочных консервов и казеина, объединение плодоовощной переработки и рыбной промышленности.

Вполне естественно, что все эти военно-хозяйственные мероприятия прикрываются «социалистической» вывеской.

На имперском крестьянском съезде Дарре заявил по поводу закона о твердых ценах на хлебные злаки[1].

> «Изданием этого закона либералистическая система поражена до основания, и все сельское хозяйство откреплено от капиталистического хозяйства».

В этом случае «вождь имперского крестьянства» не на все сто процентов солгал, как в других случаях, ибо массы мелких крестьян, да и многие середняки, благодаря фашистскому «регулированию рынка» действительно «откреплены от капиталистического хозяйства», по крайней мере от свободного рынка для продажи продуктов своего труда.

Фашистское «плановое хозяйство» означает беспощадное вытеснение мелкого крестьянства с рынка, его ускоренную экспроприацию, потому что своими законами фашизм вынуждает крестьян поставлять молоко и масло, сыр и яйца, овощи, хлеб и картофель, скот и свиней исключительно официальным заготовительным органам или соответственным синдикатам перерабатывающей промышленности и притом поставлять в предписанном количестве и качестве, по установленным низким продажным ценам. А так как соответствующие показатели определяются, конечно, кулаками и капиталистами, то это—тем более в обстановке кризиса—фактически означает спасение прибылей капиталистического сектора за счет мелких производителей. При этом в капиталистическом секторе среди кулаков и помещиков несмотря на контингентирование и регулирование цен идет бешеная конкуренция из-за государственных субвенций и заказов, из-за квот и «твердых цен».

Фашистское государство, как бы это ни показалось с внешнего вида странно, является отнюдь не «вождем хозяйства», а лишь инструментом отдельных мощных капиталистических групп. Даже основной вопрос—о предстоящей войне не в силах объединить капиталистов в «плановом хозяйстве». Они едины лишь в вопросе политического террористического обеспечения их классового господства над пролетариатом, в вопросе усиленной эксплоатации трудящихся крестьян и ремесленников.

Фашистский государственный капитализм является не чем иным, как инструментом финансового капитала для угнетения и эксплоатации трудящихся масс, в особенности мелких производителей.

---

[1] См. „Дер Дейтше" от 28/I—1934 г.

Новые фашистские принудительные синдикаты являются современными органами господства именно этих крупно-капиталистических концернов и трестов над более мелкими производителями в самом синдикате и над массами трудящихся—поставщиков продовольствия и сырья—вне его. Так, Гитлер своим законом о торговле овощами, фруктами, картофелем и пр. целиком подчинил производителей-крестьян диктатуре синдицированной консервной промышленности и крупных коммерсантов. Созданное, на основе имперского закона, «объединение мельниц» означает не только диктатуру 3—4 крупных мельничных концернов над, примерно, 25 000 мелких мельниц,—оно означает также усиление диктатуры над массой производителей-крестьян и над их коппеpативами, для которых синдикат, при поддержке государства, предписывает продажные цены и контингенты заготовок.

В «объединениях по заготовкам молока» крупные коммерсанты, подчиненные банкам и крупным аграриям, кооперативы, а также отдельные крупные аграрии господствуют над массой мелких производителей молока, от которых лишь частично принимается молоко по официальной цене. Большая же часть молока заготовляется по вдвое пониженным ценам как «индустриальное молоко». В то время как мелких крестьян принуждают сдавать овощи, сыр, масло, яйца и пр. официальным заготовительным органам по низким ценам, помещикам предоставлено право самим официально штемпелевать стандартную продукцию и самим поставлять этот «качественный товар» на рынок.

Таким образом, фашистское государство выступает как защитник интересов помещиков и буржуазии. Оно выступает в роли диктатора финансового капитала, которому должен беспрекословно повиноваться мелкий капиталист, а тем паче крестьянин-производитель. Здесь особенно ясно подтверждается тезис XIII Пленума ИККИ, гласящий, что фашизм является господством «самой реакционной части финансового капитала».

Милитаризация крестьянства и с.-х. рабочих

Национал-социалисты заявляют, что их политика преследует в первую очередь цели воспитания в массах «национального и расового» мышления, что они стремятся создать «национал-социалистического человека». Что же скрывается под этой болтовней?—В «Дейтше Аграрполитик» за ноябрь 1933 г. Гитлер писал в статье «Раса и благонравие»:

> «Национал-социализм является сторонником героического учения почитания крови, роста личности, а также вечных законов отбора, и сознательно вступает, таким образом, в непреодолимое противоречие миросозерцанию пацифистски-интернациональной демократии».

Очень часто это «героическое учение почитания крови» определяется фашистскими вожаками, вроде Фрика или Руста, как «вос-

питание характера солдата». В особо сильной степени это воспитание находит свое применение в отношении крестьянства, так как фашизм,—по заявлению Гитлера на открытии «праздника битвы труда» (21/III)—«...убежден в том, что спасение германского народа должно начаться со спасения крестьянского сословия».

Систематически, без устали крестьянам повторяют, что они являются первым сословием в государстве, основой всех остальных сословий и что поэтому они призваны выполнять наиболее возвышенные задачи в народе. Так, «имперский вождь крестьянства» Дарре заявил в «Дейтше Аграрполитик» в июне 1932 г.:

> «Задача крестьянина—сохранить и обеспечить святость крови в чистоте и неприкосновенности работой на пользу своего рода на вверенной ему земле».

Эта постоянная прививка крестьянину особого расового и сословного чванства и высокомерия самым тесным образом связана с империалистическими устремлениями германского фашизма, который хочет напугать мир фанатическими крестьянскими армиями. Все воспитательные мероприятия в деревне, еще больше чем в городе, рассчитаны на шовинистическую и расовую травлю. Германская молодежь принудительным путем зачисляется в ряды «гитлеровской молодежи» и штурмовых отрядов (существуют специальные соглашения между «имперским сельским сословием» и «имперским вождем молодежи»). Создан также целый ряд высших учебных заведений, посвященных отнюдь не профессиональному образованию, а исключительно «национал-социалистическому воспитанию». Тот факт, что педагогические учебные заведения планомерно переводятся в деревню, по возможности в пограничные районы на Востоке, показывает, насколько все дело народного образования подчинено задаче военного воспитания. Так, например, министр просвещения Руст заявил на открытии первого высшего педагогического учебного заведения в Лауэнбурге (Поморье):

> «...выбирая Лауэнбург, мы сознательно отдали предпочтение Востоку».

Согласно Русту педвузы должны стать «опорными пунктами государства» и «в связи с его поселенческой политикой» на переднем плане здесь должно стоять «политическое и военное воспитание».

Цели военно-политического воспитания высказываются, конечно, еще в скрытом виде. Зато в газете «Ландпост» за февраль 1934 г. в статье «Крестьянин как солдат» с полной откровенностью выражена задача превратить крестьянина в пушечное мясо для фашизма.

> «Крестьянин вечен, как и солдат. Крестьяне и солдаты являются издревне сословиями народа. И те и другие созданы богом; их профессия—не досужая выдумка человека. И те и другие управляют землей».

Если психика масс мелкого крестьянства и с.-х. рабочих подготавливается таким путем к империалистической войне, то вся внешняя жизнь крестьянина подчинена определенной суровой дисциплине. Красивые фразы о «единстве деревни» и о ведущей роли кре-

стьянства в государстве существуют лишь для затемнения мозгов трудящихся крестьянских масс. В суровой будничной жизни фашизм разговаривает с крестьянскими массами фельдфебельским тоном и угрозами штрафов.

Дисциплинарная власть «имперского вождя крестьянства» переносится на областных, районных и местных крестьянских «подвождей». Она поддерживается особыми «судами чести» и «сословными судами» и достигает того, что каждый крестьянин, каждый владелец мелкого предприятия, каждый булочник или мясник живут в вечном страхе наказания.

Так же подчинены этой дисциплинарной власти и те 600—700 тыс. крестьян, которые по размерам своего хозяйства (не менее 7,5 га при отсутствии собственного наемного труда как приработка) составляют привиллегированный слой «крестьян с наследственными дворами».

Официальная «Вестдейтше Бауэр Цейтунг» ясно сказала об этом в комментарии к «закону о наследственных дворах» (11/III—1934 г.):

> «Тот, кто не будет выполнять своих долговых обязательств, хотя он и не в состоянии это сделать, будет подвергнут лишению права управления и пользования своим двором, а смотря по обстоятельствам, и самой собственности».

Рейнский областной «вождь крестьянства» Эльц фон Рюбенах на окружном крестьянском съезде в Мюнхен-Гладбахе, в конце сентября 1933 г. вразумлял недовольных мелких и средних крестьян следующим образом.

> «Прошли времена, когда каждый крестьянин вел хозяйство исходя из своих собственных интересов. Кто не исполняет служебных указаний, с теми мы расправимся».

А 13 октября 1933 г. «вождь крестьянского самоуправления» в Баварии Нетшерг (согласно «Байришес Геноссеншафтсблатт») открыто угрожал «вечно недовольным» заключением в концентрационный лагерь.

Он заявил.

> «Кто ничему не хочет научиться и вечно ноет, тому в живописных районах Баварии, например, в Дахау, может быть привита правильная установка по вопросу об интересах блага».

Юнкерская политика и крестьянские поселения как военные мероприятия

Военным целям служит также фашистское «обновление крестьянства»—поселение. «Фелькишер Беобахтер» от 15/VII—1933 г. пишет:

> «Поселение—государственная задача. Укрепление восточного фронта против большевизма и славянского наводнения не есть задача какой-либо части страны или области. Поэтому нужен государственный комиссар с неограниченными полномочиями, строжайшее соблюдение принципа вождя-руководителя!

Железный кулак по отношению к нижестоящим органам, а равно и по отношению к хозяйству и к поселенцам».

В уставе, устанавливающем «выбор поселенцев» («Вестдейтше Бауэрнцейтунг» от 14/III—1934 г.) этот принцип проводится в жизнь. Каждый кандидат подвергается проверке не только с точки зрения профессионального соответствия, но и в отношении политической благонадежности.

Но нельзя разрешить земельный вопрос и утолить жажду земли малоземельных крестьян, не прибегая к безвозмездному отчуждению земель помещиков. Это понимают также фашисты. Чтобы отвести крестьян от помещичьей земли, фашисты указывают на земельные площади Советского Союза. Гитлер в своей книге «Моя борьба» говорит, что внутри германская колонизационная политика одна без новых земель никак не может обеспечить будущее нации (стр. 149).

Поэтому «крестьянская колонизация» в устах фашистского вожака означает подготовку войны против Советского Союза. Лишь эта война, по Гитлеру, является «справедливой войной».

> «И это выступление является единственным, которое перед богом и нашим германским потомством оправдывает кровопролитие» (стр. 739).

Во имя этой «справедливой», «священной» войны фашизм делает все, чтобы укрепить помещичье-кулацкий фронт в деревне и подчинить ему трудящихся крестьян.

Назначая феодальных юнкеров «крестьянскими вождями», фашизм помимо диктаторских и других целей преследует также цель оживления в крестьянстве старо-прусских милитаристических традиций, по которым помещик-юнкер является урожденным офицером, а крестьянин—солдатом.

Число феодально-дворянских помещиков «вождей крестьянства» особенно велико в мнимо «рабочей» партии Гитлера. Напомним хотя бы следующие имена: вице-канцлер фон Папен, Ельц фон Рюбенах (их двое—министр путей сообщения и рейнский руководитель крестьянства), граф фон дер Гольц, барон фон Реден (ганноверский вождь крестьянства), госпожа фон Реден (руководительница женрабстой в государственном земледельческом сословии), Бальдур фон Ширах (государственный вождь молодежи) и т. д. Если национал-социализм называет рабочих «свитой», а эксплоататора — «вождем», то это не только феодально-романтическая фразеология. Это вызвано определенным классовым намерением, чтобы «Вождь производства» в мирное время был командиром на войне.

О том, что германский фашизм стремится удовлетворить свои капиталистические аппетиты, главным образом за счет советских колхозных полей, говорит сделанное Гитлером в мае 1933 г. заявление представителю «Дэйли Экспрес».

> «Он (германский фашизм,—Э. Г.) не требует ни восстановления довоенных границ, ни возврата утраченных колоний... Миллионные излишки населения Германии должны получить

возможность расположиться на широких территориях у ее восточных границ. Им должно быть позволено использовать резервные источники, ныне запущенные, благодаря большевистской бесхозяйственности».

В подготовке войны против «восточных стран», и прежде всего против Советского Союза, германский фашизм ищет выхода из обостряющихся противоречий, и в первую голову из противоречий внутреннего порядка.

Пределы военной подготовки фашизма в области сельского хозяйства

Все перечисленные выше мероприятия фашизма в области сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности преследуют, конечно, не только военные цели. Старые цели капиталистической аграрной политики периода «либерализма», а именно поддержка крупных капиталистических хозяйств за счет пролетариев и трудящихся крестьян, усиленная эксплоатация с.-х. пролетариата и мелких арендаторов, обеспечение земельной ренты и прочих паразитических доходов за землевладельцами и банками—все это целиком и полностью является и целью аграрной политики фашизма. Однако военно-политическая установка значительно увеличилась в своем весе. Революционный пролетариат должен сосредоточить центр внимания именно на этой стороне дела в мероприятиях фашистов.

Но не следует переоценивать противника. Именно в области аграрной политики ясно вырисовываются и пределы фашистской власти и ее возможности хозяйственного маневрирования. Фашизм неспособен разрешить хотя бы одно из противоречий, над которыми он бьется, точно так же, как его «правила национального труда» не в силах разрешить основное противоречие между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией; его «имперское сельское сословие», его «регулирование рынка», его «закон о наследственных дворах», словом, его рассчитанный на крестьянские массы империалистический социализм не в состоянии «отменить» открытые Марксом и Лениным законы капиталистического развития в деревне—расслоение и пролетаризация крестьянства, вытеснение мелкого крестьянина с рынка, растущее противоречие между городом и деревней, «безнадежное отставание сельского хозяйства от промышленности» (Ленин).

Фашизм не в силах преодолеть кризиса капиталистической системы. Наоборот, именно его государственно-монополистическая хозяйственная политика обостряет и ускоряет внутренние и внешние противоречия и ухудшает до крайних пределов тяжелое положение масс.

Для подтверждения этого приведем два примера из хозяйственной политики германского фашизма.

Первый—вопрос о «свободе пропитания». Вся фашистская печать была полна ликования по поводу достигнутой «уже 88—90-процентной свободы пропитания» Германии. Но затем она должна была признать, что эта «свобода пропитания» иллюзорна, так как большая часть производимых в Германии мяса, молока, яиц и т. д. получена лишь благодаря импортированному сырью, ввоз которого обошелся еще в 1933 г. в $1\frac{1}{2}$ млрд. марок. В случае же военного конфликта вопрос станет еще гораздо острее, ибо тогда, как показал опыт минувшей империалистической войны, продукция сельского хозяйства Германии быстро и катастрофически сократится вследствие недостатка рабочей силы, удобрений, машин, рабочего скота. Сокращение в 1914—1918 гг. было настолько сильным, что некоторые отрасли сельского хозяйства лишь в 1929 г. вновь поднялись до уровня 1913 г.

В случае войны, стало быть, германский фашизм не сможет даже скудно прокормить народные массы. Перед лицом этой перспективы он еще лихорадочней готовится к войне, выдвигая лозунг расширения своих продовольственных ресурсов. Но своей политикой «хозяйства больших территорий» гитлеровский империализм вновь наталкивается на неразрешимые противоречия и непреодолимые препятствия.

Второй пример, — фашистское монополистическое военное хозяйство. Но разве оно в состоянии преодолеть анархию капиталистического производства или хотя бы ослабить кризис капиталистической системы? Разве это хозяйство способствует улучшению положения трудящихся масс, изжитию безработицы?—Конечно, нет. Душевое потребление мяса населением Германии, по официальным данным статистического управления, все еще на 7 кг на едока в год ниже, чем в 1913 г., потребление свежего молока сократилось сравнительно с 1931 г. на 10% в 1932 г. и еще на 9—10% в 1933 т. Общий доход рабочего класса Германии едва достигает половины дохода 1928/29г.

Фашистское монопольное хозяйство, как и «право наследственного двора», означает ускоренную пролетаризацию и пауперизацию трудящихся крестьян. Фашизм и в деревне не ослабляет, а усиливает классовую борьбу. А это означает, что главная внутриполитическая предпосылка для победоносной внешней войны — преодоление классовых противоречий, ликвидация классовой борьбы в собственной стране — не может быть достигнута фашизмом. Наоборот, фашизм обостряет классовые противоречия и классовую борьбу, которая в случае войны парализует армию.

Известные события в германской деревне, имевшие место за последние месяцы, свидетельствуют о том, что фактически не только в городах и промышленных центрах, но и в самых захолустных аграрных районах назревает революционный подъем.

Сюда относится прежде всего стихийно нарастающее бегство из деревни деревенской бедноты и сельского пролетариата, которое уже вынудило фашизм издать чрезвычайные законы против

с.-х. пролетариата («закон о регулировании рабочей силы» от 15/V 1934 г.). Но эти законы лишь увеличили возмущение деревенского пролетариата и повысили «опасность взрыва» в деревне. Настроение среди ост-эльбского с.-х. пролетариата таково, что фашистские лидеры, вроде руководителя имперского общества сельского хозяйства Гутмиделя, в официальном информационном бюллетене «германского трудового фронта» умоляло правительство как можно «осторожнее применять закон о бегстве из деревни», («Франкфуртер Цейтунг» от 25/V—1934 г.), за что получили публичный нагоняй от руководителей «имперского сельского сословия». В крестьянских районах западной и южной Германии пассивное сопротивление крестьянских масс против многочисленных чрезвычайных постановлений растет с такой силой, что окружной «вождь» крестьянства Кренер, громя в своем органе «мятежников» (см. «Берлинер Тагеблатт» от 1/VI—1934 г) говорит о существовании центра, от которого «мятежники» якобы получают единые директивы.

В южной Баварии вновь происходят столкновения между крестьянами и штурмовиками (Трейнштейн). Окружные крестьянские «вожди» в Рейнской области жалуются на то, что указания, относящиеся к сдаче овощей, не выполняются. Все это—признаки вспыхивающей классовой борьбы в деревне. Все это факты, которые подтачивают военные приготовления германского фашизма еще до проведения их в жизнь.

Эти факты показывают героически борющейся КПГ, от каких конкретных моментов революционный пролетариат Германии должен исходить в борьбе за крестьянство—как союзника в революции, в борьбе против империалистической войны. Он должен исходить от разочарования и возмущения разорившихся мелких крестьян и горожан, от стихийного сопротивления всех угнетенных фашизмом против этой системы неслыханного рабства и насилия. В деревне под ударами фашизма стонут в первую очередь с.-х. рабочие, прикрепленные к кулакам, помещикам законом о «бегстве из деревни» и массы мелких крестьян-арендаторов, производителей молока, овощей, свиней.

Совершенно правильно КПГ в своей новой «программе социального и национального освобождения» призывает не платить ни гроша податей, налогов и процентов, массами демонстрировать перед ратушами и финансовыми управлениями, массами препятствовать описи имущества, организовывать революционные крестьянские комитеты, добывать себе захватным путем в крупных помещичьих усадьбах удобрения, корма и семена, выгонять скот на пастбища аграриев и таким образом приблизить разрешение земельного вопроса—основного вопроса деревни.

Революционное изгнание помещиков и юнкеров с земли, захват земли с.-х. рабочими и крестьянами-бедняками—это спасение трудящихся деревни не только от варварства и голода фашистской диктатуры, но в такой же мере и от ужасного падения в кровавую бездну и хаос новой империалистической мировой войны.

Последние июльские события в Германии—расправа с штурмовиками—говорят о том, что германский фашизм, а вместе с ним и германская финансовая олигархия, поставили на карту внутренней политики свой последний козырь—рейхсвер.

Германский фашизм уничтожает свою собственную массовую базу, с помощью которой пришел к власти, уничтожает штурмовые отряды за проявление недовольства и возмущения политикой фашизма. Это однако является симптомом не силы, а слабости германского фашизма. Экономическое положение и продовольственный вопрос ухудшаются. Все показатели экономического и социального развития указывают на приближение взрыва. Революция или война!—таковым представляется германской буржуазии настоящее положение вещей.

Война должна, таким образом, по мнению фашистов, заглушить надвигающуюся революцию. Гитлер и Геринг работают в этом направлении. Национал-социалистический путч в Австрии является одним из мероприятий Германии в области внешней политики по приближению войны. Задача компартий и всех революционных организаций—предотвратить новую империалистическую бойню и контрреволюционную войну против Советского Союза, а в случае возникновения их—превратить их в гражданскую войну, в победу мировой пролетарской революции.

М. ЗЕЙСКИЙ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ МИРА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Двадцать лет тому назад разразилась мировая империалистическая война, длившаяся около четырех лет, унесшая в могилу десятки миллионов наиболее здоровых и трудоспособных людей, стоившая неисчислимых материальных жертв и страданий трудящимся массам.

Теперь международный пролетариат и трудящиеся массы снова стоят перед опасностью новой империалистической войны. Чрезвычайно обострившиеся внутренние и внешние империалистические противоречия грозят вылиться в небывалую еще до сего времени империалистическую войну, при чем со стороны ряда империалистических держав идет усиленная подготовка контрреволюционной войны против Советского Союза.

Но пролетариат и трудящиеся крестьяне еще помнят ужасы и бедствия, причиненные первой империалистической войной. Они знают также об огромных победах пролетариата Советского Союза, которых он добился в связи с превращением прошлой империалистической войны в войну гражданскую.

Победившая в Октябре 1917 г. пролетарская революция в России разоблачила империалистический, разбойничий характер мировой войны, на опыте показала всему миру революционный выход из войны, разорения, нищеты и голода многомиллионных масс. Поэтому теперь стало труднее идеологически подготовить к войне трудящиеся массы капиталистических стран. Во всяком случае старый арсенал средств, с помощью которых обманывались массы, ныне стал недостаточным. Не удивительно поэтому, что самые агрессивные группы империалистов старательно прикрывают теперь свои агрессивные планы разговорами, которые могут быть истолкованы, как желание мира, или во всяком случае нежелание нападать первыми. Прикрывая до поры, до времени военную подготовку фразами о мире, империалисты рассчитывают в подходящий момент повернуть дело так, чтобы у широких масс появилась иллюзия необходимости «обороняться», «защищать отечество», «спасать нацию» от надвигающейся опасности и т. п. Не приходится удивляться, что даже такие заведомые милитаристы, как бывший военный министр Японии, ген. Садао Араки, не краснея, заявляет:

«Сохранение мира на Востоке — это традиционный государственный принцип императорской Японии. Она это неоднократно доказала, рискуя собственной судьбой. Япония вела Японо-китайскую, Японо-русскую и Японо-германскую войны только для того, чтобы прежде всего сохранить мир на Дальнем Востоке... На этом основании базировалась и аннексия Кореи»[1].

Нет надобности опровергать «правдивость» этих «миролюбивых стремлений» господина Араки, ибо всему миру известен грабительский японский империализм, который как в Японо-китайской, так и в Японо-русской и Японо-германской войнах руководился чисто грабительскими, захватническими тенденциями. О его чисто захватнических стремлениях достаточно ярко говорит самый факт участия Японии в войне против Германии, которая отнюдь не в состоянии была напасть на Японию, также и факт аннексии Кореи, произведенной несмотря на то, что после Японо-русской войны 1904—05 г. опасность захвата Кореи царской Россией была устранена, а сама Корея отнюдь не представляла опасности для необычайно усилившейся в военном отношении Японии.

Но для чего потребовалось Араки и К° создавать легенду о мирной исторической миссии японского империализма? Почему он объявляет, что «совершенно поверхностным является представление о Японии, как о милитаристическом и империалистическом государстве? Конечно, по тем же соображениям, по которым империалисты всех стран прибегают к обману и беззастенчивой демагогии для подготовки масс к войне. По словам Араки выходит, что Япония не была и не будет «империалистическим и милитаристическим государством», наоборот, она является активным борцом за мир. Она, так сказать, не воевала, а лишь вышибала клин клином. «Япония берется за оружие только в борьбе за мир», — так философски поучает Араки.— «Настоящее положение на Дальнем Востоке и положение во всем мире диктуют Японии необходимость выступления», — заявляет он в другом месте.

Логика прямо-таки поразительная!

В то время как СССР использует все возможности для того, чтобы добиться полного, или хотя бы частичного сокращения вооружений, чтобы затруднить выступление агрессора, усилить гарантии безопасности всех народов, — одним словом, затруднить всеми способами возникновение войны, Араки декларирует необходимость скорейшего военного выступления и фактически разговорами о мире прикрывает агрессивные стремления японского империализма. Не поэтому ли предложение Советского правительства о заключении пакта о ненападении, сделанное японскому правительству еще в декабре 1931 г., не нашло должного отклика?

---

[1] Садао Араки.—«Задачи Японии в эпохе Сиова». Цитировано по книге О. Танин, «Военно-фашистское движение в Японии», стр. 260.

Этот факт в сочетании с недвусмысленными заявлениями видных японских политических деятелей и с действиями японской армии в Манчжурии, невольно приковывает к Японии взоры всех, кому дорог мир и кто действительно борется за предотвращение войны. Заявления о якобы мирных намерениях Японии, которые делают время от времени официальные представители японского правительства, никого не могут обмануть, ибо высшим принципом военного искусства в Японии считалось и считается правило: «усыпляй бдительность предполагаемого противника и нападай неожиданно». История многочисленных военных выступлений Японии в отдаленном и недавнем прошлом показывает, что именно это правило все время применялось милитаристической японской кликой.

Возьмем хотя бы войну с Китаем 1894—95 года, начатую Японией с целью захвата Кореи. Находясь в натянутых дипломатических отношениях с Китаем, Япония без формального объявления войны приступает к военным действиям. В июле 1894 г. японский флот пускает ко дну китайский транспорт у берегов Кореи. Затем совершается высадка южнее Чемульпо бригады японской пехоты с артиллерией и кавалерией и наносятся первые поражения китайским войскам. Только после переброски на корейский полуостров достаточных сил и нанесенных поражений китайским войскам 1-го августа 1894 г. последовало формальное объявление войны.

Официально война велась якобы ради «независимости» Кореи, находившейся под формальным протекторатом Китая, но в действительности японцы преследовали империалистические цели как в отношении Кореи, так и в отношении Китая.

В середине сентября 1894 г. близ устья р. Ялу японский флот наносит поражение китайскому флоту и, не ограничиваясь этим, стремится уничтожить его, чего впоследствии и удалось достигнуть при взятии Вейхайвея.

В октябре того же года 1-я армия под командой Ямагата силой около двух дивизий форсирует у Тюренчена реку Ялу. С этого момента военные действия грозят перекинуться из Кореи в глубь китайской территории. Высаженная близ Быдзыво (Ляодунский полуостров) 2-я японская армия под командой Ояма направляется через перешеек Дзиньчжоу к Порт-Артуру. 8-го ноября открываются действия сухопутных войск для захвата укреплений, сопровождаемые демонстрацией флота. Уже на другой день утром укрепления оказываются в руках японцев, и таким образом японцы завладевают искони китайским Ляодунским полуостровом. Однако дело этим не ограничивается. Армия Ояма в январе 1895 г. перебрасывается морем на восточный берег Шандуньского полуострова, высаживается в 3-х переходах от Вейхайвея и, осадив его, овладевает почти без сопротивления сухопутными укреплениями, а затем, после нескольких дней бесполезного пассивного сопротивления, капитулирует и запертый в гавани, ранее разбитый китайский флот.

Война, которая началась якобы из-за Кореи, преследовала, как показал дальнейший ход событий, агрессивные цели и в от-

ношении самого Китая. Об этом красноречиво говорят японские военные действия и мирные переговоры с Китаем.

Симоносэкский договор показал всему миру, чего добивался военно-феодальный японский империализм. Япония предъявила требование уступить ей занятый японской армией Ляодуньский полуостров, уступить Формозу и Пескадорские острова, открыть ряд китайских портов для торговли, установить право навигации по реке Ян-Цзы, т. е. во внутренних китайских водах, уплатить контрибуцию в 200 млн. таэлей и т. п. Под давлением других держав, стремившихся получить свою долю в грабеже Китая, часть этих требований была снята. Тем не менее Япония получила Формозу, Пескадорские острова, контрибуцию, увеличенную против первоначальной суммы на несколько десятков миллионов таэлей и преобладающее влияние в корейских делах.

Через десять лет после японо-китайской войны Япония, при поддержке своего союзника — Англии, оказывается в центре еще более крупных военных событий на Дальнем Востоке.

Русско-японская война 1904—05 гг., явившаяся результатом скрещения агрессивной политики бывшей царской России и молодой капиталистической Японии, за спинами которых, с одной стороны, стоял французский, а с другой,— английский империализм, и особенно результаты этой войны показали всему миру, что в лице Японии на Дальнем Востоке с необычайной быстротой вырастает новая хищническая империалистическая держава.

В результате войны 1904—05 гг. империалистическая Япония приобрела первостепеннейшее влияние в делах азиатского континента и с этого времени неизменно стоит в центре всех наиболее острых политических и военных событий на Дальнем Востоке. Не будет преувеличением сказать, что со времени русско-японской войны империалистическая Япония стала важнейшим фактором обострения империалистических противоречий нарушения мира на Дальнем Востоке.

Некоторые качества, проявленные японскими милитаристами еще во время японо-китайской и русско-японской войны, в дальнейшем получили свой полный расцвет.

Как мы уже указали, японо-китайская война 1894—95 гг. началась активными действиями японского флота и японской армии без формального объявления войны. Русско-японская война началась таким же образом. 10 февраля (в ночь с 26 на 27 января по старому стилю) 1904 г. японские миноносцы атакуют на Порт-Артурском рейде русскую эскадру и благодаря тому, что русское командование было занято попойкой на именинах супруги адмирала Старка, выводят из строя сильнейшие единицы русской эскадры — броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада».

Тактика неожиданного нападения неизменно применялась во всех последующих военных выступлениях японского империализма. Этот прием вполне соответствует основным принципам японской дипломатии и японской военщины. С легкой руки японцев, откры-

тие военных действий без объявления войны и нападение часто без достаточно видимого повода превратилось ныне у империалистических государств в своеобразную «норму» международного права. Японская военщина здесь справедливо может претендовать на авторское право.

По портсмутскому договору с царской Россией Япония в числе прочих уступок получила признание права «свободных рук в Корее», как любят выражаться японские империалисты. Это право «свободных рук» они не преминули использовать для того, чтобы совершенно прибрать Корею к своим рукам.

В 1910 г. аннексия Кореи произведена была путем верхушечной комбинации корейской придворной кликой, вопреки воле корейского народа. С тех пор Корея превращена японскими колонизаторами в плацдарм для непрекращающейся агрессии на материке и в первую очередь в Китае. Более того, ускользнувшие из-под благодетельной заботы японских империалистов корейцы, эмигрировавшие в Манчжурию и Приморскую область ДВК, служат предлогом для дальнейшей японской экспансии.

Прикрываясь «добрыми» намерениями помочь корейцам, которым вне Кореи живется якобы хуже, чем в Корее, японские империалисты неоднократно вмешивались во внутренние дела Китая, а теперь не прочь вмешаться под этим же предлогом во внутренние дела СССР, чтобы помешать успешному строительству культурной, зажиточной колхозной жизни в национальных районах ДВК, поскольку успехи в этой области вызывают колоссальный рост революционных настроений среди колониальных и полуколониальных народов, в том числе корейского народа.

У цитированного выше Араки мы находим по этому поводу весьма ценные откровения.

Наговорившись вдоволь о принципах императорской нравственности, о мирных основаниях аннексии Кореи, объявив, что «благодаря целому ряду установлений, благосостояние Кореи с каждым днем и месяцем улучшается», он проливает крокодиловы слезы за участь корейцев, живущих в Манчжурии и восточной части Сибири, и в заключение недвусмысленно заявляет: «Наши традиции и национальные чувства не позволяют нам молча и сложа руки наблюдать их ужасное положение».

Деланное негодование новоявленного «апостола мира» (термин, который сам Араки применяет в отношении японцев), опровергается фактами и свидетельскими показаниями, опубликованными даже в буржуазной японской прессе. Некий господин Уэнода в «Транс Пасифик» от 26/IV—с. г., делясь своими впечатлениями от путешествия по Корее, пишет:

> «Много уже говорилось относительно положения земледельческих селений и страданиях крестьян в Японии вследствие кризиса и несправедливости, но страдания крестьян Кореи значительно тяжелее и неотложные вопросы управления

Кореи более серьезны и вопиющи, чем обычно знают собственно в самой Японии».

Дальше об эксплоатации и тяжелом положении корейского народа он пишет:

«Урожаи крестьянина понижены, но из них он должен отдавать половину в качестве ренты натурой... Он должен платить проценты по долгам из своего же урожая. Остаток зерна после установленных ежегодных платежей слишком мал для прокормления семьи... Крестьяне собирают корень, сдирают кору с деревьев для питания».

Совершенно излишне дальше доказывать тот неоспоримый факт, что японский империализм за почти четверть века своего хозяйничания в Корее превратил эту страну не в оазис мирного труда и благосостояния, как об этом вещали и вещают трубадуры японского империализма, а в страну горя, нищеты, голода, страданий и слез.

Это имеет первостепенное значение для оценки всей политики японского империализма за последние 25 лет. Результаты империалистической деятельности Японии в Корее дают наглядное представление о «мирной миссии» Японии на всем Дальнем Востоке и в частности в Китае.

Японское хозяйничание в Корее Владимир Ильич не мог иначе охарактеризовать, «как чисто азиатскую систему пыток» и «неслыханным зверством»[1].

Только что успели японские капиталисты и титулованная знать поделить захваченные в Корее недра земли, леса и другие богатства и наладить аппарат колониальной эксплоатации,—разразилась мировая война.

Японский империализм вступил в мировую войну с некоторыми колебаниями при выборе союзников. Требовалось взвесить, на чьей стороне выгоднее выступать. С одной стороны, можно было направить острие своей экспансии на Северную Манчжурию и Сибирь, т. е. пойти на конфликт с царской Россией, с другой,—в Северный Китай, который больше всех контролировался Германией, обосновавшейся в Шаньдуне.

Шаньдунский полуостров прикрывает доступ в Чжилийский залив с юга и востока. Обладание этой частью Китая в сочетании с Ляодуньским полуостровом позволило бы японцам контролировать подступы к Тяньцзину и всему побережью Северного Китая и оказывать сильнейшее влияние на тогдашний политический центр Китая—Пекин. Заманчивым для Японии являлся также захват принадлежавших Германии Маршальских, Каролинских и Марианских островов в Тихом океане, обладание которыми подводило бы прочную базу под морское господство японского империализма на Тихом

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 502. изд. 3, Там же он, между прочим, указал, что «Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею». Эти слова еще и еще раз оправдались не только в отношении Кореи, но и в отношении Манчжурии, Монголии и т. д.

океане. Эти соображения и предопределили участие Японии в войне на стороне Антанты.

15-го августа 1914 г. Япония предъявила Германии ультиматум касательно облюбованных ею германских владений, а 27 августа японские экспедиционные войска осадили Циндао в Шаньдуне. Таким образом по инициативе Японии в Восточной Азии начались военные действия, которые, по всей вероятности, не имели бы места до окончания мировой войны, так как изолированные германские гарнизоны в Китае скорее всего оставались бы в пассивном выжидании исхода войны на европейских фронтах. Во всяком случае Китай имел бы больше шансов на возвращение искони принадлежавших ему и захваченных Германией территорий.

Захват Циндао японцами 7 ноября того же года явился началом захвата всего Шаньдуня и активного внедрения японского империализма в Китай. Воспользовавшись занятостью других империалистических держав мировой войной, Япония предъявила Китаю 18 января 1915 г. знаменитое 21 требование, смысл которых сводился к установлению протектората над Китаем. Не получив ответа на свои требования, Япония 7 мая предъявила Китаю категорический ультиматум. На следующий же день был получен ответ с формальным согласием на японские условия.

Китай в то время уже был недалек от того, чтобы разделять участь Кореи.

Нет нужды здесь останавливаться на целой серии других агрессивных действий Японии на Дальнем Востоке в период мировой войны. Старания японского империализма в основном направлялись на усиление империалистического грабежа и своего военного могущества. С целью лишить Китай остатков самостоятельности, японская дипломатия ведет бесконечные интриги в Китае, не брезгуя никакими средствами вплоть до подкупа. Так называемые займы Нисихара в сумме десятков миллионов иен, имевшие место в этот период, шли главным образом на эти и подобные политические мероприятия.

Предвидя близкое окончание мировой войны (в связи с революционным выходом из войны России и т. п.), Япония старается захватить политический и военный контроль над Китаем с тем, чтобы использовать огромные материальные и человеческие ресурсы Китая для собственного усиления. Именно эту цель преследовал невыгодный для Китая военный «союз» с Японией, заключенный в мае 1918 г. Этим «союзом» японская делегация на мировой конференции в Париже не без успеха пыталась заткнуть рот китайским делегатам, требовавшим возвращения бывших германских концессий и предоставления Китаю некоторых других элементарных прав суверенного государства.

Но японский империализм направляет свои агрессивные действия не только на Китай. В начале 1918 г. империалистическая Япония ведет интенсивную подготовку контрреволюционного вторжения в Сибирь якобы для «восстановления порядка», а на самом

деле для осуществления давно взлелеянных планов захвата русского Дальне-Восточного Края. И в августе Япония действительно предпринимает обширную сибирскую контрреволюционную интервенцию. Эта интервенция сыграла огромную роль в перемене расстановки сил на Дальнем Востоке.

Связавшись с новым рискованным для нее предприятием, Япония невольно ослабила свой нажим на Китай. Поражение японской армии в Сибири имело и то положительное значение, что на определенный период ослабило японскую агрессию в Восточной Азии. И если Китай не лишился тогда окончательно своей самостоятельности, то этим он больше всего обязан победоносной Октябрьской революции.

В августе этого года исполнилась 16-ая годовщина со времени начала сибирской интервенции. Поэтому не лишне будет напомнить здесь ее историю, хотя бы в самых общих чертах.

Японская интервенция началась в тот момент, когда трудящиеся нашего Дальне-Восточного Края, воодушевленные революцией в центре России, ликвидировали белогвардейские банды и приступили к мирному созидательному труду. Вмешательство интервентов вновь возродило активность контрреволюции. Интервенция, сомкнувшаяся с российской контрреволюцией, создала целую полосу активной вооруженной борьбы на русском Дальнем Востоке.

Использовав в качестве повода для оккупации ими же созданную легенду о якобы готовящемся выступлении большевиков совместно с бывшими австро-германскими военно-пленными против союзников и спекулируя на контрреволюционном выступлении чехословаков, которым большевики якобы не дают вернуться через Сибирь на родину, японские империалисты совместно с другими создают в начале августа 1918 г. экспедиционный корпус с генералом Отани во главе. 11-го августа во Владивостоке высаживается 12-ая японская дивизия. Одновременно по КВЖД перебрасываются 3-я японская дивизия и другие части в Забайкалье, которые захватывают город Читу, и постепенно в руках японцев оказываются наиболее развитые в экономическом отношении районы нашего Дальне-восточного края, включая Уссурийскую и Забайкальскую ж. д. вплоть до Байкала, долины рек Амура, Зеи, Уссури с такими важными населенными пунктами, как Никольск-Уссурийск, Хабаровск, Благовещенск, Свободный, Бочкарево и др. Только упорной двухлетней борьбой трудящиеся края, организовавшиеся в партизанские отряды, освободились от интервентов.

На стороне японцев действовала регулярная армия примерно в 100 тыс. штыков плюс белогвардейские части всевозможных атаманов и генералов, начиная от Калмыкова и Семенова и кончая Унгерном и Дитерихсом. Тем не менее, героические рабочие и крестьяне Дальнего Востока—русские, корейцы и китайцы объединенными усилиями, ценой значительных материальных жертв и человеческих жизней добились восстановления мира и порядка. Потери японских войск достигали от 10—15% личного состава. Были слу-

чаи, когда целые отряды силой до батальона и выше полностью становились жертвой преступной империалистической политики японской буржуазии. Так, например, 26 февраля 1919 г. японский отряд во главе с майором Танака был атакован партизанами около станции Юхта, неподалеку от г. Свободного и полностью уничтожен. По официальным японским данным, в этом бою погибло 240 японских солдат и офицеров, в том числе сам майор Танака, капитан Нисикава и др. Подобных примеров можно насчитать большое количество.

Героическими усилиями рабочие и крестьяне нашего Дальне-Восточного Края при поддержке трудящихся Советской России, очистили один район за другим от японской армии. Мир на Дальнем Востоке был восстановлен не при помощи японского империализма, а вопреки ему, в борьбе с ним.

Когда в 1921/22 г. в Вашингтоне собрались империалистические державы для урегулирования Дальне-Восточных и прочих вопросов, туда в качестве гостей не случайно были приглашены также делегаты от трудящихся русского Дальнего Востока, образовавших к тому времени Дальне-Восточную Народную Республику. Представители ДВР были приглашены туда в качестве свидетелей поражения японского империализма. Несмотря на то, что они не участвовали в работах конференции, их молчаливое свидетельство сыграло немаловажную роль в смысле временного обуздания империалистической японской агрессии.

Легенда о том, что якобы империалистические державы во главе с США заставили Японию прекратить интервенцию в Сибири, ни на чем не основана. Наоборот, бессилие, которое обнаружил японский империализм во время сибирской интервенции, позволило США и другим державам связать Вашингтонским соглашением дальнейшую активность Японии на Дальнем Востоке и, в частности в Китае.

Также ни на чем не основана вторая легенда, будто Вашингтонская конференция явилась разоружительной конференцией и ослабила империалистический гнет в Китае. Установление в Вашингтоне квоты морских вооружений для Англии, Америки и Японии 5 : 5 : 3— ничего общего с разоружением не имеет. Что касается империалистического гнета в Китае, то он вовсе не был ослаблен. Только хищнические аппетиты Японии были несколько ограничены другими империалистическими хищниками в свою пользу. На Вашингтонской конференции английскому, американскому и японскому капиталу удалось, по выражению тов. Сталина, «временно сговориться насчет установления сферы влияния в Китае, в этом обширнейшем рынке международного капитала, насчет способов его ограбления». На той же конференции договором девяти держав империалисты обязались не нарушать территориальную целость Китая, но едва ли было сомнение в том, что достигнутый сговор является временным и при удобном случае все пойдет на-смарку.

Первым, кто стал подрывать этот сговор и в конце концов окончательно сорвал его,—была опять-таки империалистическая Япо-

ния. Несмотря на состоявшееся соглашение в Вашингтоне, она долго тормозила эвакуацию своих войск из Манчжурии, Шаньдуня и долины Ян-Цзы, где были порасставлены японские гарнизоны в расчете на превращение Китая в монопольную японскую колонию. Только в 1923 г. начался вывод японских войск из Китая, но то, что не удалось достигнуть японскому империализму штыками своих войск, он еще долго пытался осуществить штыками войск продажных генералов.

Нескончаемые генеральские войны в Китае почти всегда являлись делом рук иностранных империалистов, среди которых пальма первенства по праву принадлежит японскому империализму. Одно время он активно поддерживал аньфуистскую группировку, затем перешел к активной поддержке так называемой группировки северных дудзюнов во главе с Чжан Цзо-лином и т. д. Время от времени происходили срывы этой политики сталкивания лбами китайских генералов, и японский империализм пытался вновь действовать открыто своими собственными силами. Это случалось, когда японским ставленникам угрожала опасность.

В 1927 г. японский империализм снова пытается осуществить свою давнюю мечту — оккупировать Шаньдунь и, замкнув Шаньдунь-Ляодунские ворота в Чжилийский залив, господствовать над северным, а затем и над всем Китаем, чего он добился во время мировой войны, но от чего вынужден был отказаться под давлением других империалистических хищников.

В том же году появляется на свет знаменитый меморандум японского премьера Танаки, сводившийся к необходимости новой вооруженной интервенции в Китай и к захвату Манчжурии. Однако, практическое осуществление политики захвата Манчжурии натолкнулось на непредвиденные внешние и внутренние трудности и было на некоторое время отложено. Но зато с тем большей последовательностью японский империализм приступил к ее проведению в благоприятный для него момент — осенью 1931 г.

Обстоятельства, сопровождавшие «Манчжурский инцидент» (такое нарицательное название получило военное выступление Японии 18 сентября 1931 г.), и все последующие события настолько свежи еще в памяти читателей, что подробно останавливаться на них нет надобности.

Еще весной 1931 г. японские милитаристы начали создавать предлоги для конфликтов. Они вмешивались в действия китайской администрации в Манчжурии, домогались права экстерриториальности для проживающих там корейцев, стремясь под видом этого «благодеяния» разжечь национальную вражду между корейцами и китайцами и вызвать столкновения вроде имевших место между евреями и арабами в Палестине.

Это отчасти удалось, и в первой половине того же года имело место столкновение корейцев и китайцев в Ванбаосяне, неподалеку от Чанчуня. Японская пресса постаралась раздуть этот в сущности незначительный инцидент, и в результате японские агенты, опи-

раясь на содержателей публичных домов, на помещичьих сынков и разный сброд, организовали летом того же года китайские погромы в Корее, во время которых насчитывались сотни жертв.

Вслед за этим японское правительство поставило перед Нанкинским правительством вопрос о предоставлении японцам разных дополнительных льгот в Манчжурии, никакими договорами не предусмотренных. Японская консульская полиция стала распоряжаться в Манчжурии, как у себя дома, а японские авантюристы стали захватывать в собственность явочным порядком земельные участки, нарушать торговое законодательство, уклоняться от каких бы то ни было налогов и т. д.

Японские патриотические организации «Кокусуйкай» и др. стали провоцировать столкновения японских «резидентов» с китайским населением (Циндао), а японская дипломатия в официальном порядке потребовала предоставления японскому капиталу в Манчжурии новых льгот и прекращения железнодорожного и портового строительства, в котором не заинтересован японский капитал (требование прекратить строительство порта Хулудао, ибо он угрожает Дайрену, и строительство всех ж.-д. линий параллельных ЮМЖД).

Вся сумма японских требований сводилась к превращению Манчжурии в монопольную колонию японского империализма. Китайское правительство не могло их удовлетворить, не вызвав бури возмущения китайского народа, и поэтому колебалось. Тогда японцы перешли от угроз и требований к действию.

Военное выступление японской армии 18 сентября 1931 г., как и многие раньше, было проведено чисто в японском стиле — путем прямого действия без излишних формальностей объявления войны и т. п. Завершив первую часть своего плана—захват Манчжурии, японский империализм на этом не успокаивается. Его вожделения идут гораздо дальше. Он пытается утвердить свою гегемонию в Азии.

О том, что с Манчжурией связывают отнюдь не мирные цели японского империализма, говорят многие факты. Так, адмирал Годо, один из директоров ЮМЖД, и председатель строящихся в Манчжурии сталелитейных заводов в Сиова в своей статье в «Джапан Таймс» от 16/III—1933 г. по этому поводу заявил:

> «Манчжурия является передней дверью континентальной политики Японии, и по соображениям военным и национальным нам необходимо предохранять эту территорию».

Не трудно догадаться, какую «континентальную политику» имеет в виду адмирал Годо. Политика эта достаточно ясно сформулирована в 21-ом требовании Китаю и в меморандуме Танака и разоблачена всеми прошлыми и настоящими действиями японского империализма. Нынешние действия японского империализма на Дальнем Востоке являются началом, подготовкой большой империалистической войны, войны с США за грабеж и раздел Китая, за Тихий океан, но главным образом они являются подготовкой контрреволюционной войны против Советского Союза. Недаром же Манчжурия срав-

нивается с «передней дверью». Очевидно, вошедшие в эту дверь не собираются почить на лаврах в прихожей.

Япония усиленно готовится к большой войне и не особенно старается это скрывать. Сейчас мы являемся свидетелями того, как японский империализм прилагает все усилия, чтобы в кратчайший срок создать возможность бесперебойного снабжения Японии из Манчжуро-Монголии всем необходимым во время войны. В то же время здесь спешно оборудуется плацдарм для действий против Советского Дальнего Востока и Китая (строительство аэродромов, железных и грунтовых дорог и т. п.), а затем для борьбы с национально-освободительным движением в Манчжурии, которое сейчас приносит не мало хлопот японскому империализму, а во время войны может поставить под угрозу тыл японской армии.

В расчете на близкую войну все народное хозяйство самой Японии военизируется. Усиленно пропагандируются автаркические идеи. Наблюдающееся сейчас в стране оживление совершенно правильно охарактеризовал тов. Сталин, как военно-инфляционное. С осени прошлого года проводится усиленное накопление мобилизационных запасов в промышленности и сельском хозяйстве. По всей стране созданы большие и малые рисовые зернохранилища, в которых складировано около 15 млн. коку (около 150 млн. пудов) риса, на что затрачено свыше 350 млн. иен.

Японские империалисты стараются изобразить предстоящую большую войну, как «необходимость», которая якобы вытекает из земельной тесноты и абсолютного малоземелья японского крестьянства. Они обещают наделить крестьянство землей в Манчжурии, наладить колонизацию и т. п. Все это делается с единственной целью обмануть крестьянство, отвлечь его от борьбы за помещичью землю. Умалчивая о том, что все бедствия крестьянина проистекают от феодально-помещичьей и капиталистической эксплоатации, господствующие классы Японии изображают дело так, как будто единственный путь для крестьянства выйти из крайне затруднительного положения—это завоевание новых земель. Наряду с обещаниями земли в новой колонии некоторые фашистские организации, как, например, госсоциалистическая «Кокка Сакайто», обещают выкупить землю у помещиков и отдать ее на выкуп в рассрочку крестьянам и т. д.

Все эти «блага» демагогически обещаются крестьянству за поддержку захватнической политики японского империализма.

Пока еще монархические предрассудки среди крестьян удерживают крестьян до поры, до времени в повиновении, однако передовая часть крестьянства, преимущественно арендаторско-крестьянская беднота, все больше и больше склоняется на сторону компартии Японии, которая требует конфискации помещичьей, церковной земли и удельной земли царствующего дома и родовой знати. Японский империализм лихорадочно готовит новую империалистическую войну. О форсировании подготовки войны говорят многие факты и в первую очередь военные ассигнования. Военные ассигнования в текущем

бюджетном году по данным, опубликованным в японском журнале «Экономисто» № 8 за 1934 г., составляют только прямые расходы по военному и морскому министерству 937 млн. иен, вместо 850 млн. в прошлом году. Но в прошлом году военные расходы были также неимоверно велики. Гораздо показательнее то, что еще три года тому назад бюджет военного и морского министерства, вместе взятый, не превышал 400 млн. иен, а теперь расход одного военного министерства составляет 449 млн. и морского 488 млн. иен. Огромная часть ассигнований предназначена на реорганизацию армии и флота, техническое оснащение, усиление авиации, моторизацию, механизацию и т. д.

Но кроме того часть военных ассигнований проходит в скрытом виде по бюджету других ведомств. Для покрытия военных расходов правительство в этом году увеличило поземельный налог до 775 млн. иен вместо 692 млн. в прошлом году и кроме того намерено выпустить новые займы на 785 млн. иен. Сумма госзаймов превысила 8 млрд., но правительство не останавливается ни перед какими затратами на войну.

Одновременно с этим ведется психологическая мобилизация масс под прикрытием якобы наступающего «кризиса 1935 г.», чреватого опасностью для нации. В 1935 г. предстоит пересмотр Вашингтонского морского договора и Лондонского соглашения, а также окончательный разрыв с Лигой наций,— осуществление сделанного два года тому назад предупреждения. Вокруг этих событий поднимается сейчас невыносимо смрадная шовинистическая агитация, во главе которой стоят виднейшие политические деятели и фашистские организации. Мирные заверения японской дипломатии и заграничных японских пропагандистов не могут скрыть того факта, что общественное мнение внутри страны обрабатывается в расчете на войну. Тысячи примеров говорят об этом. Вот один из них.

В середине апреля с. г. на съезде одной из виднейших в Японии фашистской организации «Мейринкай», руководимой бывшим военным аташе Японии в США генералом Танака Кунисиге и насчитывающей, по его утверждениям, 200 тыс. членов, ораторы открыто требовали морского довооружения и призывали к «готовности».

> «Будет ли соотношение морских сил 10 : 10 : 7 или 5:5:3, они оба не удовлетворяют Японию... Японию всегда третировали, но когда в будущем году истечет срок Вашингтонского и Лондонского договора, мы должны повести политику свободной нации».

В резолюции, принятой съездом, одним из первых стоит пункт о создании «сильного кабинета, совершенно независимого от политических партий» и «довооружение на началах морского равенства».

Недавно происшедшая смена кабинета Саито говорит о том, что определенные силы действуют в направлении изменения курса внутренней и внешней политики. Во внутренней политике все более четко вырисовывается военно-фашистская диктатура, во внеш-

ней—подготовка к новой войне. Политическая обстановка на Дальнем Востоке напряжена сейчас более, чем когда бы то ни было. Двадцатилетний юбилей мировой империалистической войны и воспоминания об ужасах, пережитых человечеством, требуют неусыпного внимания к событиям на Дальнем Востоке.

Империалистическая Япония, неоднократно нарушавшая мир в этой части земного шара, является застрельщиком империалистической войны и в данный момент. Такие факты, как непрекращающиеся провокации на КВЖД, отказ заключить пакт о ненападении с СССР, бесконечные попытки незаконного использования наших территориальных вод для рыбной ловли и т. п.,—все это свидетельствует о желании японских империалистов продолжать свою традиционную линию нарушения мира на Дальнем Востоке. Только своевременно принятые меры по усилению обороноспособности наших Дальне-Восточных границ помешали японской военщине спровоцировать вооруженный конфликт.

Тем большее рвение проявляет японская дипломатия в подыскании военных союзников на западе. Гастроли японской эскадры адмирала Мацусито в Европу, теплый прием его в Германии и ряд других фактов красноречиво свидетельствуют об этом.

Советский Союз делает огромные усилия в деле сохранения мира и уже добился в этом отношении огромных успехов. Однако на Востоке положение попрежнему остается крайне тревожным. В двадцатилетие империалистической войны необходимо со всей четкостью подчеркнуть, что один из главнейших очагов новой войны находится на Дальнем Востоке, а его поджигателями являются японские империалисты.

Б. ТАРАШКЕВИЧ

ПОЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ

(К 20-летию империалистической войны)

Сравнялись с землей и поросли травой окопы, кое-как отстроились разоренные прошлой империалистической войной города и деревни, но у широких рабочих и крестьянских масс осталась свежая память о тех ужасах, о том разорении, которые принесла империалистическая война 1914—1918 гг. Прошлая империалистическая война была приостановлена великой революционной волной, поднятой победоносной пролетарской революцией в России.

Пролетариат России в союзе с беднейшим крестьянством свергнул диктатуру буржуазии и установил власть советов. Только победа пролетарской революции в России и революция в других странах вырвали пролетариат и трудящееся крестьянство из ада империалистической войны.

Победоносная Октябрьская революция в России глубоко всколыхнула трудящиеся массы Польши, а в Западной Белоруссии, Литве и части Западной Украины в 1919 г. была создана советская власть. Однако пролетариату Польши в период первого тура войн и революций не удалось свергнуть диктатуру буржуазии и помещиков. Одной из причин этого была слабая борьба польской СДКП и Л (социал-демократия королевства Польши и Литвы) за крестьянство, как союзника в революции. У польского крестьянства не было надлежащего революционного пролетарского руководства, какое имело крестьянство России в лице большевиков, направляемых гениальною мыслью и твердой рукой Ленина. В основе отсутствия надлежащего пролетарского руководства крестьянскими массами лежали неправильные люксембургианские взгляды СДКП и Л на крестьянский вопрос.

Правильная ленинская политика по крестьянскому и национальному вопросу обеспечила бы привлечение трудящегося крестьянства на сторону пролетариата и революции, ибо сельскохозяйственный пролетариат Польши был революционно настроен и шел за коммунистической партией, вел стачечные бои (1918—1919—1920 гг.) и сражался на стороне Красной армии. Вместе с сельскохозяйственным пролетариатом шла и часть беднейшего крестьянства, о чем свидетельствуют хотя бы массовые аресты и расстрелы на территориях, оставленных советской властью и Красной армией в 1920 г.

После поражения революции в Польше трудящемуся крестьянству пришлось испытать на себе все прелести буржуазно-демократической республики и узнать настоящую цену обещаниям «аграрной реформы».

Изживанию иллюзий «демократической» власти и аграрной реформы способствовало образование центро-правого правительства во главе с Витосом, заключившим в 1923 г. с польскими магнатами т. наз. ланцкоронский пакт, в основе которого лежал помещичье-кулацкий законопроект аграрной реформы.

Недопущенные к власти «вызволенцы» («левое» крыло людовцев) и социал-предательская ППС, находившиеся в тесной закулисной связи с Пилсудским, подняли шумную демагогическую кампанию против эндеко-витосовского законопроекта аграрной реформы и провалили его в сейме в 1923 г. Что и «вызволенцы» и пэпэсовцы лишь в демагогических целях выступали против проекта аграрной реформы,— доказывается тем фактом, что они затем в 1925 г. поддержали по существу тот же законопроект, внесенный в сейм правительством Грабского, которое они поддерживали.

Глубокий экономический кризис 1925 г. и начала 1926 г., крайнее разорение трудящегося крестьянства высокими налогами, введенными правительством Грабского, вызвали сильное недовольство и революционный подъем рабочих и трудящихся масс. Чтобы спасти капитализм от надвигающейся революции, буржуазия Польши переходит к фашистским методам управления, к открытому террору, к открытому наступлению на рабочий класс. Опираясь на усердно расчищавших путь фашистам «вызволенцев» и пэпэсов, польские фашисты в мае 1926 г. при помощи армии захватили власть. «Левые» народники и пепэсовцы не только подготовили приход фашистов к власти, но и после прихода их к власти продолжали прикрывать фашистов своими зелено-желтыми знаменами, представляя их защитниками трудящихся масс, способными якобы добиться улучшения положения трудящихся и обуздать финансовый капитал.

Внедрению в массы подобных иллюзий способствовало то обстоятельство, что фашизм пришел к власти в период сравнительной стабилизации капиталистического хозяйства. Это давало фашистам возможность демагогически заявлять, что именно они улучшили экономическое положение страны. Наряду с этим продолжительная забастовка углекопов в Англии дала возможность Польше увеличить экспорт угля. 1926—1928 гг. были кроме того годами высоких цен на с.-х. продукты, и это связывало часть середнячества с после-майским правительством, которое выделяло кредиты для приобретения искусственных удобрений, повысило кредиты в государственном земельном банке, развило широкую кампанию за организацию с.-х. кооперации, различных с.-х. товариществ и т. п. Эти меры оказали непосредственную помощь помещикам, кулакам и части середнячества. Внедрение финансового капитала в деревню усилилось, но все же в те годы была видимость того, что фашисты якобы уделяют внимание и трудящемуся крестьянству. Этому способствовало и пра-

во-оппортунистическое отношение к фашизму большинства тогдашнего руководства КПП.

Возрастающие налоги и фашистский террор скоро начали все больше давать себя знать. Поэтому еще в годы высокой конъюнктуры—наряду с неизжитыми иллюзиями в отношении фашизма—накоплялось революционное брожение трудящегося крестьянства в массовых организациях (Н.П.Х.—независимая крестьянская партия и «Самопомощь»).

А трудящееся крестьянство Западной Белоруссии и Западной Украины, испытывающее на себе двойной гнет, экономический и национальный, гнет, усугубленный начавшейся тогда непосредственной подготовкой этих территорий в качестве плацдарма для империалистической интервенции против Советского Союза, ответило на приход фашизма к власти усилением массовых революционных выступлений (например Белорусская Селянско-Рабочая Громада). Если радикализация крестьянских масс коренной Польши в период относительной стабилизации капитализма не шла столь быстрым темпом, как в Зап. Белоруссии и Зап. Украине, то разразившийся вскоре с небывалой силой и все углубляющийся и обостряющийся аграрный кризис, теснейшим образом переплетающийся с промышленным кризисом, ускоренно революционизировал крестьянские массы коренной Польши и выравнивал фронт революционного крестьянского и национально-освободительного движения, при все возрастающем укреплении гегемонии пролетариата. Сила революционного крестьянского движения в коренной Польше наиболее ярко проявилась в галицийском восстании летом 1933 г. Польская деревня давно перестала быть тихой, спокойной деревней, которую воспевали польские шляхетские поэты-романтики.

В двадцатую годовщину империалистической войны голод костлявой рукой подводит итог шестнадцатилетнему владычеству польской буржуазии и восьмилетний итог хозяйничания польского фашизма в буржуазной Польше. Для трудящегося крестьянства он выражается в чудовищно-отрицательном балансе, основные черты которого—ограбление трудящегося крестьянства путем т. наз. аграрной реформы и землеустройства; огромный рост перенаселенности и скрытой безработицы в деревне; ограбление трудящегося крестьянства при помощи «ножниц» цен, налогов, штрафов, финансовых монополий, системы отработков (шарварков); крайняя задолженность и небывалая ростовщическая эксплоатация; деградация сельского хозяйства, ужасающая нищета, массовый голод и жесточайший террор. Вот далеко не полный перечень «достижений» фашизма в Польше.

* *
*

Когда революционная волна грозила захлестнуть польскую буржуазию, когда Красная армия стремительно приближалась к Варшаве, польская буржуазия решила спасаться при помощи аграрной реформы.

О целях проекта аграрной реформы 1920 г. с похвальной откровенностью говорит польский консерватор Бобжинский в своей работе «Воскресение Польши»:

«Пропаганда за вступление в армию не обещала хороших результатов, поскольку у наиболее многочисленного в нации крестьянского слоя не было своих классовых интересов, связанных с войной. Аграрная реформа беспрестанно занимала его мысли. Когда Польша оказалась в опасности, людовцы (народники,—Б. Т.), депутаты сейма во главе с Витосом, решили использовать аграрную реформу как средство завоевания крестьянских масс для защиты отечества».

С полнейшей откровенностью о том же говорил один из пепеэсовских лидеров Новицкий в программной речи, произнесенной с трибуны сейма в 1932 г.:

«Когда в 1920 году велась война, тогда было заявлено: солдат, ступай на фронт, а когда вернешься, если ты крестьянин, получишь надел земли, на которой в состоянии будешь вести хозяйство. Обещание это не выполнено».

В 1920 г. польской буржуазии удалось получить некоторую историческую отсрочку. Укрепив свою власть, она приступила к проведению буржуазной аграрной реформы и землеустройства в пользу помещиков и кулаков на основе массового ограбления трудящегося крестьянства.

Приведем некоторые данные относительно общих результатов буржуазной аграрной реформы и землеустройства.

По официальным данным об аграрной реформе с 1919 по 1933 г. включительно парцеллированию подверглось—2 177,6 тыс. га помещичьей и государственной земли, при чем на новые хозяйства пошло 1 139,2 тыс. га, на укрупнение существующих—836,2 тыс. и на парцеллы специального назначения—206,6 тыс. га. «Воспользовалось» парцеллированием всего—575,1 тыс. хозяйств, из коих на новые хозяйства падает—120,8 тыс., на укрупненные—394,8 тыс., на хозяйства особого назначения—58,9 тыс. Укрупнение в среднем составило 1.5 га на хозяйство,—величина совершенно не значительная для широко рекламированного «оздоровления» аграрной структуры. Из всего парцеллированного фонда можно было бы создать круглым счетом 200 тыс. крестьянских хозяйств по 10 га каждое. Между тем прирост сельскохозяйственного населения за этот же промежуток времени составляет около 800 тыс. семейств. Таким образом, если бы вся подвергнутая парцеллированию земля была распределена исключительно между трудящимся крестьянством по середняцкой норме в 10 га на семью, то она обеспечила бы только ¼ прироста населения. Между тем больше половины земельного фонда было расхватано высокопоставленными лицами, военными осадниками, кулаками и кулацкими сынками и лишь сравнительно незначительная часть досталась трудящемуся крестьянству, да и то по баснословно взвинченным, непосильным для него ценам. Таким образом, аграрная ре-

форма нисколько не устранила земельного голода. Раздробленность земельных участков и безземелье достигли крайних пределов.

Трудящееся крестьянство с каждым днем все больше осознает, что буржуазная земельная реформа вовсе не ставила себе целью устранение земельного голода. Целью этой аграрной реформы было дать помещику средства для интенсификации его хозяйства путем распродажи менее доходных участков земли, а с другой стороны,— создать в деревне, в борьбе против революционного движения более крепкую кулацкую опору.

Когда скрывать перед крестьянскими массами классовый характер аграрной реформы уже было нельзя, один из авторов этой реформы, лидер крестьянской партии, «Домбский, принужден был в сейме заявить:

> «В Польше нет земельной реформы. В Польше свирепствует самая наглая частная парцелляция по ростовщическим ценам при участии «долларовцев» и спекулянтов, а закон охраняет эту спекуляцию».

Совершенно не правильным является представление, что фашизм якобы ликвидировал земельную реформу. Наоборот, он ее продолжает в том же классовом духе, не переставая соблазнять массы новыми иллюзиями и новыми маневрами. В последний период фашисты выбросили лозунг «земля за налоги», т. е. отнятие земли у помещиков за недоимки для продажи крестьянам. По существу это дает помещику возможность уплатить налог продажей обесцененной и плохой земли, а крестьянину это несет закабаление при покупке той же земли за высокую цену. В мае текущего года правительство определило парцелляционный план, по которому предназначается для парцелляции в 1935 г. 20 тыс. га из государственных фондов и 60 тыс. из помещичьих. Словом, помещики и государство продолжают продавать свои земли по высоким ценам.

С аграрной реформой тесно связано т. наз. землеустройство, состоящее в ликвидации чересполосицы и сервитутов, в переводе крестьян на хутора. После фашистского переворота 1926 г. землеустройство проводится ускоренным темпом, в особенности в Западной Белоруссии и Западной Украине. Эти землеустроительные меры по существу проводятся всегда насильственным путем, так как для решения вопроса необходимо только незначительное количество (в большинстве случаев достаточно кулацких) голосов. Кулаки, выделяясь на хутора, захватывают лучшие земли и вытесняют бедняков на неудобные. Кроме того расходы по ликвидации чересполосицы и хуторизации громадным бременем ложатся на трудящееся крестьянство. По мере того, как землеустроительный нажим усиливается, усиливается и сопротивление крестьян, выражающееся в избиении землемеров, полиции и кулаков.

Обследование 555 крестьянских хозяйств в 37 деревнях, разбросанных в 14 уездах Келецкого воеводства, в которых проведено землеустройство, говорит о том, что фашистская комассация (ликвидация чересполосицы) ложится чрезвычайно тяжелым бременем на

крестьянские хозяйства, заставляя их деградировать, уменьшая число коров, лошадей и хозяйственных построек, при одновременном росте значительной задолженности (см. официозный журнал «Рольник Экономиста», № 6 1934 г.).

Возьмем для примера Келецкий уезд. До комассации задолженность составляла—65,5 зл. на га, после комассации—217 зл.; количество лошадей на 100 га—12 и 7, количество коров—47 и 31, а количество полностью застроенных хозяйств в несколько лет после комассации составляло всего 34%. Задолженность продолжает расти. В том же Келецком уезде в последние годы огромное количество хозяйств переходит к пахоте коровами. Обследование приходит к выводу, что «хозяйства, не ликвидировавшие чересполосицу, легче переносят теперешний тяжелый период, чем хозяйства, уничтожившие ее».

В связи с «земельным голодом» в самой острой форме встает вопрос о скрытой безработице в деревне. Согласно целому ряду сопоставлений и вычислений даже польских буржуазных экономистов, в польской деревне больше половины взрослого сельскохозяйственного населения является по существу безработным. Следовательно, в польской деревне насчитывается до 7 млн. безработных. Это является одним из важнейших факторов пауперизации трудящегося крестьянства, жесточайшей его эксплоатации и закабаления со стороны помещиков и кулаков. Деревенская беднота убирает помещику урожай нередко за 20-й сноп. Все чаще батраки служат у кулака за одно пропитание и рваную одежду.

Разорение крестьянства и безработица до крайности обостряют классовые противоречия в деревне и являются источником глубокого недовольства крестьянских масс. Польская буржуазная пресса за последнее время переполнена тревожными статьями по этому вопросу. Помещичья газета «Час» обеспокоена до того, что у этой почтенной консервативной старушки трясутся поджилки.

> «В деревне безработица возрастает с каждым днем,—восклицает она.—Беспокойство охватило всю крестьянскую массу, которая от нужды переходит к делам весьма загадочным и ничего хорошего не предвещающим. Я не преувеличу, если назову современную польскую деревню «дикими полями», полными опаснейших привидений».

При таком положении фашизм маневрирует лозунгом «борьба с безработицей» путем создания т. наз. «фонда труда», который должен быть использован преимущественно для таких общественных работ, на которых была бы занята часть безработных в деревне. Но существующие общественные работы не могут сколько-нибудь серьезно воздействовать в сторону ликвидации безработицы в деревне. Эти работы характеризуются почти рабовладельческой эксплоатацией трудящихся. В целях использования громадного запаса «безработной» энергии трудящегося крестьянства буржуазия стремится рас-

ширить «общественные» работы, применяя на них совершенно даровой труд в качестве отработков за неуплаченные налоги, штрафы и т. п.— и даже за «помощь» голодающим.

* * *

В результате внедрения капитализма в сельское хозяйство, все усиливающегося господства финансового капитала и фашистского режима, трудящееся крестьянство Польши оказалось в тисках небывалой доселе задолженности. Общая задолженность польского хозяйства, по официальным данным, составляет около 5 млрд. злотых, а по исчислению некоторых буржуазных экономистов достигает 7 млрд. злотых. Между тем весь национальный годовой доход Польши оценивается в настоящее время примерно в 8—10 млрд. зл. По одной из последних анкет, общая крестьянская задолженность в одном только варшавском воеводстве превышает ½ млрд. злотых. Средняя задолженность на 1 га превышает 400 злотых. Во многих случаях задолженность значительно превосходит стоимость самого хозяйства и в среднем все более приближается к его стоимости. Проценты по налогам столь велики, что они поглощают доход трудящегося крестьянина и не дают возможности погасить долг. Таким образом трудящийся крестьянин оказывается в кабальной зависимости от своего кредитора и в первую очередь от кулака, выступающего в роли ростовщика. Во время разбора дел в арбитражных долговых комиссиях оказывается, что взимание пятимесячных процентов является довольно обычным явлением. Особенно высокие проценты взимаются натурой, хлебом и живым инвентарем. Крестьянин за 100 зл. платит натурой 100 зл. процентов и при этом остается в долгу на ту же сумму.

Вследствие высокой задолженности и высоких процентов по долгам трудящееся крестьянство оказалось в полнейшей кабальной зависимости у кулака, помещика или местечкового спекулянта, которые заставляют его отрабатывать ростовщические проценты, т. е. по существу работать даром.

Наряду с кулаком-ростовщиком, наряду с ростовщической кредитной кооперацией и банками трудящегося крестьянина разоряет и закабаляет также государство. Кроме быстро возрастающей налоговой задолженности, достигшей в начале 1934 г. 1 млрд. зл., задолженность сельского хозяйства государству достигает 1,5 млрд. зл. (в том числе 762 тыс. задолженности, связанной с аграрной реформой и землеустройством). Проводимая правительством на основании декрета 1932 г. о «текучести с.-х. кредита» консолидация долгов имела целью обеспечить интересы кредиторов. В связи с юридическим снижением процентов по долгам декрет предоставлял ростовщикам право взимать долги с помощью экзекуций. До этого закона кредитор по жалобе должника мог подвергнуться судебному преследованию за ростовщичество. Сейчас фактически это право не существует.

Шумно рекламированный декрет о «снижении задолженности» принес пользу только финансовому капиталу и его деревенским агентам.

По последней анкете, относящейся к 1933 г. и учитывающей результаты конверсии долгов, задолженность крестьянских хозяйств от 2 до 5 га по варшавскому воеводству составляет 1/2 млрд. злотых. По группам хозяйств она представляется в следующем виде:

Задолженность в 1933 г на 1 га (в злотых)

Табл. 1

Группы хозяйств в га	Финансовый кредит		Товарный кредит		Недоимки по налогам, повинностям и проч.		Семейные выплаты		Всего
	Злот.	%	Злот.	%	Злот.	%	Злот.	%	Злот. на 1 га
2—10	242	68	14	4	14	4	86	24	356
10—20	226	68	4	1	13	4	90	27	333
20—50	223	71	12	4	22	7	57	18	314
2—50	232	69	10	3	17	5	77	23	336

Хотя анкета указывает на некоторое снижение задолженности в абсолютном выражении, но это снижение весьма не значительное; отношение задолженности к быстро падающей доходности сельского хозяйства не перестает расти. Согласно исследованиям Пулавского института, чистый доход в 1931/32 хозяйственном году снизился до 10,25 зл. на га, так что его не хватило на оплату процентов по долгам и налогам. Это, конечно,— средние данные по всем хозяйствам. В действительности, как указывает тот же институт, трудящийся крестьянин не только не получает от своего хозяйства дохода, но не имеет даже необходимой зарплаты за свой труд.

Денежный доход сельского хозяйства, в целом, в 1928/29 сельскохозяйственном году буржуазный ученый Заклика, автор исследования о денежном балансе сельского хозяйства, оценивал в 4 695 млн. злотых. В 1933/34 г. эта сумма не превышает 1800 млн. злотых. На налоги и денежные взносы по долгам и прочим обязательствам приходится свыше 1 000 млн. зл. Таким образом на душу сельскохозяйственного населения приходится, в среднем, менее 40 зл. денежного дохода в год. А между тем на 1 га площади в 1931/32 г. приходилось государственных и коммунальных налогов 20 зл. (по

официальным данным для западных воеводств). Но львиную долю дохода получают помещики и кулаки, а трудящееся крестьянство обладает крайне ничтожными денежными средствами.

Но и те денежные средства, которые трудящийся крестьянин может выручить от своего нищенского хозяйства, продавая нередко последнюю кружку молока, беспощадно выколачивается налогами, духовенством, ростовщиками, штрафами, «добровольными» пожертвованиями и т. д. и т. п.

При взыскании налогов и долгов помещики и кулаки-ростовщики в массовых размерах производят распродажу имущества и земли неплатежеспособных крестьян. По деревням рыщут вооруженные судебные исполнители.

* *
*

Сверхэксплоатация, снижение жизненного уровня и падение покупательной способности крестьянства на почве все продолжающегося аграрного кризиса усиливают процесс деградации сельского хозяйства: происходит сокращение посевных площадей, сокращение применения искусственных удобрений, ухудшение обработки, уменьшение поголовья скота; из года в год снижается урожайность. Во многих местностях наблюдается возврат к давно позабытой прадедовской сохе.

В результате всего этого хронический голод принимает все большие размеры.

В этом году голод принял такие массовые размеры, что правительство не могло уже скрывать общеизвестных фактов и вынуждено было оказать голодающим некоторую, (конечно, совершенно недостаточную) помощь. Голодом охвачены не только Западная Белоруссия и Западная Украина (Прикарпатская область), но и некоторые воеводства коренной Польши, например Келецкое. На почве голода и недоедания приняли ужасающие размеры тиф, чахотка и другие болезни.

В результате массового голода и всеобщего недоедания трудящихся масс, в результате опустошительных болезней происходит вырождение, прирост населения сокращается. В 1925 г. прирост населения составлял 18,5 чел. на 1 000, а в 1933 г. только 12,3 чел.

> «Цифры эти,— говорит помещичья газета «Час», критикуя правительство с точки зрения групповых помещичьих интересов,— подчеркивают остроту и глубину нашего кризиса. Причиной уменьшения рождаемости являются, конечно, общая нужда и несомненная пауперизация Польши. Этим своим плебисцитом, гораздо более красноречивым, чем всякие голосования, население выражает недовольство существующими формами и перспективами экономической политики».

Существующая и раньше как феодальный пережиток система отработок получила теперь на почве кризиса, растущей задолженности и крайнего сокращения денежного обращения в деревне столь

широкое распространение, что трудящееся крестьянство находится в крепостническом, полурабском подчинении кулаку, помещику и финансовому капиталу. Сплошь и рядом, как мы уже отметили, бедняк работает у помещика, получая 20-й сноп за уборку урожая, отрабатывает за пастбище, за право собирания ягод и грибов и т. д. Проценты уплаты ростовщикам за займы при отработках достигают совершенно баснословной цифры (1 000% и более в переводе на деньги). Государство все чаще и во все более широких масштабах применяет систему отработок за недоимки по налогам, штрафам и даже за «помощь» голодающему населению. Оно стремится полностью использовать даровую рабочую силу для проведения крупных общественных работ, имеющих, главным образом, подготовительное к войне значение (проведение стратегических железных и шоссейных дорог). В настоящее время в порядке отработок (шарварков) крестьянство дает государству свыше 30 млн. трудодней даровой работы в год.

В области образования диктатура буржуазии и помещиков в Польше проводит также строго классовую политику: получить образование детям трудящихся крестьян становится невозможным. В прошлом году, по сообщению буржуазных газет, в числе поступивших на медицинский факультет Краковского университета не было ни одного крестьянина. Средняя школа доступна только для кулацких сынков. А начальное образование хотя и является по закону обязательным, но на деле половина детей школьного возраста из-за холода и голода лишена возможности посещать школу. Это принужден был признать даже польский министр просвещения. А если дети и посещают школу, то польза невелика: классы переполнены, преподавание скверное, учительство терроризовано фашистской администрацией, голодно или лижет сапоги фашизму и издевается над молодежью (в особенности в Западной Белоруссии и Западной Украине). Трудящийся крестьянин не читает газет и не слушает радио: во-первых, нет денег, во вторых — опасно.

* * *

Ужасающая эксплоатация, разорение и гнет при возрастающей политической сознательности рабочих и трудящихся крестьян усиливают их ненависть и отпор фашистскому насилию.

Под влиянием усиливающейся борьбы пролетариата растет и укрепляется революционное крестьянство и национально-освободительное движение. От разрозненных выступлений против взыскания налогов, фашистского террора, от порубки в помещичьих лесах, захватов угля на железных дорогах, поджогов помещичьих усадеб и т. п. более или менее изолированных выступлений крестьянские массы переходят к массовым демонстрациям, голодным походам, массовым забастовкам, кровавым столкновениям с полицией и к массовым вооруженным выступлениям (Лиманова, Любля, Ядов, восстание в Лиске на Западной Украине и самое крупное восстание в польской Галиции).

Во всех этих выступлениях проявилась высокая степень мобилизационной и боевой готовности, небывалая до сих пор в распыленных крестьянских массах солидарность, а главное—большая революционная воля к борьбе против диктатуры буржуазии и помещиков. Подавление крестьянских восстаний однако не запугало крестьянские массы. В глубине крестьянских масс все усиливается глубочайшее революционное брожение, происходит накопление революционной энергии для новых решающих боев. Характерно, что вскоре после подавления галицийского восстания в 1933 г. имела место крестьянская забастовка против грабительских цен на с.-х. продукты, диктуемых финансовым капиталом в лице скупщика-спекулянта или помещичьего синдиката мелкому производителю. Это стачечное движение, во время которого крестьяне организовали свои стачечные комитеты, расставляли по шоссейным дорогам пикеты для борьбы с штрейкбрехерами, кулаками и помещиками, задерживали подвоз с.-х. продуктов в города,—во многих местах, в особенности там, где во главе стачки стояли коммунисты, переходило в вооруженные столкновения с полицией (Мшана. Дольна).

Надо оговориться, что первая массовая крестьянская забастовка, охватившая почти всю коренную Польшу, велась в 1932 г. против средневековой системы возмутительно высоких грабительских рыночных и въездных сборов. Она ознаменовалась целым рядом кровавых боевых столкновений с полицией (Ядов, Любля, Лапанов и др.).

В феврале 1934 г. окончилась успехом после двухмесячной упорной борьбы забастовка лесных рабочих и крестьян-возчиков в Сокольском уезде (З. Белоруссия). Такой же упорный характер имели забастовки в Беловежской Пуще и Слонимском уезде,—забастовки, также закончившиеся успешно под руководством КПЗБ.

По примеру забастовок в коренной Польше, т. е. против рыночных сборов и крайне низких грабительских цен на с.-х. продукты в начале 1934 г. происходили забастовки волынских крестьян сначала в Ковельском округе, а затем в Олыкском. Движение проходило под революционным руководством КПЗУ и привело к частичной победе бастующих: рыночные сборы были значительно понижены. В результате забастовок на Западной Украине и в Западной Белоруссии выросло и укрепилось влияние компартии.

Необходимо отметить, что в Польше различные въездные, «копытные» и т. п. сборы тяжелым бременем давят трудящееся крестьянство. По вычислениям буржуазных экономистов, они достигают 100 млн. зл., т. е. превосходят государственный поземельный налог.

Антиналоговая борьба усиливается на территории всей Польши. Газеты сообщают о постоянных столкновениях крестьян с полицией. Там женщины выгнали судебного исполнителя, там «подростки взбунтовали деревню», там не допустили распродажи, отбили у кулака купленную на аукционе корову, а дом его подожгли и т. д. и т. п. Вместе с тем увеличиваются случаи массового захвата помещичьего леса, пастбищ и урожая.

Борьба крестьян под руководством пролетариата, все более и более расширяясь и углубляясь, подводит трудящиеся массы деревни все ближе и ближе к революционному захвату помещичьей, государственной и монастырской земли. Даже буржуазная пресса не скрывает, что положение крестьянства тяжелое и. что оно ищет революционного выхода из своей нищеты.

Чем больше растет недовольство крестьян политикой господствующих классов, тем больше фашисты усиливают в деревне террор и агитацию. Фашисты подчинили своему влиянию кооперацию и другие сельскохозяйственные организации, народные дома, читальни и т. п. Монополия в этой области дает им громадные преимущества. Если единственный в деревне народный дом находится в руках фашистов, то всетаки это народный дом и как единственный «очаг культуры» он привлекает некоторую часть крестьянства, в особенности молодежь (танцами, спектаклями и т. п.) и дает возможность «обрабатывать» посетителей в определенном направлении.

Борьбу за крестьянство в деревне ведут также эндеко-фашисты вместе с еле оперившимся «радикальным» выводком ОНР (недавно образовавшаяся национально-радикальная организация). Наряду с самым варварским разжиганием шовинистических страстей, главным образом путем самой наглой антисемитской агитации, эндеко-фашизм в своей борьбе за крестьянство пытается применить новую радикальную демагогию, нарочито туманно говоря о каком-то «обобществлении» земли. Эндеко-фашизм в городе опирается преимущественно на оппозиционно-настроенную разоренную часть мелкой буржуазии, а в деревне на оппозиционно-настроенную (разоряющуюся) часть более мелких помещиков и кулачества. Эндеко-фашизм стремится с помощью радикальной фразеологии привлечь на свою сторону и трудящееся крестьянство. Главная база эндеко-фашизма в деревне — это Познанское и Поморское воеводства.

Но самой главной опасностью для революционного движения в деревне является людовская партия (народники-фашисты) во главе с Витосом, Малиновским и К° с ее маневрами и обманом трудящихся масс деревни. Во время галицийского восстания, когда крестьянская масса шла за коммунистами и с энтузиазмом подхватывала коммунистические лозунги, она в большинстве случаев молчала, слыша лозунг:—«Долой Витоса». После того, как Витос и иже с ним получили в брестской тюрьме порцию пощечин и пинков,—они накопили себе из этой дружеской ссуды самым ростовщическим образом политический капитал, с помощью которого теперь стараются обмануть крестьянство. Людовцы выбрасывают даже лозунг «земля без выкупа», но на деле они выступают за диктатуру буржуазии и помещиков, без свержения которых крестьяне не получат землю без выкупа.

Развивая теорию «аграризма», людовцы противопоставляют диктатуре пролетариата диктатуру крестьянства, интересы деревни — интересам города. Они натравливают крестьян против городского пролетариата. Людово-фашизм под влиянием нарастающей рево-

люционной волны все усиливает радикальные «левые» маневры и, задаваясь целью направить возрастающую революционную энергию крестьянских масс в русло контрреволюции, все более открыто переходит к методам явно фашистской погромной демагогии, ведет травлю против социалистического строительства в СССР, пропагандирует погромно-черносотенный антисемитизм, своеобразный славянский рассизм, что не мешает ему натравливать массы на украинцев и белоруссов. Таким образом, людово-фашизм, как по своим методам, так и по своему «мировоззрению», все более приближается к «левым» эндеко-фашистам.

С наиболее левой демагогией в польской деревне оперирует ППС, выбрасывая лозунг «Союз рабочих и крестьян и рабоче-крестьянское правительство». Выражением этого левого маневрирования является принятая на конгрессе ППС в 1934 г. новая аграрная программа, в которой выдвигается требование экспроприации у помещиков земли без вознаграждения и наделения землей с.-х. рабочих, безземельных и малоземельных крестьян. ППС имеет значительное влияние в деревне среди сельских рабочих, в особенности в коренной Польше. На это компартия должна обратить сугубое внимание. За последнее время ППС весьма активизирует свою работу в деревне, стараясь задержать переход трудящихся масс деревни на сторону компартии.

Вообще за последнее время наблюдается усиленная активизация деревенской работы и левое маневрирование со стороны всех буржуазных и мелкобуржуазных партий. Объясняется это тем, что перед нарастающим могущественным прибоем пролетарской революции, ставящим в порядок дня завоевание власти, вопрос о союзниках пролетариата приобретает первостепенное значение. Поэтому следует ожидать не только дальнейшей активизации фашизма в деревне, не только усиления «левой» демагогии, но и новых попыток более определенного координирования его сил в борьбе с нарастающей революцией. Решающие бои надвигаются.

Растет волна революционной борьбы промышленного пролетариата, в первую очередь—стачечное движение, подымающее на борьбу и крестьянство. Если в 1933 г., по официальным данным, бастовало свыше 450 тыс. рабочих, то число бастующих лишь в первом квартале текущего года превысило 750 тыс. Во многих случаях бастующие рабочие переходят в контрнаступление и не только отражают атаки обнаглевших предпринимателей, но добиваются повышения зарплаты. Важнее всего то, что стачечные бои приобретают все более яркий политический характер и таким образом все ближе подводят пролетариат ко всеобщей забастовке, которая может явиться решающим моментом для перехода к вооруженному восстанию в борьбе за завоевание власти. К этому твердыми шагами ведет массы КПП.

Главной стратегической задачей настоящего момента КПП считает разрушение массовой организационной базы социал-фашизма

и народнико-фашизма, без чего завоевание большинства пролетариата и основных масс крестьянства останется на бумаге.

Важнейшей революционной задачей является также усиление координирования борьбы занятых рабочих и безработных с борьбой трудящихся масс крестьянства и угнетенных народов.

«Можно себе представить,—говорит тов. Ленский,—насколько грозным стало бы положение для фашистского правительства, если бы прошлогодняя стачечная борьба совпала с восстанием галицийских крестьян. Конечно, такое совпадение не зависит только от нашей воли, но, координируя рабочие и крестьянские бои при помощи массовых демонстраций и политических стачек, мы можем ускорить их слияние в один мощный поток, перед которым трудно будет устоять фашистской диктатуре».

«И сегодня существует опасность, что обе волны разойдутся,—опасность разнобоя, облегчающего правительству разгром движения по частям. Поэтому усилия партии должны быть направлены на создание совместного фронта рабочих и крестьян в развертывающихся боях. Успешная координация крупных стачек и бурных выступлений безработных с массовыми боями, особенно повстанческими взрывами в деревне, значительно ускорила бы момент перехода к непосредственной борьбе за власть» [1].

Успешное выполнение этих революционных задач зависит в первую очередь от политической зрелости и боеспособности, от организационной силы КПП. В упорных боях против правого оппортунизма и против левацких загибов, развертывая усиленную борьбу против контрреволюционного украинского и белорусского национал-фашизма, растет и крепнет КПП как единственно революционная пролетарская партия Польши. Несмотря на жесточайший террор, КПП растет численно и крепнет организационно. Приводим данные, характеризующие рост компартии (число членов):

Табл. 2

	1930 г. (Июнь)	1931 г. (Октябрь)	1932 г. (Март)	1933 г. (Март)
КПП	3 300	6 800	8 800	9 200
КПЗУ	—	2 500	3 600	4 600
КПЗБ	—	2 300	3 500	4 000
Вся КПП вместе с КПЗУ и КПЗБ	—	**11 600**	**15 100**	**17 800**

[1] К. И. № 13 за 1934 г. «На перевале».

Для условий глубокого подполья—это цифры большие, говорящие о том, что КПП стала подлинно массовой партией. Рост коммунистической партии должны признать даже ее враги. Вот что вынужден «сигнализировать» орган людовской партии «Зелены Штандар».

> «Большевизм сегодня сильнее, чем нам кажется. Содействует этому не только ясность коммунистических концепций, но также и то, что в связи с упадком политической мысли других общественных групп недовольная часть общества группируется в той или иной степени вокруг коммунизма. Кроме того большевизм обладает реальным планом».

За этими ясными коммунистическими концепциями и реальными планами, оправданными на практике социалистическим строительством в СССР, идут все более значительные массы трудящихся города и деревни. Для осуществления этих реальных социалистических планов они пойдут в бой за власть советов, за диктатуру пролетариата, за землю, за самоопределение наций вплоть до отделения.

* * *

В прошлую империалистическую войну, загоняя на кровавую бойню миллионы рабочих и крестьян, буржуазия клялась, что эта мировая война будет последней. И она была бы последней, если бы революция победила не только в России, но и в ряде других капиталистических стран. Но этого не случилось, и в 20-ую годовщину империалистической войны мы подходим к новому туру войн и революций.

Военная подготовка империалистических держав идет бешеным темпом. Не отстает в этой подготовке и польский фашизм. Усиленное внимание уделяется при этом деревне. Война требует наличия продовольственной и сырьевой базы. Все сельскохозяйственные мероприятия правительства (демпинг, премии, создание государственных хлебных запасов и т. д.) помимо поддержки помещиков и кулаков имеют чисто военные цели—обеспечение продовольственной базы для армии на случай войны. За последнее время разрабатывается ряд мероприятий, как-то: создание общественных амбаров и картелирование мельниц, имеющих главным образом тоже военное значение. Особого внимания заслуживает усиленная кампания по разведению льна, который должен заменить собой хлопок. Недавно состоявшаяся в Варшаве «льняная выставка» показала, что польский империализм делает громадный упор на создание независимой сырьевой базы. По линии подготовки к войне направлен целый ряд мер регламентации сельского хозяйства, начиная от усиленного надзора за коневодством и кончая строгой регламентацией размеров и типов крестьянских телег. Путем использования даровой крестьянской силы (обработки за налоги, штрафы и т. п.), государство исправляет старые и строит новые пути сообщения, имеющие стратегическое значение.

Для подготовки крестьянских масс в качестве пушечного мяса создана густая сеть военизированных организаций «военного приспособления», как фашистский «Стрелец». Военная подготовка ведется в самых широких размерах и среди учащейся молодежи. Все фашистские организации без исключения,—в том числе и «оппозиционные»,—ведут политическую подготовку масс к войне, или открыто пытаясь натравить массы против «национального врага», или усыпляя бдительность масс к возрастающей военной опасности. Договоры с Советским Союзом, долженствующие укреплять мир, используются для усыпления бдительности масс и их дезориентации, а с другой стороны, польская буржуазия относится отрицательно к предлагаемому Советским Союзом пакту Восточного Локарно, имеющему целью укрепление мира на Востоке.

Борьба против подготовки войны является задачей первостепенной важности в работе как среди городского пролетариата, так и в деревне, которая поставляет польской армии 70% солдат. Рабочие и трудящиеся массы должны отчетливо видеть военную опасность, должны быть готовыми дать ей надлежащий отпор, а в случае невозможности предотвратить империалистическую войну—превратить ее в войну гражданскую, обратив штыки против империалистов своей страны, борясь за победу социалистической революции.

ЛОУФ БОХЕН

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО США

Когда летом 1914 г. капиталистический мир начал гигантскую бойню, продолжавшуюся более четырех лет, даже самые дальновидные его представители не предвидели тех громадных изменений и сдвигов во всей структуре мирового хозяйства,— в частности мирового сельского хозяйства,—которые принесет с собою империалистическая война.

Мировая война явилась не только переломным моментом в экономических и политических отношениях мира, сложившихся в своей совокупности в послевоенный кризис всей капиталистической системы, но она стала также исходным пунктом тех изменений в мировом сельском хозяйстве, которые легли в основу послевоенного аграрного кризиса.

Изменения эти начались почти тотчас же после открытия военных действий. Во всех воюющих странах, хотя и не в одинаковой степени, возникла нужда в пищевых продуктах и одежде среди широких масс гражданского населения, а впоследствии и в армии; хлеб стал одним из относительно самых дорогих предметов потребления, и в отдельных воюющих странах уже вскоре после объявления войны начался голод и возникли эпидемии. Однако военная мобилизация требовала концентрации больших запасов сырья, как минерального, так и сельскохозяйственного, аммуниции и продовольствия.

Мобилизация огромных армий в августе 1914 г. непосредственно перед уборкой урожая привела к значительным потерям в сборе хлеба, кормов и других с.-х. продуктов, несмотря на специальную мобилизацию рабочих рук для уборки урожая. В последующие годы войны положение ухудшилось вследствие все более растущего недостатка рабочих рук, наступившего вместе со все новой мобилизацией молодого и старого мужского населения для армии, вследствие разорения и опустошения громадных областей военными действиями, и, наконец, в связи с общим развалом хозяйства уровень с.-х. производства в воюющих европейских странах все более понижался. Так сбор четырех хлебов (пшеницы, ржи, овса и ячменя) сократился в Европе (без России) с 988 млн. дв. центнеров в 1913 г. до 637 млн. в 1918 г. Продукция пшеницы во Франции в 1917 г. была на 50% ниже, чем в 1914 г., а продукция овса и ржи упала

приблизительно на одну четверть. Германия за трехлетний период сократила продукцию пшеницы на 44%, продукцию ржи на 33% и овса на 59%. В Италии продукция пшеницы упала с 214,4 млн. буш. в 1913 г. до 140 млн. буш. в 1917 г., продукция кукурузы—с 108,4 млн. буш. до 82,8 млн. В России производство овса и ячменя сократилось с 160,5 млн. двойн. центнеров в 1913 г. до 122,4 в 1916 г., а ячменя с 121,4 млн. двойн. центнеров в 1914 г. до 76,3 млн. в 1916 г. Падение производства пшеницы и ржи еще более значительно. Производство пшеницы сократилось с 228,0 млн. д. ц. в 1913 г. до 102,8 в 1917 г., а ржи с 246,9 млн. д. ц. в 1913 г. до 154,2 в 1917 г.

Несмотря на столь резкое падение европейского производства хлеба, мировой сбор всех четырех хлебов составлял в 1918 г. 1 698 млн. двойн. центнеров против 1 863 млн. двойн. центнеров в 1913 г., т. е. уменьшился сравнительно не так значительно. Это объясняется увеличением производства с.-х. продуктов в других, главным образом заокеанских, странах, что и послужило исходным пунктом послевоенного аграрного кризиса.

До войны промышленные страны Западной Европы получали значительное количество с.-х. продуктов из аграрных стран юго-восточной и восточной Европы,—главным образом из царской России. В результате войны эти страны были отрезаны от торговли, и одновременно громадные пространства воюющих стран были опустошены военными действиями.

В связи с значительным ростом цен на с.х. продукты имело место расширение посевов, а также производства продуктов животноводства в других странах, преимущественно в заокеанских странах, как США, Канада, Аргентина и Австралия. Увеличилась также продукция таких субтропических продуктов, как тростниковый сахар, кофе и т. д. (преимущественно в странах Караибской и Южной Америки).

Война на первых порах парализовала экономику США. Недостаток собственного торгового флота и блокада Германии и др. стран привели вначале к сильному сокращению экспорта США. В первую очередь пострадал с.-х. экспорт и особенно вывоз хлопка.

Одна лишь блокада Германии грозила лишить США вывоза трех с лишним миллионов кип хлопка. Урожай хлопка в 1914 г. был одним из самых высоких. Вскоре все хранилища и ж.-д. товарные склады были переполнены. Более 1 400 вагонов хлопка двигалось к порту Галь-весток. Повсюду в стране,—в больших и малых городах,—можно было видеть в витринах магазинов и читать в газетах громкие воззвания к согражданам: «Купи кипу хлопка и спаси Юг!» Урожай пшеницы был также исключительно высок, он впервые достиг цифры 891 млн. буш. При этом остатки от урожая 1913 г. составили 76 млн. буш. Если считать, что на потребление вместе с семенным фондом требовалось около 600 млн. бушелей, то излишек равнялся примерно 360 млн. буш. Между тем средний экспорт в предвоенные годы составлял около 100 млн.

буш. Ясно, что нельзя было и думать о реализации подобных излишков без резкого снижения цен.

Отдельные фермерские организации начали кампанию за хранение пшеницы, чтобы удержать цены на более высоком уровне; так, в штате Канзас фермерские организации согласились хранить в амбарах 100 млн. буш. Если бы вопрос контроля морей оставался долго не решенным, положение США, в частности их сельского хозяйства, могло бы стать весьма серьезным. Но Антанта, в первую очередь Великобритания, контролировала своим флотом моря и кроме того еще обладала большим торговым флотом, который был тотчас же использован для транспорта необходимого Антанте с.-х. сырья, пищевых продуктов и военной амуниции.

Таким образом, упадок американского экспорта, особенно экспорта с.-х. продуктов был не долгим. Ставши поставщиком Антанты, США не лишились окончательно и германского рынка, на который продавали продукты через нейтральные страны. Так, за 1914-15 г. Швеция ввезла 732 000 кип хлопка вместо прежних 44 000 Голландия—500 000 вместо 30 000; Италия—900 000 вместо 450 000 кип. Подобное же увеличение ввоза из США в отдельные нейтральные страны наблюдалось по салу и другим пищевым продуктам.

Спрос воюющих стран на с.-х. продукты был велик. Из стран, производящих и экспортирующих эти продукты, США были первыми из тех, которые в условиях войны могли удовлетворить эти возросшие потребности в продовольствии и с.-х. сырье, хотя часть спроса была удовлетворена другими заокеанскими странами. Благодаря большим возможностям в отношении тоннажа, меньшему расстоянию, меньшей угрозе подводных лодок и наконец благодаря большей способности финансировать свой экспорт, США,—а в отношении пшеницы также Канада, где площадь посева пшеницы увеличилась за время войны в два раза,—стали теми странами, к которым главным образом обратилась Антанта за нехватающими с.-х. продуктами—зерновыми, мясом, хлопком, кожей и др. (Увеличение военного производства и экспорта из более отдаленных стран, Аргентины и Австралии, пошло преимущественно в направлении продуктов животноводства, а именно мяса и шерсти.

Таким образом, в целях наживы во время империалистической войны эти страны, и в первую очередь США, расширили с.-х. производство.

В первый же год войны вывоз из США значительно увеличился против 1913/1914 г. В то время как ввоз за 1914/15 год упал на 11,7% (с 1 893 млн. дол. до 1 674 млн.), вывоз возрос на 17,1% (с 2 364 млн. дол. до 2 768 млн.).

В 1915 г. наибольший % роста дал вывоз продовольственных продуктов, являвшихся важнейшей статьей экспорта. При этом вывоз промышленного сырья и полуфабрикатов упал соответственно на 35,7 и 4,5 проц. Зато на 268,8% увеличился вывоз сырых продовольственных продуктов и на 54,4% вывоз обработанных и полуобработанных продовольственных продуктов. Экспорт мяса и

молочных продуктов вырос со 146,2 млн. дол. до 220,7 млн. Экспорт пшеницы — с 88 млн. дол. до 333,6 млн.

Увеличивающийся спрос европейских воюющих стран на американские с.-х. продукты создал конкуренцию среди скупающих эти продукты агентов заинтересованных стран. Огромные закупки усугубили спекуляцию и погнали цены вверх. Цена хлеба быстро росла.

Если до войны бушель пшеницы стоил 1 долл., если в начале войны он стоил 1,25 дол., и это представлялось фермерам верхом достижений, то ко времени вступления США в войну цена достигла 3,06 дол. Но это повышение цен лишь частично шло в пользу трудящихся фермеров, ибо оно сопровождалось непрерывным повышением издержек производства, особенно со времени вступления США в войну, когда требуемое увеличение производства было сопряжено с крайне высокими платежами за вновь приобретаемую или арендуемую землю. Когда в апреле 1917 г. Соед. Штаты объявили войну Германии, положение с запасами пищевых и кормовых продуктов в стране было неудовлетворительным из-за неурожая в 1916 г. Производство главных хлебных злаков, а именно пшеницы, кукурузы, овса, ячменя, ржи, гречихи и риса составило в 1916 г. сравнительно низкую цифру—4 806 млн. бушелей против 6 010 млн. буш. в 1915 г., 4 983 млн. в 1914 г и 4 884 млн. в среднем за 1910—1914 гг. Особенно низким был в 1916 г. урожай пшеницы. Из-за неблагоприятной погоды урожай озимой пшеницы в 1917 г. также обещал быть невысоким. Мировой урожай пшеницы в 1916 г. был неудовлетворительным, и виды на урожай 1917 г. были не лучше. Неважно обстояло дело и с картофелем. Урожай картофеля в 1916 г составлял лишь 285 437 млн. буш., в то время как в 1915 г. он был 359 721 млн. буш. и в 1914 г. 409 921 млн. буш., а средняя за пятилетие 1910—1914 была 360 772 млн. буш.

Положение, создавшееся ко времени вступления в войну по отношению к пшенице вызывало беспокойство правящих кругов США. Правда, запасы мяса и птицы, а также молочных продуктов были больше прежних, но спрос со стороны заграницы все возрастал, и одновременно рост экспорта этих продуктов увеличивался. Нехватка кормовых создала угрозу выращиванию скота уже в ближайшем будущем.

Угроза недостатка пищевых продуктов побудила правящие круги предпринять различные меры для сбережения продуктов. Были установлены дни, когда не следовало есть хлеба («безхлебные дни»), или мяса («безмясные дни»). Усилилась пропаганда за увеличение с.-х. производства. Небезинтересно отметить, что на Юге США специально велась кампания за «диверсификацию» производства, кропперов и других арендаторов, а также фермеров-собственников побуждали к сеянию собственной кукурузы, овса, овощей и т. п.

Покупка пшеничной муки была обусловлена покупкой соответственного количества субститутов. Всюду были развешены громадные плакаты:

«Береги мясо, береги пшеницу,— пища выиграет войну».

Душевое потребление этих продуктов за военные годы заметно уменьшилось. Так, общий расход пшеницы на питание и на корма составлял в США на душу населения в довоенные годы (1909—1913)—5,38 бушеля в год; а в 1914—1920 г.—5,04 буш. Душевое потребление мяса составляло до войны 151,3 фунта в год, а в 1914—1920 г.—139,9 фунта.

Опасения, что американский фермер не сможет своими силами увеличить продукцию настолько, чтобы прокормить союзническую и американскую армии и свое население, были весьма сильны. Представители крупного капитала вместе с правительством заговорили о реорганизации сельского хозяйства, о создании крупных акционерных сельскохозяйственных предприятий. Такое предприятие было создано в штате Монтона на выгодно арендованной у правительства земле. Так возникла ставшая впоследствии столь известной, финансированная Морганом пшеничная ферма Кембэла, которая обанкротилась во время нынешнего экономического кризиса.

Однако все эти мероприятия представляли собой менее чем полумеры. Необходимо было побудить фермера еще больше увеличить производство, не прибегая к дальнейшему повышению цен, за которое теперь расплачивались бы не только союзнические страны, но частично также и американский крупный капитал.

Приходилось рассчитывать на патриотические чувства фермеров. Были пущены потоки патриотической пропаганды.

Официальные пропагандисты «просвещали» фермеров, что они являются самым важным элементом общества: все зависело от них— экономическое процветание страны, ее безопасность, прогресс и величие; фермер кормит всех остальных, от его прилежания и трудолюбия зависит жизнь всех других, его патриотические усилия сделают возможным ведение «великой» войны и победу. Каждый фермер «во имя великого дела» должен напрячь все свои силы и увеличить свое производство.

Главнейшим агитационным лозунгом военных заправил стал тогда лозунг: «Пища выиграет войну».

Но для дальнейшего расширения площадей посева необходим был добавочный капитал, тем более, что при вступлении США в войну правительство фиксировало цену на пшеницу в 2,20 дол. между тем как рыночная цена к тому времени превысила уже 3 дол. за бушель.

Местные банкиры, финансируемые крупными центральными банками, с благословения правящих кругов щедро кредитовали фермеров как для покупки баснословно дорого стоящей земли, так и для покупки живого и мертвого инвентаря. Эта легкость кредита, ставшая приманкой для фермера, оказалась фатальной для его будущей судьбы. Одна лишь ипотечная задолженность американского фермера увеличилась с 3,3 млрд. дол. в 1910 г. до 7,9 млрд. долларов в 1920 г.

При этом добрая доля приобретенных земель была далеко не из лучших, а наоборот, представляла средние или даже ниже-средние земли по плодородию.

Если экономические стимулы в форме широкого кредита и более благоприятных цен оказывали свое действие на зажиточные и середняцкие слои фермерства, то патриотическая агитация и пропаганда войны достигала менее благоприятных для буржуазии результатов. В общем война была мало популярна в США. Доказательством этому может служить между прочим и тот факт, что, несмотря на громадную кампанию военной пропаганды и агитации, число добровольцев было сравнительно низкое. Показательно также то, что в ответ на требование увеличить продукцию, делегация фермеров предложила правительству освободить их сыновей от воинской повинности для хозяйственных работ.

Особенно слабый успех имела среди фермеров официальная пропаганда в северо-западных и западных штатах, где испытывала в то время свой расцвет вышедшая из социалистической среды фермерская «Беспартийная Лига». При всей своей политической ограниченности эта мелкобуржуазная организация была резко настроена против крупного трестифицированного капитала и, несмотря на предательство вождей, относилась враждебно к империалистической войне. Очень популярны среди фермеров, связанных с лигой, были речи о том, что война является делом богатых, что задача ее—увеличить задолженность страны, сосредоточить ценные бумаги в руках банкиров и повысить прибыли крупных промышленных корпораций. Весьма популярным лозунгом было требование радикального обложения крупного капитала для финансирования войны.

Организаторы «Беспартийной Лиги» арестовывались и избивались бушевавшими в то время патриотическими бандами, собрания фермеров разгонялись, а ораторы нередко лишь бегством могли спасти свою жизнь.

Преследования Фермерской «Беспартийной Лиги» бледнеют однако перед свирепостью, с которой национально-патриотические круги обрушились на с.-х. рабочих, боровшихся под руководством организации «Индустриальных рабочих мира» с безграничто растущей эксплоатацией. Организатор стачечной борьбы и рядовых стачечников жестоко избивали, нередко калечили, гноили по тюрьмам и подчас убивали.

Фермерские массы за исключением зажиточных слоев, не столь сильно нуждавшихся в срочном кредите, имели достаточно оснований быть недовольными. В то время как поставлявшим военные припасы промышленникам правительство специальными договорами гарантировало покрытие всех издержек и высокую прибыль, фермерской семье, лишенной помощи молодого мужского поколения, приходилось тяжело трудиться над поднятием целинных земель, превращением пастбищ в поля и т. д.

Не имеющий собственного капитала фермер со своим заложенным и перезаложенным имуществом все более и более закабалялся банкиром.

Нужны были новые лозунги, которые бы успокоили и воодушевили волновавшиеся массы рабочих и фермеров. Речи о том, что эта война есть-де война за мировую демократию, за вечный мир, «война, которая должна покончить с войнами» и т. п., действовали слишком слабо. На сцену выдвигается новая демагогическая концепция, сводившаяся к тому, что после войны придет новая эра, (New day)—эра правления простонародья. Для фермеров эта новая эра должна была означать «справедливые» цены на его продукты, освобождение от гнета трестов.

Конец войны в ноябре 1918 г. застал еще в США громадные запасы промышленных и продовольственных товаров, требовавших скорейшего сбыта. Это заставило американский финансовый капитал безотлагательно заняться «восстановлением нормального хозяйства» в Европе.

Несмотря на явно плохую конъюнктуру в Европе и неблагоприятные валютные условия, американскому капиталу удалось удержать экспорт на высоком уровне, благодаря прямому и косвенному финансированию его. Последнее заключалось в поддержке покупательной способности импортеров инвестициями американских акций в заграничные предприятия.

Особое внимание было уделено экспорту с.-х. продуктов.

Еще в период военной производственной пропаганды фермеров уверяли в том, что им нечего опасаться перепроизводства, так как и после окончания войны изголодавшийся мир поглотит всю продукцию, которую они смогут выбросить на рынок, и притом дорого за нее заплатит. По окончании войны с.-х. производство США не сократилось, а наоборот, продолжало расширяться.

Наибольший рост цен на с.-х. продукты имел место в 1919 и в начале 1920 г. Эти годы дали максимальный подъем валового и чистого фермерского дохода.

Проиллюстрируем это цифрами:

Стоимость с.х. продукции

Годы	Млн. долл.
1911	8 819
1912	9 343
1913	9 849
1914	9 895
1915	10 775
1916	13 406
1917	19 331
1918	22 480
1919	24 982

Согласно данным Национального Бюро экономических исследований средняя прибыль на капитал, вложенный в сельское хозяйство, повысилась с 3,6% в 1909 г. до 8,9% в 1917 г., 10,7% в 1918 г. и 11,2% в 1919 г. Эти проценты, будучи низкими по сравнению

с баснословными прибылями американских крупных промышленников, банкиров и торговцев, являются весьма высокими для американского фермера. Правда, эту прибыль загребали главным образом зажиточные фермеры.

Благодаря высоким ценам на с.-х. продукты война стала периодом наибольшего их производства и одновременно мнимого благополучия американского фермера.

В то же время неимоверно росла земельная спекуляция. Цена на культивируемую землю увеличилась, в среднем, по стране с 58 дол. за акр в 1912 г. до 107 долл. в 1920 г.; но в штате Айова, одном из наиболее производительных с.-х. штатов среднего запада, цена на акр поднялась с 106 долл. до 255 долл., а ипотечная задолженность в этом штате увеличилась с 26,63 на акр в 1910 г. до 63,19 в 1920 г. Когда осенью 1920 г. сельское хозяйство США было повержено в острейший с.-х. кризис, американские фермеры тотчас же почувствовали, во что обойдется так щедро предоставленный им раньше «свободный кредит».

Большие доходы, полученные ими в период войны и в 1919—1920 гг., быстро перекочевали в кассы крупных банкиров и других крупных капиталистов. И не только доходы, но весьма часто и все фермерское имущество.

Разразившийся в 1920/21 г. аграрный кризис характеризовался катастрофическим падением цен на с.-х. продукты. Уже в 1921 г. они превышали довоенный уровень только на 10%, вместо 135% превышения еще в мае 1920 г. Цена на хлопок за один год с 37 центов за фунт понизилась до 9 центов; цена на шерсть пала с 53 ц. до 15 ц. за фунт; цена на пшеницу—с 2,58 дол. за бушель—до 92 центов; на кукурузу—с 1,85 дол. до 41 цента. Цена на рогатый скот понизилась вдвое.

Не подлежит сомнению, что столь резкое падение с.-х. цен до известной степени было вызвано политикой финансового капитала, который, с одной стороны, ограничил кредитование вывоза, а с другой,—повел особо резкую кредитную политику по отношению к задолжавшимся фермерам.

Чтобы заставить фермеров немедленно сократить объем производства и ликвидировать имеющиеся у них запасы, центральные банки так наз. федеральной резервной системы круто повысили учетный процент, особенно в с.-х. округах, где он увеличился с 4,6 в октябре 1919 г. до 7,4 в ноябре 1920 г. Этим мероприятием, а также требованием ликвидации задолженности центральные банки отрезали кредиты мелким с.-х. банкам, которые в виду этого в свою очередь потребовали свои ссуды от фермеров. Последним не оставалось ничего другого, как расстаться со своими запасами, живым инвентарем, а нередко со всем своим хозяйством.

Повсеместно обвиняли банки в том, что они преднамеренно вызвали дефляцию цен в интересах крупных держателей ценных бумаг. Но мало того, что с наступлением кризиса трудящийся фермер наряду с промышленным рабочим сделался жертвой хозяйнича-

ния финансового капитала во время войны, капиталисты пытались еще убедить этого фермера, что виной его положения является леность, отсутствие бережливости, неумение хозяйничать, даже просто каприз. Так, один из крупнокапиталистических экспертов по вопросу о положении фермеров, заявил следующее:

«Фермеры скоро вполне оправятся, если только они возьмутся за работу и будут терять меньше времени на разъезды в автомобилях».

Другие представители капитала уверяли фермера, что он в лучшем положении, чем другие предприниматели, ибо на худой конец он всегда может прокормить себя и свою семью. Это было в то время, когда, как показали специальные обследования, фермеры в состоянии были тратить на содержание по 15 центов на человека в день.

Ясно, что трудящимся фермерам, купившим свои фермы в военное время за большие деньги и производившим в обстановке высоких цен, трудно было приспособиться к низким ценам.

«Замороженные кредиты» и тысячи банкротств мелких с.-х. банков, потоки обанкротившихся фермеров, стремящихся в города, и масса покинутых ферм—вот к чему свелось послевоенное «приспособление» сельского хозяйства к новым условиям.

Сотни тысяч фермерских домов зияли пустотой вследствие массового бегства фермеров в города. Для массы же «уцелевших» фермеров процесс дефляции означал жестокую и длительную борьбу за невозможность выплачивать высокую аренду и большие проценты по ипотечной задолженности. Многие из них вынуждены были бросить фермы, оставив все добро кредиторам.

Таким образом, империалистическая война создала исторические условия для аграрного кризиса в США и радикализации фермерства в Соед. Штатах.

После первой фазы аграрного кризиса (1920—21 гг.), возникшего уже на базисе всеобщего кризиса капитализма, сельскохозяйственная продукция США снова начала возрастать. Этому способствовали финансовое давление со стороны США на некоторые страны Европы и переход мирового хозяйства к восстановительному периоду, в связи с чем еще продолжался спрос на хлеб Соед. Штатов Америки. На сцену выступает, кроме того, программа «экономического планирования», программа «реорганизации» сельского хозяйства, согласно которой фермер не будет больше страдать ни от пресловутых «ножниц», ни от перепроизводства. Все это наступит в результате «договоров» с правительственными органами относительно сокращения и «регулирования» производства на основе предписанных цифр.

В 1923 и 1924 гг. производство пищевых продуктов в Европе все еще было на 13% ниже довоенного, в то время как производство Сев. Америки—на 19% выше довоенного. В 1928 г. Европа превысила довоенное производство на 8%, а в последующие годы еще больше, но производство Америки продолжало подниматься

и в 1928 г. было на 25% выше довоенного. Мировое производство продовольственных продуктов, которое в 1923/24 было лишь на 3% больше производства 1913 г., в 1928 г. превысило его на 16%. В цифрах на душу населения это давало повышение на 6%. Между тем жизненный уровень масс все более понижался против довоенного. Промышленный подъем 1922—1929 гг. смягчил, правда, результат первой послевоенной фазы аграрного кризиса, но не был в состоянии изжить результатов общего кризиса капитализма. Взрыв мирового промышленного кризиса осенью 1929 г. весьма резко обострил ситуацию сельского хозяйства США и до крайности ухудшил положение широких масс фермерства.

Ход мирового кризиса—крайнее падение цен, банкротство фермерских хозяйств, сокращение производства, рост аренды и задолженности и, наконец, развитие фермерского движения были детально обрисованы на страницах нашей печати, и останавливаться на характеристике настоящего кризиса нам нет надобности.

Небывалый по силе экономический кризис на фоне общего кризиса капитализма потряс всю экономику США, и буржуазия чрезвычайно усилила эксплоатацию рабочего и трудящегося фермера. Поднялась высокая волна фермерского недовольства. И снова на сцену выплыла идеология «Новой Эры», сопряженная на этот раз с большим количеством новых законов и мероприятий в области сельского хозяйства, являющихся, собственно говоря, дальнейшим развитием послевоенного фермерского законодательства, вызванного кризисом 1920/21 гг. Экономический и социальный смысл нынешнего «разрешения» фермерского вопроса остается тот же, что и в прежних программах финансового капитала. Это программа оказания непосредственной помощи крупным фермерам и банкам за счет разорения и вытеснения трудящихся фермеров. Она ярко выражена словами Виргилия Иордана, экономиста известной предпринимательской научно-исследовательской организации «Национально-Промышленный Совет».

> «...я не вижу никаких других перспектив, кроме ликвидации от двух до трех миллионов фермерских хозяйств в течение ближайших десяти лет».

Но на этот раз недовольство и борьбу американских фермеров возглавляет не реформистская политическая организация, а революционная лига фермерского единства.

Послевоенная история фермерского движения, история и характер всех этих «фермерских» и «прогрессивных» блоков, партии Ляфолета и различных «лейбористско-фермерских» партий, послужила для трудящегося фермерства положительным уроком. Оно уяснило себе теперь, что для успеха фермерского движения необходимо учитывать классовую диференциацию деревни, что необходимо опираться на революционное движение с.-х. рабочих, что победить можно только под руководством городского пролетариата. Поэтому вполне последовательно Лига фермерского единства сосредоточила свою деятельность на беднейших слоях фермерства, прежде всего

на арендаторах-издольщиках Юга, а среди них на наиболее эксплоатируемой их части — неграх-кропперах.

Американский крупный капитал с боязнью следит за тем поворотом, который происходит в бедняцко-середняцкой массе американского фермерства и в массах с.-х. пролетариата.

Авторы гуверовской монументальной работы «О социальных тенденциях» в одном из томов пишут:

> «Социальный эффект этого новейшего, последовавшего за депрессией, роста аренды и увеличения задолженности, трудно предвидеть. Положение наверное более серьезное, чем оно было в 1920 г. Фермер, который из положения собственника попал обратно в положение арендатора, прошел через психологический, равно как и экономический, опыт, который его сильно затронет. Невозможно учесть здесь эти последствия; однако в процессе нашей работы на местах выступали наружу некоторые интересные факты. Существует широко распространенный и достаточно сознательный интерес к России, сдержанные выражения одобрения некоторых особенностей российской системы со стороны видных фермеров и даже маленьких фермерских групп, что имеет место и на Юге».

Трудящиеся фермеры все больше начинают искать выход из своего тяжелого положения в революционной борьбе по примеру рабочих и крестьян б. царской России. Огромные социалистические завоевания Советского Союза, интерес к которым со стороны трудящихся фермеров подтверждают даже авторы гуверовской работы, указывают им, что революционный путь это единственный путь выхода из разорения, бедствий и голода.

Д. КОЛОНИУС

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ АРМИИ

«Империалистическая война разбудила Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция вооружали колониальные народы и помогали тому, чтобы научить их пользоваться военной техникой и усовершенствованными машинами. Но этой наукой они воспользуются против господ капиталистов».

Ленин. Соч., т. XVI, стр. 389.

1. Туземные войска—орудие империалистической политики

Уже на ранних этапах колониального проникновения капиталистические захватчики широко используют как военную силу покоренных ими туземцев. Но буржуазия метрополии прекрасно понимает всю непреодолимость противоречия между ней и туземными трудящимися. Поэтому от широкого обучения туземцев опасному искусству вооруженной борьбы хозяева колоний стараются воздержаться. Они предпочитают вербовать из туземцев в армию лишь наемников, преимущественно—из деклассированных слоев города и деревни. Так, в британских колониях набор туземцев в армию производился исключительно путем «вольного» найма. Во французских же, а наша работа строится преимущественно на материале французских колоний, наиболее нам знакомом,—существовало одно исключение. Это—Тунисия. Здесь в 1892 году была введена воинская повинность, по-видимому—на основе существовавшей до оккупации туземной системы принудительного набора. В 1910 г. во французской армии находилось около 37 000 туземцев, в Алжире—19 000[1] человек, в трех «старых» колониях — Мартинике, Гваделупе и о-ве Собрания—около 3 000[2] и в Тунисии—15 000[3].

Но когда приближение империалистической войны стало ощущаться совершенно ясно—в 1912 году, буржуазия метрополии усилила вовлечение туземцев в армию: «вольного» найма оказалось недоста-

---

[1] Girault, Traité de colonisation et de législation Coloniale, V. 3, 492. 1928.
[2] Ibid., II, 2. 251. 1929.
[3] Ibid., стр. 491. По данным Annuaire du Monde Musulman, 1927,—9 тысяч.

точно. Была введена воинская повинность в Алжирии. В следующем 1913 г. был произведен первый широкий набор и в «старых» колониях—в Мартинике, Гваделупе, Французской Гвиане, на о-ве Собрания[1]. В остольных колониях был пока сохранен прежний принцип.

Вспыхнула мировая война. Широкая мобилизация в метрополии сопровождалась интенсивной мобилизацией и в колониях. Наибольшая часть рекрутированных туземцев отсылалась на фронты—во Францию или к границам немецких колоний в Африке, часть направлялась на тыловые работы и военные заводы и часть была превращена в батраков и отправлена в качестве полубесплатной рабочей силы на фермы французских аграриев. Когда Молох пожрал первые миллионы жертв и потребовал новых, правительство, наряду с очередными мобилизациями во Франции, распространило воинскую повинность и на четыре привилегированных туземных округа Сенегала, население которых издавна было уравнено в избирательных правах с французами.

Более полное представление о колониальных войнах французской армии в годы мировой войны дает приводимая нами ниже таблица (см стр. 120).

Приведенные в таблице данные не полны. В частности, не учтены туземцы, погибшие в годы войны в Марокко, Того, Камеруне, умершие на тыловых работах, погибшие после окончания войны от болезней и т. д.

Два слова о классовом составе туземной армии.

Большинство туземцев в империалистической армии составляли крестьяне. Так, например, из 9 160 туземцев департамента Алжира убитых или пропавших без вести было 7 423 крестьян, 644—рабочих, 708—военных по профессии (повидимому, в громадном большинстве тоже крестьяне,—Д. К.) и 21 интеллигент[2].

Мировая война была приостановлена революционной волной, поднятой советской революцией в России. Чтобы разрядить революционное напряжение в массах и возмущение против виновников войны, господствующие классы во Франции в 1923 г. сократили срок военной службы для французских солдат с довоенных трех лет до 18 мес. А в 1928 г. срок этот был уменьшен еще раз — до одного года.

Но все это не касалось колониального населения. Наоборот, туземцы всех колоний, где была введена воинская повинность, должны были продолжать служить, как и до войны, три года. Лишь для уроженцев Алжирии был установлен двухлетний срок. Больше того,

---

[1] Закон о воинской повинности «креолов», т. е. туземцев «старых» колоний—Мартиники, Гваделупы, О-ва Собрания, Французской Индии,—пользующихся гражданскими правами, был издан в 1889 г. Но относительная стабильность междугосударственного положения позволяла не осуществлять его в полной мере. Фактически набиралось всего лишь около 3 000 человек (см. выше). Лишь в 1913 г. был произведен первый полный набор.

[2] По данным «Afrique Latine», 25/XI—22.

Туземцы во французской армии в годы мировой войны

	На фронте			В тылу[3]	
	Зачислено	Прибыло в Европу	Погибло и пропало без вести	Зачислено	Прибыло в Европу
Алжирия	172 800	172 800	56 000[1]	78 550	75 864
Тунисия	60 000	60 000	15 000[1]	28 950[1]	18 538
Марокко	37 150	37 150	9 000[1]	35 500	35 010
Сенегал	7 199	5 662	768	—	—
Франц. Зап. Африка	163 602	134 210	24 762	—	—
Франц. экватор. Африка	17 910	—		—	—
Мадагаскар	41 355	34 386	2 368	6 000	5 535
Индокитай	48 922	43 430	7 516[2]	51 000	48 981
Сомали	2 434	2 088	517	—	—
Тихоокеанские колонии	1 067	1 026	290	—	—
Прочие колонии	31 011	23 886	2 692	—	—
	583 450	**514 638**	**118 913**	**200 000**	**183 928**

Жиры пишет:

«Услуги, оказанные в эту эпоху (мировую войну) черными войсками и желание облегчить военные тяготы французов заставили государственную власть шире призвать туземный элемент» (Traité de colonisation et de législation Coloniale, VIII, стр. 255).

Но не только стремлением ослабить «тяготы французских граждан» руководились господствующие классы метрополии при решении вопроса о туземном элементе в армии. Послевоенная Европа продолжала оставаться вулканом, временно утихшим, но отнюдь не погасшим. К прежним противоречиям присоединились новые. И империа-

[1] Cirault, Principes de colonisation et de législation coloniales, V, III, 2, p. 496. 1928 u. Sarrault. La mise valeur des col. franç., p. 41.

[2] Вместе с общим для последних шести колоний числом пропавших без вести.

[3] Данные о количестве туземцев, погибших в тылу, не опубликованы.

листический мир стал готовиться к новой войне. Это обстоятельство, а также обострение классовой борьбы в стране заставили господствующие классы метрополии еще больше, чем в предвоенные годы (1912—1913 гг.), усилить вербовку туземцев в свою армию. Воинская повинность после войны была распространена на все колонии Франции. В 1919 г. она была введена во Французской Западной Африке, Французской Экваториальной Африке, Мадагаскаре, Сомали и Тихоокеанских колониях, в 1923 г.—в Индокитае. Сравнительно с 1910 г. количество колониальных солдат во французской армии изменилось в послевоенные годы следующим образом:

Туземцы во французской армии [1]

	1910 г.	1928 г.
Алжирия	19 000	104 000
Тунисия	15 000	—
Марокко	—	48 000
Франц. Западная Африка	—	11 350
Мадагаскар	—	30 270
Индокитай	—	
	34 000	**193 620** [2]

Численность французской армии вместе с туземными солдатами в 1928—1930 гг. была 522 500 (в т. ч. 29 000 офицеров и 490 000 солдат). Таким образом туземцы составляли 193 620 чел. или 37,3%[3]. Приблизительно такой же процент они составляют и в настоящее время[4].

Но из 193 620 туземцев только небольшая часть остается на родине. Остальные направляются в другие колонии и метрополию. «Туземная армия воюет в Марокко и Сирии, несет охрану на Рейне, гарнизонную службу во Франции, Алжирии, Тунисии, а также обеспечивает безопасность внутри и на границах названных колоний», пишет генерал Манжо.

По данным депутата Нуэля, в пределах группы стран, близких к своей родине, но вовсе не непременно в последней, служило 70 000 малоафриканцев. Остальные 34 000 находились в метрополии и различных колониях Черной Африки и Азии. Из 48 000 западно-африканцев бодрствует у трехцветного знамени в колониях 20 000, а в метрополии и различных владениях—28 000. Из 30 000 индокитайцев остаются в Индокитае 16 500, а 13 500 отправляются за пределы его. Из 11 350 мадагаскарцев только 3 100 пребывает в своей стране. Остальных 8 250 правительство отправляет за пределы Великого острова, присылая на их место французские части и туземцев других колоний. Министр колоний г Пьетри в июне 1930 г. определенно заявил в Палате Депутатов, что крупным дефектом в системе

---

[1] По Debats Parlementaires, Chambre des Deputés, 4/XII—1928 г.

[2] По данным генерала Манжо, La main d'ocuvre coloniale, Asie Française, Septembre—Octobre 1929, p. 297, во Франц. Экватор. Африке рекрутировалось еще 2 550 чел. Цифры относятся к 1920/24 гг.

[3] Raymond Dubled, Depêche Coloniale, 12—13/I—1934 г.

[4] Туземцы служат преимущественно в пехотных и кавалерийских частях.

охраны Индокитая было недостаточное перемешивание аннамитских гарнизонов с французскими. Вследствие этого целые районы во время восстания фактически оказались во власти туземных войсковых частей. Поэтому правительство и направляет в колонии французские по национальному составу части. Однако, численного преобладания французов в армии правящие классы достигнуть не могут,—нехватает французских частей. Общее количество «нижних чинов» и офицеров в колониях 197 400. Из них французов — только 58 400, а 139 000—туземцев. Поэтому-то правящие круги и заботятся, чтобы алжирцы стояли в Сенегале, сенегальцы—в Алжирии и Сирии и т. д., и чтобы они были перемешаны с французскими частями.

Приблизительно 50-60 тыс. туземцев квартируют на территории Франции. Размещение такого количества часто весьма отсталых людей, обученных только владению винтовкой и понимающих только специально подготовленных белых офицеров, необходимо господствующим классам для «успокоения» революционного движения в метрополии. Поскольку антиправительственная пропаганда среди этих войск крайне затруднена, господствующие классы считают их более «надежными», чем белых солдат.

Что касается правового и морального положения туземного солдата, то оно чрезвычайно тяжелое. Кроме незначительной группы креолов (туземцев «старых» колоний) и еще более ничтожной кучки туземных буржуа и феодалов различных колоний, удостоившихся французского гражданства, туземное население колоний гражданскими правами не пользуется. Они не граждане, а только подданные. Туземные же солдаты — сугубо бесправны .Они не имеют ряда льгот, предоставляемых французам в отношении отсрочек поступления на службу и права на льготные сроки службы по семейному положению. При этом они служат вдвое и втрое больше французов. Они не могут ни в коем случае продвинуться по службе выше чина капитана или поручика. Да и в эти чины производятся лишь в редчайших случаях самые «заслуженные» солдаты, преимущественно из сыновей туземных феодалов или буржуа. Обычно же предельным является чин подпоручика (су-лейтенанта). Таким образом, почти весь командный состав в цветных частях — европейский. На туземный батальон допускается не больше одного туземного капитана.

Морально цветные солдаты угнетены и подавлены.

В британской (англо-индийской) армии туземец-солдат—столь же бесправен, как и во французской. Редкий профессиональный военный-туземец добивается производства в майоры. Обычно он не поднимается выше лейтенантского чина. Все высшие и средние, а также — часть низших командных должностей заняты англичанами. Жалование и паек выдаются туземцу в гораздо меньших размерах, чем англичанину. Вот несколько цифр: ежемесячно англичанин-майор получает 1 700 рупий, туземец — 200 рупий, лейтенант 1-го ранга соответственно — 640 и 150, 2-го ранга — 500 и 100, штаб-сержанты—

200 и 23, унтерофицер—170 и 17, рядовые солдаты — 60-75 и 11. Не менее характерно различие в солдатских продовольственных пайках. Ежедневно в мирное время англичанин-солдат получает мяса или рыбы 400 г, а туземец — 100 г, сахара соответственно — 70 и 38 г, чая—15 и 8 г, картофеля 250 и 50 г, соли 17 и 8 г. Общий вес дневного пайка первого 1 423, а второго—976 г[1].

Изложенное приводит к следующим выводам:

1. Значение туземного элемента в армии изменялось соответственно изменению междугосударственного и внутреннего политического положения метрополии. Можно установить *четыре* периода процесса вовлечения туземцев в армию

Первый — с самого начала эпохи империализма по 1910 год. В этот период господствующие классы метрополии стремятся не создавать *массовой* туземной армии, а ограничиваются вербовкой наемников из деклассированных элементов деревни и города. Поэтому доля туземного элемента в армии была *невелика*.

Второй—период форсированной подготовки к мировой войне—1911—1913 гг. Стремясь усилить свою мощь в виду надвигавшейся войны, буржуазия вводит воинскую повинность в колониях—не без опаски и очень осторожными темпами. Доля туземцев в армии *увеличивается*.

Третий — мировая война. Подстегиваемая острой опасностью военного разгрома, буржуазия вводит воинскую повинность в ряде других колоний и расширяет мобилизацию туземцев. Она доводит количество их в армии до *крупных* размеров.

Четвертый — период, совпадающий с подготовкой к *новому туру войн и революций*. В виду нового напряжения междугосударственных отношений и внутреннего положения в метрополии воинская повинность распространяется почти на все крупные колонии. Количество туземцев в армии сравнительно с предвоенным непрерывно *возрастает*. Ныне оно почти в 5½ раз больше предвоенного.

2. В настоящее время туземцы составляют свыше трети всего эффективного состава армии, а в пехоте и кавалерии—еще большую часть.

3. Туземцы-солдаты размещены преимущественно по чужим колониям и в метрополии. Они должны служить бессловесным орудием борьбы и *с внешним* врагом и *с внутренними* «беспокойными элементами».

Туземец-солдат совершенно бесправен и морально подавлен, ибо казарменный режим усугубляет национально-классовый гнет империалистической буржуазии.

---

[1] По Маздуру, Британский Империализм в Индии, 1933 г. стр. 146.

II. Туземные войска как источник опасности для империалистического господства

С 1927-29 империалистическая общественность во Франции стала выражать относительно туземных солдат пожелания весьма неожиданного характера. «Морская и Колониальная Лига», влиятельнейшая организация империалистической буржуазии выносит в середине 1929 г. постановление:

— «Необходимо постепенно сокращать посылку туземных войск в метрополию»[1] так как 1) наши африканские солдаты, мадагаскарские, а также индокитайские стрелки, не способны выносить европейского климата, 2) доставка во Францию этих войск и возвращение их на родину по истечении срока службы обходится очень дорого в виду того, что нынешние цены их перевозки очень высоки».

В этой связи уместно напомнить следующее. Господин Жорж Буссно, редактор влиятельного органа французского колониального капитала «Колониальная пресса» поставил проблему целесообразности содержания цветных войск во Франции перед Верховным Колониальным Советом еще в 1927 г. Однако, г. Буссно мотивировал свое предложение, по существу совершенно аналогичное предложению «Морской и Колониальной Лиги», совсем по-иному:

«В период, когда наши заморские владения настойчиво призываются (очевидно, метрополией,— Д. К.) сделать максимальные усилия для развития своего производства, нелогично побуждать их к усилиям в области хозяйственной жизни и в то же время лишать их путем воинского набора наиболее здоровой части населения. Хорошо, если эти солдаты использовались бы во Франции для непосредственно-военных целей. Но мне удалось установить из официальных источников, что в гарнизонах метрополии от 60 до 80% туземных солдат используются для целей, не имеющих ничего специфически военного. Они — курьеры, дневальные, уборщики, вестовые... Они, по образному выражению одного генерала колониальной службы, «армейские лакеи». В таком случае нет оснований ввозить их из колонии в метрополию с затратой крупных средств. Для целей, указанных выше, можно использовать и белых солдат и вольнонаемных военно-служащих».

Но эти доводы для Буссно — не самые важные. Гораздо больший вес он придает такому аргументу:

«Среди туземных стрелков, возвращающихся из Европы на родину, часто наблюдаются весьма нехорошие настроения. Эти настроения неоднократно вызывали у администрации и колонистов (читай,— французских помещиков колоний,— Д. К.) возмущение. Г. Ронде-Сэн, недавно соверши-

[1] «Presse Coloniale», 1/V-1929 г.

ший поездку по Западной Африке, не мог не слышать от наших администраторов и колонистов жалоб на новый, вызывающий беспокойство дух некоторых черных стрелков, вернувшихся из Франции после более или менее продолжительного в ней пребывания. По расследовании выяснилось: большинство бывших солдат, поведение которых по прибытии на родину оказалось недостаточно корректно, во Франции находилось именно в категории этих самых «армейских лакеев»... Ничего подобного, однако, не было замечено в поведении тех солдат,— за некоторыми, впрочем, исключениями,— которые, находясь в метрополии, состояли в строю. В чем же причина порчи нравов этих бывших «лакеев»? А вот в чем. Так как эти последние, находясь во Франции, пользовались большой свободой передвижения по городу, где стояли гарнизоны, то имели возможность по уходе из казармы посещать некоторые штатские кружки. Среди последних они научились таким идеям и таким теориям, которые для их молодых мозгов являются совершенно неперевариными. К тому же, эти теории вообще не всегда являются наилучшими и наиболее подходящими»[1]

Если перевести эти эзоповы фразы на обыкновенный язык, то получится следующее: туземный солдат, находящийся на военной службе во Франции, заражается коммунистическими антимилитаристическими идеями и по возвращении с военной службы начинает вести активную борьбу против империалистов и собственных помещиков и буржуазии.

В сентябре 1929 г. видный колониальный деятель, Рондэ-Сэн, ставит тот же вопрос в «Колониальной Депеше» («Depêche Coloniale»). Он утверждает, что картины, которые туземец-солдат наблюдает ежедневно на улицах французских городов, не способствуют поднятию в его глазах авторитета белого человека. Больше того, Чем более развит сенегалец, тем сильнее в нем развивается чувство некоторого презрения к нам» («un certain mepris a notre égard»).

Затем он делает следующее важное заявление.

«Французы, с которыми мы беседовали в Сенегалии и в Судане, в Верхней Вольте и на Слоновом Берегу, единогласно обращали внимание на тяжелые последствия пребывания африканских туземцев в метрополии. В некоторых случаях эти последствия приобретали характер совершенно опасный»[2].

В чем эта опасность заключается,—поясняет газета «Военная Гвинея» («La Guinée Militaire»), выходящая во Французской Западной Африке в области Гвинея.

«Среди туземцев, побывавших во Франции, падают дисциплина и дух подчинения, при чем, это падение дисциплины чувствуется почти всегда среди бывших сол-

[1] „Presse Colonial".
[2] «Depêche Coloniale», 4/IX—1929 г.

дат, получивших некоторый чин (например, капралов) или знаки отличия. Отсюда вытекает, что чем туземец-солдат развитее, чем более он способен итти вперед по служебной линии, тем сильнее сказывается на нем вредное влияние пребывания в Европе»).

Этому же вопросу посвящает интересную статью в «Колониальной Депеше» от 30 ноября 1930 г. Раймон Дюблед (псевдоним). От ставит проблему значительно шире: нужны ли вообще туземные солдаты Франции? Ответить на этот вопрос категорически он не решается и дает уклончивую формулировку, которая сама по себе весьма любопытна: ...«рекрутируя в колониях туземцев в солдаты, мы должны предпочесть качество количеству», ибо чем больше французская администрация рекрутирует цветных подданных, тем больше приходится «выдвигать из их же рядов низших командиров». А «пройдя определенные школы, открываемые для них, они становятся гордыми». Иначе говоря, г. Дюблед присоединяется к точке зрения г. Рондэ-Сэна, что источником революционной заразы являются наиболее развитые из туземцев. Особую опасность г. Дюблед, как и Рондэ-Сэн, усматривает в туземных солдатах, получающих некоторый военный чин.

Итак, «Морская и Колониальная Лига» по-христиански жалеет бедных негров,—французский климат вызывает у них туберкулез. Господин Буссно насчет туберкулеза согласен. Но он считает не менее важным и то, что часть туземных солдат, особенно нестроевая, легко поддается революционной пропаганде, проводимой рабочими метрополии. Господин Рондэ-Сэн тоже жалеет черного меньшого брата. Он согласен насчет опасности революционной агитации среди цветнокожих. Но он полагает, что самая серьезная опасность кроется не в темных и слабоумных «племянниках» Республики, а именно в наиболее здравомыслящих и способных из них. Господин же Дюблед не только присоединяется к требованию Лиги, Буссно и Рондэ-Сэна об уменьшении численности туземных солдат во Франции до минимальных пределов, но он рекомендует вообще сократить количество заморских «кузенов», обучаемых владеть оружием. Но наиболее четко ставит вопрос о заражении туземных солдат революционными идеями газета «Фигаро». В номере от 11 октября 1931 г. была помещена статья некоего «Jelius» под заглавием «Опасная эволюция туземной армии». Автор статьи говорит, что французский по национальному составу контингент армии ныне остается под знаменами лишь один год, т. ч., эта армия представляет собой как бы военную школу массового типа. Основная живая сила французского контингента не в строю, а в резервах, не профессиональная, а массовая. Уменьшение действительного состава французского контингента в некоторой мере компенсируется набором туземцев, которые служат в 2-3 раза дольше французов. Но с введением воинской повинности в колониях численность обученных военному делу цветных резервов тоже сильно выросла. А отсюда туземная армия,

имеющая, кроме значительного действующего состава, крупные резервы, также становится армией *массовой*. Но укрепление обороны метрополии этим усилением вербовки туземцев достигнуто «в весьма относительной степени». Зато «это усиление ставит под серьезную угрозу не менее важную безопасность всех владений за морями». В самом деле:

> «большая часть туземного населения оказывается обученной военному делу в период, когда французские силы, рассеянные по всему миру, все больше сокращаются. Если возникнет европейский конфликт, последние придется еще больше сократить (в колониях,—Д. К.). Таким образом, *порядок в колониях будет зависеть от туземного населения, военно-обученного*».

Далее следует довольно откровенная формулировка уже изложенного выше тезиса о разлагающем влиянии метрополии на туземных солдат[1].

Затем автор спрашивает,—«до какого момента эти *резервисты согласятся одевать форму, чтобы притти на помощь* «дорогому отечеству»? Повидимому, отныне наиболее целесообразно на их помощь слишком сильно не рассчитывать. *Политическая эволюция, уже вырисовывающаяся* в различных владениях, может лишь подтвердить *основательность этих опасений*». Отсюда автор заключает:

> «Политические трудности, которые начинают становиться серьезными в различных владениях, наиболее часто имеют отправным пунктом пребывание во Франции туземцев, приезжавших в качестве рабочих или солдат... *Уничтожить серьезную опасность, отмеченную нами, можно только одним способом: отменить воинскую повинность во всех владениях и вернуться к принципу профессиональной туземной армии из людей, вербуемых по найму на длительный срок*».

В этом интереснейшем документе с гораздо большей ясностью, чем в предыдущих трех, виден страх империалистической буржуазии перед революционизированием туземной армии. Буржуазия мечтает о небольшой по размерам профессиональной армии наемников, которая ей *кажется* менее опасной для своего господства, чем массовая туземная армия. Отсюда наиболее дальновидные идеологи империалистических кругов, как мы убедились из приведенных деклараций и высказываний, и требуют *возвращения* в колониях к исходному положению, т. е.—к предшествовавшей периоду подготовки к мировой войне системе *профессиональной* армии из *наемников*.

---

[1] «Туземные солдаты, ... стоящие во Франции, вступают в контакт с самыми низкими классами общества, узнают французских женщин. Престиж метрополии от этого сильно ослабляется... Возвращаясь к себе, они становятся гораздо худшими и менее верными служителями империи, чем до приезда во Францию».

Как мы уже видели, это возвращение буржуазии к исходному положению произошло в 1931 г. К этому времени развернулось индокитайское восстание с активным участием цветных солдат и ряд антиимпериалистических выступлений в туземных войсках других колоний.

III. Колониальные восстания и роль туземных войск

Наиболее крупным восстанием во французских колониях за все послевоенные годы было индокитайское—1930 года. В ряде других восстаний — рифского, сирийского, южно-марокканского — оно особенно характерно с точки зрения эволюции роли колониальной армии.

Опасность восстания в Индокитае еще накануне 1930 г. была вполне реальна. Об этом свидетельствует видный колониальный деятель и журналист г. Камилл Фидель.

> «Накануне восстания, было два неурожайных года. К тому же обширные области были сильно разрушены несколькими циклонами. Доход от сельского хозяйства неравномерно распределен между крупными туземными землевладельцами и мелкими арендаторами и батраками. Это вызывает постоянную потребность последних двух категорий туземцев в ссудах. Положение еще ухудшается действием ростовщичества. Все это привело крестьянство к сильно стесненному положению. Последнее обострилось тяжестью налогов, достаточно чувствительных, несмотря на недавно произведенное снижение. Обесценение пиастра, в свою очередь, вызвало повышение цен, еще не уравновесившееся соответствующим изменением уровня заработной платы. Генеральный губернатор даже запретил экспорт риса из колонии»[1].

Жесточайшая эксплоатация, высокие налоги, голодные бедствия трудящихся крестьян подготовили почву для восстания.

В ночь с 9 на 10 февраля 1930 г. около 100 солдат и штатских членов аннамитской национальной партии напали на пост Янь-Бай на севере Тонкина, у самой китайской границы, и убили двух французских офицеров, двух унтер-офицеров, одного туземного капрала и одного туземного солдата. Несколько офицеров и один туземный стрелок были ранены. В последующие дни аналогичные нападения произошли в различных местностях провинции Аннам.

Крестьяне округа Бен-Тин напали на дом местного феодала и тяжело ранили его дочь, а затем убили туземного начальника округа Вин-Бао. В поселке Ламтао группа крестьян забросала гранатами дом помощника полицеймейстера и подожгла его. В городе Хун-Хоа около 50 туземцев напали на полицейское управление и убили одного аннамита и жену его. В столице Тонкина Ханое был убит полицейский чиновник и брошено около 20 бомб в помещение жандармерии и полицейское управление. В мае-июне восстание переброси-

---

[1] «Depêche Coloniale», 27/IX—1930 г.

лось на Юг, в Кохинхину. Здесь активно руководила движением индокитайская компартия. Под ее руководством прошли в 1930 г. по всей стране первомайские демонстрации. Она руководила более, чем сорока забастовками, охватившими до 15 тысяч рабочих. Она организовала мощное крестьянское движение против империализма и феодализма, в котором участвовало около 500 000 крестьян. В Северном Анниаме она создала 17 советов.

В ряде районов крестьяне отказались платить налоги, и почти во всех районах состоялись демонстрации под революционными лозунгами. Происходили также поджоги дворцов мандаринов. Несколько туземцев было казнено, сотни—сосланы на каторжные работы и т. д.

Несомненно, индокитайское восстание 1930 г—одно из крупнейших крестьянских движений нашего века. И активнейшей силой этого восстания были именно *туземные солдаты*, тонкинские стрелки. Именно они начали движение нападением на пост Янь-бай. Они же действовали в районе Фудун, где героически дрались с империалистическими войсками. В июне 1930 г. в Палате Депутатов министр колоний Пиетри заявил: «из 182 туземцев..., захваченных поголовно, или почти поголовно с оружием в руках, на следующий день нападения на Янь-Бай, *было около* 60 *стрелков*». Но он тут же прибавил, что «дисциплинарные мероприятия (т. е. наказания) распространяются на 420—430 военных». Однако по мнению министра «число наказанных стрелков еще не доказывает, как это утверждали, что наша туземная армия Индокитая, численность которой доходит до 18 тысяч единиц[1], неизлечимо заражена». Тем не менее, в дебатах выяснилось, что в разгар восстания, министр колоний получил из Тонкина депешу, автор которой настоятельно просил:

> «*Распорядиться о расформировании тонкинских полков*, так как большая часть стрелков-тонкинцев а также туземных унтер-офицеров, заражена если не коммунизмом, то во всяком случае, идеологией национально-революционной партии Индокитая (Вьет Нам Дан Дан)».

Требование это исходило от *генерального резидента Франции в Тонкине*—высшего французского администратора колонии. Но министр колоний это требование отклонил по мотивам «принципиального» характера: «Нельзя серьезно выдвигать предложение о защите Индокитая от индокитайцев»,—заявил он. Принять это предложение «означало бы расписаться в банкротстве нашего господства».

Однако, г. Пьетри признал необходимым: 1) увеличить количество европейских частей в колонии, 2) очистить туземные резервные части от подозрительных элементов, 3) избегать положения, при котором на призывные пункты поступает «преступный элемент», что

---

1 Эта цифра приблизительно совпадает с числом индокитайских солдат, несущих службу в этой колонии.

означает не принимать в армию деревенских революционно-настроенных бедняков и середняков, 4) перегруппировать гарнизоны таким образом, чтобы они состояли из аннамитских и европейских частей вперемешку, 5) усилить вербовку очень отсталых экономически и культурно горцев из племен «мои» и «то», испокон веков враждующих с аннамитами и тонкинцами. Кстати, это требование особенно настойчиво выдвигал «социалист», бывший губернатор колонии г. Александр Варен (I. O. D. P., 32, стр. 2499). Затем министр признал необходимым свести до минимума контингент индокитайских солдат, квартирующих во Франции, с тем, чтобы постепенно отменить всякое размещение индокитайцев-солдат в метрополии! (там же). Те же цветные, которые должны были остаться в метрополии, подлежали немедленному исключению из технических частей—авиации, инженерных войск и т. д.

Но не в одном Индокитае происходили антиимпериалистические выступления туземных войск. Так, в октябре 1930 г. произошел след. исключительный случай в Марокко. Один из африканских стрелковых полков (эти полки состоят преимущественно из сенегальских крестьян) отказался выступить против марокканских крестьян независимой зоны. Военный суд в Казабланке расстрелял восьмерых, разослал на каторгу и по дисциплинарным батальонам остальных. (Bulletin of the Leque Against Imperialism, декабрь 1930 г.). «Depêche Coloniale» от 10 апреля 1931 г. пишет: «Телеграмма из Казабланки извещает, что в Келае, одном из отдаленных постов района Тадла (Средний Атлас, в Марокко), отделение марокканских стрелков взбунтовалось, перешло на сторону населения независимой области и в его рядах вступило в борьбу с оккупантами. Лейтенант и два унтер-офицера были убиты».

Другой не менее характерный факт. В сентябре 1932 г. французские власти расформировали три туземных полка. Из них — два полка «спагиев» — африканских стрелков. Один из этих полков стоял в Марокко, а другой в Сирии. Солдаты были разосланы по разным частям.

Охарактеризованные здесь восстания туземных войск далеко не исчерпывают всех фактов этого рода. Колониальная цензура строжайше задерживает всякую информацию, могущую подорвать авторитет власти. Поэтому в печать проникают сведения лишь о крупных событиях, скрыть которые невозможно.

Заключение

Сильно выросшие, благодаря империалистической политике, кадры вооруженных и обученных военному делу колониальных трудящихся становятся одним из важнейших факторов колониальной революции. К тому же, кризис потряс до основания крестьянское хозяйство всего капиталистического мира и колониальную деревню—в особенности. Он ускорил революционизирование деревни и крестьянской молодежи, одетой в солдатские мундиры.

Разумеется, туземные войска еще не стали действующей армией колониальной революции. Но с каждым днем, в связи с углублением аграрного кризиса, обострением всех противоречий капитализма, ростом национально-революционного и крестьянского движения и активизацией передовых революционных сил, все больше усиливается процесс революционизирования трудящихся, находящихся в колониальной армии. И этот процесс наблюдается в туземных войсках всех империалистических государств. Например, в так наз. англо-индийской армии еще в 1919—20 гг., в период послевоенного революционного подъема произошел следующий факт.

Войска туземного состава были посланы подавить крестьянское восстание в провинции Вазиристан. Дойдя до этого оайона, солдаты перешли на сторону крестьян. В 1930 г., когда происходили вышеописанные события в Индокитае, два взвода гарвальских стрелков были посланы против повстанцев в Пешавер. Но они отказались стрелять. Имеются сведения, что за зиму 1931—32 гг. из англо-индийской армии дезертировало около 1 500 солдат. Оружие же они весьма предусмотрительно захватывали с собой. Не следует забывать, что англо-индийская армия вся целиком состоит из наемников. Воинской повинности не существует. Вербовка наемников производится со строжайшим отбором из благонадежных крестьян-собственников, по рекомендации (обычно—письменной) крупных землевладельцев. Но даже такое просеивание «добровольных» кандидатов не избавляет империалистическую буржуазию от описываемых выше фактов.

В голландских колониальных войсках—отнюдь не благополучнее. Всем памятен бунт на броненосце голландско-индийского флота «Семь провинций» в феврале 1932 г. Восстали и туземные, и голландские моряки. Поводом послужило «кризисное» снижение заработной платы. Но в основе движения лежало глубокое недовольство всей системой колониального гнета и империалистической эксплоатации этой огромной островной колонии.

Отметим, что японская буржуазия колониальных подданых в армию не набирает вовсе: они боятся дать оружие хоть ничтожной группе корейцев и формозцев. И даже наемников из их среды не набирают. Правда, они вербуют наемников из китайских трудящихся на территории так наз. Манчжу-го для борьбы с крестьянами-партизанами Манчжурии и Сев. Китая.

Должно вместе с тем отметить, что после оккупации Кореи (1910 г.) вести крупных войн Японии не приходилось, так что и нужды в мобилизации колониального населения не было. Но в настоящее время Япония—главный зачинщик нового мирового кровопролития. Она изо всех сил готовит нападение на СССР. А войны с Советским Союзом—не нападение на полуколониальный Китай. Поэтому можно предвидеть, что японская буржуазия, в поход собираясь, все же введет воинскую повинность в Корее. Этим военно-фашистская клика научит искусству вооруженного восстания непреклонных врагов своих,—тружеников т. наз. «страны утреннего спокойствия». Вместе

9*

с трудящимися самой Японии вооруженные рабочие и крестьяне Кореи не замедлят тогда использовать солдатскую науку против империалистической Японии, как это очень часто делают ныне солдаты пресловутой «Манчжу-го».

Процесс революционизирования туземных войск—одно из проявлений несомненно происходящего ныне роста революционного движения во всем колониальном мире. Поскольку же антимилитаристические и антифеодальные революции в колониях—важная часть мировой пролетарской революции, показанные выше процессы приобретают первостепенное политическое значение. Оно с предельной четкостью сформулировано в ленинском тезисе, приведенном в эпиграфе, а именно, что колониальные народы воспользуются военной наукой против господ империалистов.

Но и в войсках, состоящих из граждан метрополии, далеко не «благополучно».

В этой связи напомним здесь об антиправительственных движениях британских моряков в Инвергордоне в 1931 г. Как теперь выясняется, это движение встретило широкий отклик среди британских моряков на Дальнем Востоке. Хорошо знакомый с настроениями английского флота морской обозреватель «The New statesman and Nation» отмечает, что в последнее время, вследствие репрессивных законопроектов адмиралтейства, намечается сильное недовольство правительством. Может создаться такое положение, при котором «в случае новой войны страна не будет в состоянии безусловно рассчитывать на свой флот» («Правда» от 27/VI 1934 г.).

Далее в Париже, во время антифашистского движения масс, 12 февраля с. г., симпатии войск были определенно на стороне масс.

20 лет прошло с начала империалистической войны. Ныне мир вплотную подошел ко второму туру революций и войн. Во всем капиталистическом мире империалистическая буржуазия лихорадочно готовится к войне.

Ряд капиталистических государств готовит контрреволюционную войну против Советского Союза.

В связи с изложенным должно поставить важнейший вопрос,— будет ли цветная армия в будущую войну бессловесным орудием империалистических наступлений?

Положительного ответа не дают даже буржуазные политики и военные специалисты. Они не дают его даже в отношении своей солдатской массы, то есть, рабочих и крестьян господствующей нации. В отношении же цветных солдат они, как мы убедились, выражают самые серьезные опасения.

И опасения эти более чем основательны!

Вместе с тем, совершенно ясно, что описанные нами процессы в цветных армиях являются одним из факторов, тормозящих развязывание сил новой войны. Эти процессы указывают и на то, что в случае возникновения новой империалистической войны или контрреволюционной войны против Советского Союза, трудящиеся, мобилизованные в колониальную армию, будут содействовать превращению империалистической войны в гражданскую.

СОДЕРЖАНИЕ
